

МЫ

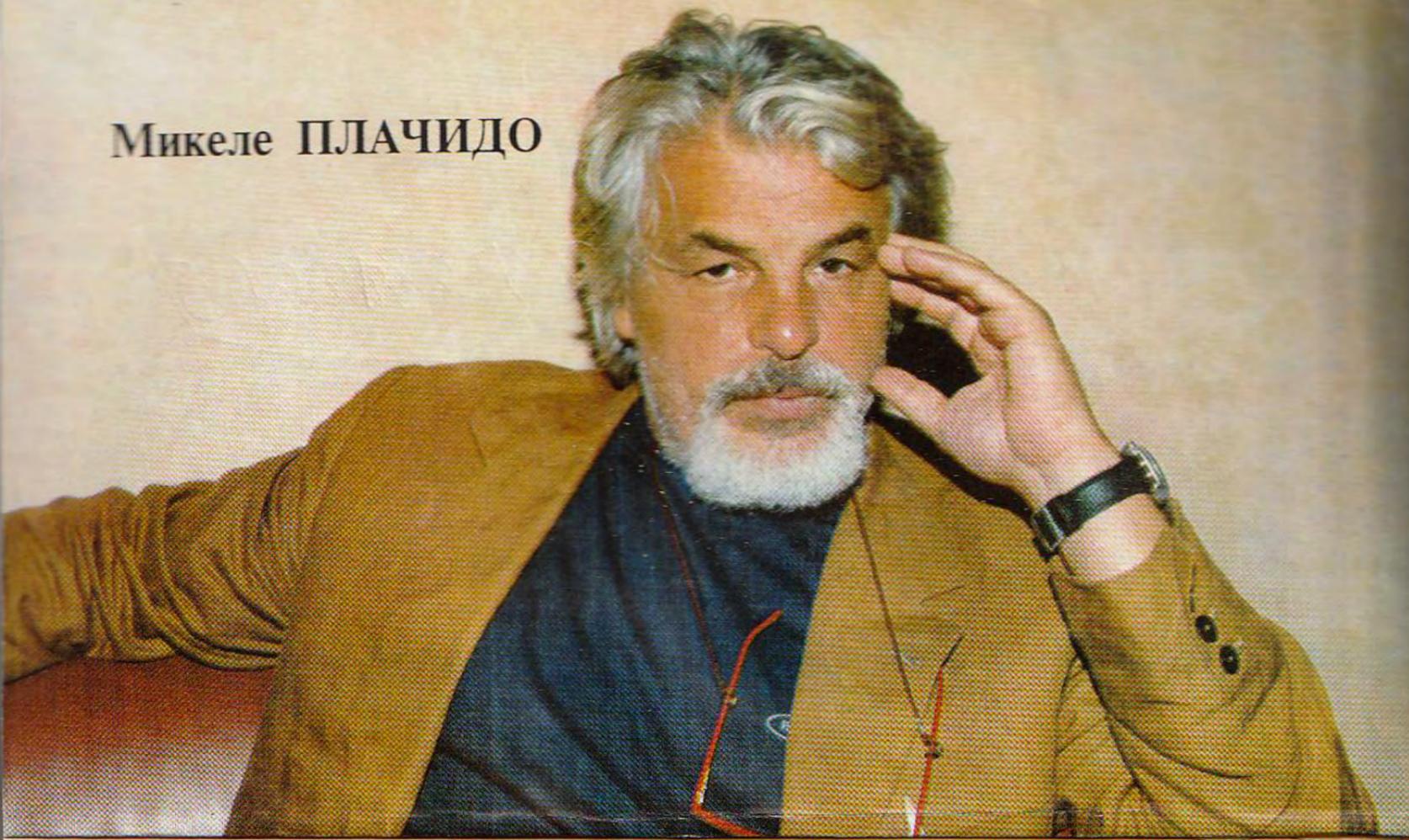
5/98

Лена
ВОСИМОВА:
"У МЕНЯ
В ГОЛОВЕ
ТАКАЯ
КАША..."

1287-589135608/

Микеле ПЛАЧИДО

МЫ

5/98

Основан в 1990 году

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО- ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ

Главный редактор
Геннадий БУДНИКОВ

Редакционная коллегия:

Игорь ВАСИЛЬЕВ

(заместитель
главного редактора)

Сергей ЕСИН

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

Аркадий ПЕТРОВ

Владислав ПРОНИН

Журнал зарегистрирован
Министерством печати и
информации

Российской Федерации.
Свидетельство № 0110486.

Учредитель – редакция журнала
«Мы».

Адрес для писем:

✉ Аб. ящик № 1, Москва, 107005.

☎ Контактные телефоны 150-11-97,
733-32-48.

Набор и верстка выполнены

в ИПК «МП». Зак. № 582.

Слано в набор 30.04.98 г.

Подписано в печать 15.05.98 г.

Формат 84x108 1/32. Бумага
газетная.

Усл. печ. л. 12,3. Уч.-изд. л. 13,72.

Печать высокая. Тираж 26000 экз.

Заказ № 231

Московская типография № 13

Комитета РФ по печати

Денисовский пер., 30,

Москва, 107005.

© «МЫ», 1998

СОДЕРЖАНИЕ

■ ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

Марина Тарасова. Рисунок огня.
Стихи 9
Зарубежная фантастика. Майк
Резник. Вдоводел. Роман. Пере-
вод с английского 13

■ ПРОБА ПЕРА

Наталья Батухтина. Ветер люб-
ви. Стихи 128

■ ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО

Проблема из конверта. Уж, за-
муж, неутерпеж. На письмо чи-
тательницы отвечает журналист
Маргарита Рюрикова 109
Готовы ли вы к семейной жиз-
ни? Тест 114
«Любит – не любит... К сердцу
прижмет». Из цикла бесед с
сексологом академиком
И. С. Коном.
Беседа третья 116
Письма в «Мы» 2
Ищу друга 157

■ КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

Микеле Плачидо: «Я счастлив,
что живу» 133

■ НЕПОЗНАННОЕ ВОКРУГ НАС

Игорь Винокуров. Встречи с
ужасом. Главы из книги о пол-
тергейсте.
Продолжение 138

■ МУЗЫКАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ

Лена Зосимова: «Хочу изобра-
зить саму себя» 185
Ангелы не то, кем они кажутся.
О творчестве композитора Ан-
жело Бадаламенти 175

■ ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

Страницы сатиры и
юмора 163

ПИСЬМА В «МЫ»

СУЩЕСТВУЮ, НО НЕ ЖИВУ

Меня зовут Алина, со мной произошла скверная история, и я не знаю, что делать.

Два года назад я перешла в новую школу и, зайдя в класс, буквально наткнулась на Него. И я сразу влюбилась. Шло время, я находила в нем милые мне черты характера, ревновала, надеялась и была вполне счастлива, хотя и скрывала свои чувства. Так прошло больше года. И однажды — свершилось! Он начал за мной ухаживать. Это были самые счастливые дни моей жизни. Подружки поразились тому, что он не треплется обо мне с друзьями, не намекает на постель и вообще — классный парень. Мы были идеальными влюбленными. Когда же подружки отпускали шуточки, типа «тили-тили тесто...», он смотрел на них чуть свысока и ничуть не смущался. Ни от кого не скрывал своего отношения ко мне и всячески старался показать, что влюблен.

И вдруг все ломается, рушится. Не было ни скандала, ни разговора — ни-че-го! Он просто

стал меня избегать, прятаться, да еще подружки «помогли» — пошли к нему выяснять отношения, а я не смогла их остановить.

Он вычеркнул меня из своей жизни, и я не знаю, что делать. Я просто подавлена — пропала цель, потерял смысл всего. Не могу больше жить и умирать не хочу. Ничего не хочу. Все кончилось, а я существую по инерции. Существую, но не живу. Ощущения такие, будто любовь режет тебя изнутри своими осколками. Вы можете предположить, что не все еще потеряно, и будете не правы. Все выяснилось — он не любит меня и между нами никогда ничего не будет. А я с каждым днем люблю его все сильнее, а должна бы ненавидеть. Он нужен мне как воздух, но я не решаюсь поговорить с ним, — знаю, что он может мне сказать, и боюсь, что не выдержу.

Прошло уже много времени с тех пор, как мы расстались, но боль по-прежнему нестерпима.

Алина, г. Ростов-на-Дону.

От редакции. Мы очень сочувствуем тебе, Алина, и пони-

маем, какую боль, потрясение и депрессию ты сейчас испытываешь. Может быть, наши слова и не помогут тебе, но ты не отторгай их. У несчастной любви есть такой психологический закон: сила ее горя равна глубине чувства. Ты очень горюешь — значит, очень любила. Но мы уверены, что ты сумеешь пережить смерть любви, перетерпишь, усмиришь взрывы боли взрывами воли. Конечно, смерть любви — это смерть части души, но эта часть обязательно возрождается — в юности очень быстро, не оставляя следов боли. Подумай сама: наверное, нет человека, который бы не пережил школьную любовь, и все вспоминают ее как самое светлое чувство. Эта любовь редко имеет продолжение, редко кончается чем-то серьезным, потому что она — только репетиция любви, первая примерка, первое испытание чувств, еще слепых и неумелых. Но она же лучший учитель души, и именно поэтому у тех, кто пережил любовную катастрофу, больше шансов на будущее счастье.

Чтобы любовь не умирала очень долго, научись лечить себя радостями, отвлечениями и новыми увлечениями. Мы уверены, что у тебя все получится, на место печали придет радостное ощущение жизни, на место ушедшей любви — новая любовь. Всего тебе хорошего.

НЕ СПЕШИТЕ ВЗРОСЛЕТЬ

Я выписываю «Мы» с 1994 года и считаю, что это великолепный журнал для подростков. Но я обратила внимание, что письма вам пишут в основном совсем еще маленькие 14-летние девочки, которые утверждают, что парням в наше время нужно от девушек только одно — секс.

Хочу защитить мужскую часть населения, хотя бы в лице моих друзей. Напишу о них подробнее. Я — москвичка, и хотя прожила в своем любимом городе всю жизнь, здесь у меня парней-друзей совсем немного, хотя много просто знакомых, — это мои одноклассники и те, кто учится со мной сейчас в Российской экономической академии имени Г. В. Плеханова на I курсе.

Летом я живу на даче в небольшом поселке около города Сергиева Посада, бываю там на каникулах и иногда в выходные, если есть время. У меня там большая тусовка — человек 20 парней, а девочек — человек 7 набирается, и то только тогда, когда все в сборе. Все девочки — москвички, а ребята — местные. Но я не могу сказать о них ни единого плохого слова. Даже в состоянии сильного подпития они не будут упрашивать тебя переспать с ними. Если ты не хочешь «этого», тебя никто не заставит, даже если вы оба уже раздеты и в последний

момент ты передумала. Я сама два раза попадала в такую ситуацию. Я уверена в них на 100 процентов, потому что они проверены временем.

У меня были студенческие каникулы, и я провела неделю на даче, жила там совсем одна. Каждый день ко мне приходили ребята — они смотрели телевизор, играли между собой в шахматы, отгадывали кроссворды, выпивая при этом, но никто меня не домогался, несмотря на то, что я была одна. Раз два у меня оставался ночевать парень — он перебрал лишнего, а идти ему от меня далеко, и я боялась, что он не дойдет, замерзнет где-нибудь по дороге. Он ночевал у меня, но не в моей кровати, как многие, наверное, подумали. И хотя со мной может справиться любой парень — я из породы дюймовочек — этого не произошло. Мы с ним друзья, я его люблю как брата, и он это знает и ценит. Вообще меня ребята уважают, а чтобы тебя уважали, надо быть достойной уважения.

Кто-то, наверное, удивится: местные парни и заезжие москвички — что у них может быть общего? И разве у парней нет местных девушек? — спросите вы. Отвечу так: девушек в моем поселке много, но интересов у них никаких. Это в основном крашенные блондинки, пропитые и прокуренные, у многих из них слава «шлюшек», так

как девушками они перестали быть лет в 13—14 и успели переспать со всем поселком.

Разве обязательно спать с парнями? Разве не интересно просто дружить с ними, общаться, уважать их? Ведь тогда и они будут уважать вас. Я всем советую уважать себя и других и — главное — не спешить взрослеть.

Маша, 18 лет
г. Москва

НАДО ИСКАТЬ ВЫХОД

Прежде чем написать о себе, я хотела бы поблагодарить вас за помощь, которую вы оказываете нам, подросткам, публикуя наши письма и отвечая на них. Вы даете нужные советы, при этом стараясь никого не обидеть и не задеть. Побольше бы таких журналов.

В апрельском номере за прошлый год я прочитала письмо А. К. из Бурятии и не могу не согласиться с тем, что деньги играют большую роль в жизни человека, — за ними власть и сила. Однако, думаю, что многие проблемы возникают из-за духовного кризиса, который коснулся всего народа и особенно отразился на нашем поколении.

В каждом человеке — хочет он этого или нет — изначально существует нравственное чувство. До 1917 года православная вера была патриархальной,

а после революции ее заменила вера в «светлое будущее», в гениальных вождей пролетариата, потом и эта вера потерпела поражение. В итоге неверие, безнравственность, неуверенность в завтрашнем дне и, наконец, потеря смысла жизни породили внутреннюю, душевную пустоту. Одни пытаются заполнить ее водкой, наркотиками, другие попадают в ловушки сектантов. А есть и такие, кто пытается восстановить веру в Бога, которая в годы Советской власти тоже служила политике Советского Союза.

Мы сумели легко разрушить то, что было накоплено десятилетиями, а вот построить еще ничего не успели. Мне неприятно слышать резкую критику взрослых в адрес сегодняшней молодежи и в то же время неприятна молодежь, обвиняющая во всем людей старшего поколения. Все ищут, кто же виноват в нашем кризисе, вместо того, чтобы искать из него выход.

Я не так долго прожила, но поняла одну вещь, что ценить что-либо люди начинают только тогда, когда теряют что-то или кого-то. Поэтому я считаю, что видеть солнце, слышать пение птиц, да и вообще жить — это уже счастье. Ведь кому-то и этого не дано.

А теперь о себе. Меня зовут Таня. Мне 16 лет. Я хотела бы, чтобы мне написали ребята из

разных уголков России, независимо от возраста и характера увлечений.

Мой адрес: 626806, Тюменская обл., п. Игрим, ул. Кухаря, д. 8, кв. 9. Татьяна.

ХОЧУ ЕЩЕ РАЗ ОТОМСТИТЬ

Моя история очень грустная. Живу я в Чебоксарах — это не очень большой город. Однажды я возвращалась домой часов в 10–11 вечера. Когда я проходила через парк, там на лавочке гуляла подвыпившая компания молодых людей, и в том числе мой бывший парень. Мы с ним дружили когда-то, а он по неизвестным причинам бросил меня. Парни остановили меня и стали приглашать к себе в компанию. Я отказывалась, но они силой заставили меня подойти к скамейке, на которой сидел и мой бывший парень. Он стал лезть ко мне под юбку, а я сказала, что, если он не прекратит это, то я буду кричать. Тогда он закрыл мне рот рукой, а другие четыре парня стали меня раздевать.

Не буду описывать подробно, как все происходило, но свою невинность я потеряла на скамейке городского парка. Я не помню, как я дошла домой, но родителям ничего не рассказала. Через неделю, когда я пришла в себя, я как следует отомстила своему бывшему ухаже-

ру: Мои друзья отловили его и, пока они держали его, я помогалась на него и пикнула ему в лицо.

Сейчас он сидит в тюрьме за другое изнасилование, которое совершил еще до меня. Той девочке не повезло — он сделал ее бездетной. Таким ублюдкам, как он, не место на этой земле. Я жду, когда он выйдет из тюрьмы, чтобы еще раз отомстить ему.

Глория.

От редакции. Мы очень сочувствуем тебе, Глория. Но, может быть, было бы лучше, если бы ты, как и та девушка, которая пострадала до тебя, подала в суд на своих обидчиков. И хотя можно понять твое желание отомстить, лучше все-таки поступать по закону. И тогда все те, кто совершает подобные поступки, будут знать, что их действия не останутся безнаказанными. А самосуд дело рискованное — у твоего парня ведь есть друзья, которые могут захотеть отомстить за него. И тогда никогда не прервется цепочка зла, а будет только множиться.

Мы очень советуем тебе оставить мечту о мести, потому что она, как ржа, разъедает тебя изнутри и мешает тебе жить нормальной жизнью, заниматься делом, учиться и строить жизнь так, как тебе бы хотелось. А тот парень и без

тебя отомщен — ты ведь, наверное, знаешь, что в тюрьме совсем не сладкая жизнь.

Если в вашем городе криминальная ситуация, то сделай добро своим подругам и ровесникам — предупреди их, что ходить поздно вечером одним небезопасно.

Мы желаем тебе душевного спокойствия и побольше хороших мыслей и дел.

Я ЕЕ НЕ БРОШУ НИКОГДА

Мне 15 лет. Зовут меня Игорек. Хочу рассказать вам свою историю.

В прошлом году я влюбился в девочку. Целый год я был влюблен в нее, но никому об этом не рассказывал. В конце концов — я сам себе не верю, — но она стала моей девушкой. Гуляем мы с ней всего несколько дней. Я люблю ее, она самая нежная, самая ласковая, милая, просто золото. Но о нашей дружбе, естественно, узнали мои самые близкие друзья, и с тех пор начались у меня неприятности. Они смеются надо мной, спрашивают, что я нашел в своей девушке. Они говорят, что она — уродина, у нее короткие ноги и оттопыренные уши. Но для меня-то она лучше всех на свете.

Она, конечно, не похожа на Клавдию Шиффер. Ну и что?

Главное, я считаю ее самой красивой. Ее красота идет изнутри, и не каждый может увидеть ее душевную красоту. Я очень, очень люблю свою малышку и хочу жениться на ней. Лучше я потеряю всех своих приятелей, но не брошу ее никогда.

Игорь, г. Тула

СКУЧНО, ГРУСТНО И ТОСКЛИВО...

Мне очень нравится ваш журнал, особенно рубрика «Письма в «Мы», и я тоже решила отправить вам свое длинное письмо — откровение. Я не знаю, что со мной происходит. Моя жизнь превращается во что-то ужасное — я пропадаю, качусь по наклонной плоскости. Свою мать я ненавижу, человек, которого я очень люблю, встречается с другой женщиной, при этом не забывает пользоваться мной. На душе у меня паршиво и пусто, а помочь мне некому и некому «поплакаться в жилетку» и рассказать о своих проблемах. Я брожу вечерами по улицам одна и все чего-то жду. Жду прекрасного принца, настоящего друга, хорошую подружку или просто человека, который мог бы меня понять. А вообще-то я сама не знаю, чего я жду. Наверное, мне на роду написано всю жизнь бродить одной или встречаться с женатыми мужчинами и тер-

петь участь любовницы, наслаждаться случайными связями или спать с каждым, кто понравится. А мне ведь всего 17 лет, но моя душа растоптана и разорвана на клочки постоянными ссорами с матерью, настоящим ожиданием чего-то светлого и хорошего и постоянным одиночеством.

Хотя не стану скрывать, и в моей жизни бывают светлые моменты. Например бывают вечера, когда мой любимый выбирает время и приезжает ко мне, к своей любовнице, как он меня называет. Ему 25 лет, он умный, красивый и уверенно стоит на ногах. Именно такой мне нужен, но есть одно «но» — у него есть та, другая, с которой он встречается уже 5 лет. Так вот о счастливых мгновениях... Бывают вечера, когда он приезжает за мной, и мы уезжаем с ним куда-нибудь в тихий уголок, и мы проводим вместе 2–3 часа невероятного счастья. Надеюсь, он чувствует тоже самое. Бывает, что мне весело в компании знакомых, но это бывает очень-очень редко, т. к. друзей у меня нет, а единственная подружка, с которой мы дружили с пяти лет, стала прекрасно обходиться без меня. Я ей, как видно, больше не нужна, и я не буду навязывать ей свою дружбу. В этом году я поступила в институт, но это меня почему-то не очень радует. А в остальное время мне

скучно, грустно, тоскливо и хочется умереть. Я постоянно думаю о том, во что я превратилась.

А все началось с той самой встречи. Сначала мне все это казалось забавным, я старалась понравиться ему и долго и упорно пыталась сделать так, чтобы он полюбил меня. В конце концов все получилось наоборот — я безумно люблю его и не могу встречаться с другими парнями, потому что постоянно думаю о нем. Иногда мне кажется, что это пройдет, а иногда я думаю, что я буду страдать вечно. Ведь он стал моим первым мужчиной, и я нисколько об этом не жалею — это были самые счастливые минуты моей жизни, и я никогда этого не забуду. Он не требовал доказательств любви — все произошло само собой, я полностью была уверена в нем и в том, что он не причинит мне боли. Но за все это я получаю 2–3 часа счастья, да и то очень редко.

У меня не осталось ничего — ни гордости, ни самолюбия. Он сделал из меня послушную овечку, хотя никогда ни к чему меня не принуждал и ничего от меня не требовал — ни любви, ни верности. Все чаще я думаю о том, что лучше бы он навсегда ушел из моей жизни, бросил бы меня, женился, сделал бы мне больно... Я так устала ждать, страдать и думать о том, что он целует и обнимает другую. Я

хочу забыть его и жить нормальной жизнью. Старюсь верить, что все будет хорошо. Посоветуйте мне, что мне делать.

Аленка, г. Смоленск

От редакции. Нам не кажется, что твое положение так трагично и что ты катишься по «наклонной плоскости». Твое плохое настроение, конечно же, результат твоего нерешительного характера. Ты хочешь, чтобы твои проблемы решил кто-то другой или чтобы они рассосались сами собой, как по мановению волшебной палочки. Но, к сожалению, в жизни так не бывает — человек всегда остается с проблемами наедине и сам должен решать, что ему делать и как действовать. Наверное, тебе стоит взять инициативу в свои руки и решительно разорубить узел ваших отношений, из-за которых у тебя всегда плохие мысли и плохое настроение. Мы советуем тебе проявить характер, тогда у тебя не останется впечатления, что у тебя на роду написано провести так всю свою жизнь, что у тебя нет гордости и самолюбия. «Не бойся жизнь свою сломать и все начать сначала...» Дай себе возможность начать все сначала — у тебя обязательно все получится. Всего тебе хорошего.

РИСУНОК ОГНЯ

* * *

Меня обступают воспоминания,
как детдомовская детвора,
говорят все сразу, не оставляют...
Я снова в Замоскворечье,
в тесных двориках, наводненных
лопухом и крапивой,
уютной сумятицей жизни.
Во дворе чищу рыбу.
Сентябрь, и в тазу
желтый лист пополам с чешуей.
Сколько кошек внимательно ждут...
На веревке — распятая простынь
и светлые брюки.
В первых сумерках чудится, будто
человек бредет сквозь туман.
Это я ступаю сквозь годы,
навечно оставшись
человеком с первого этажа.

КОСТЕР НА СКАЛЕ

Костер на скале, маяк самый древний,
гори для меня за грядой облаков,
согрей нас дымным теплом таверны,
огонь скитальцев и моряков.

Зажгись и дай хоть на время поверить
в древний ветвистый рисунок огня,
в то, что не все захлопнулись двери,
что есть еще тайная дверь для меня.

Что не погаснешь, не скроешься скоро,
что ты не ласкутный цветной закат,
не красная тряпка в руке матадора,
а невидимый ночью кизилковый сад.

ОСЕННЯЯ ФРЕСКА

Дождик просеян сквозь мелкое сито,
словно во сне, изошедшем слезами,

словно в письме на осеннем вокзале:
«встретимся позже...» а дальше — размыто.

Что же нам делать, мой хрупкий кораблик,
серый поробушек, некуда деться.
Встретимся позже, над нами не каплет.
Что же слезами заходится сердце?

МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ

Словно губы новобрачных,
вспухли спелые плоды,
и дурманит цвет табачный
предвечерние сады.

Загляну во тьму колодца,
свет и там обдаст лицо —
уронило в воду солнце
обручальное кольцо.

* * *

Запрятан в древние сосуды,
в тугие горлышки ветвей,
ты отворяешь мне сосуды
щемящей дерзостью своей.

Ты самый дорогой и сладкий,
манящий августа настой —
из кожи молодой и гладкой,
из сердцевины налитой.

Да, ты одно из этих яблок —
смотрю, как светишься из тьмы,
царем плодов на землю явлен
на сгибе лета и зимы.

Мне, в звездном августе рожденной,
ты кажешься дневной звездой,
со мной чудесно обрученной,
как с ночью день, судьба с судьбой.

* * *

А помнишь осень — мы живем на даче,
пчелиным роем сыплется листва,
мерцает дождь в саду, калитка плачет
и так легки прозрачные слова?

Мы к роднику спускаемся с бидоном,
чадит закат, а воздух прятан и чист,
и вдруг из мрака полыхнет зеленым
какой-то шалый, запоздалый куст.
И я качаюсь на твоём плече,
как в белой лодке, полная любовью,
и две осины красных по свече
нам зажигают утром в изголовье.

* * *

Случайная встреча зимою...
Заката багровая соль.
Зачем ты кружишь надо мною,
любовь моя, ласточка, боль?

Что делать мне с этим пожаром
парящей над жизнью любви?
С моим сокрушающим даром...
Окликни меня, позови.

* * *

В апреле Балтика пустынна,
большим покоем холодна,
и только чайки цепью длинной
всплывают, как с морского дна.

Они брачуются на крышах,
на спинах лодок голубых,
и долго крик гортанный слышен
на хорах сосен вековых.

Зачем им булки и печенье,
и умиление наших глаз,
когда у них в глазах свеченье,
непостижимое для нас.

И полон золотого звона
стремительный размах крыла,
и жизнь приходит в жизнь смятенно,
как в землю жаркая смола.

* * *

Тихие волны,
таящие память,
как простыни,
скомканные влюбленными.

Нет кораблей
в соленом тумане.
Одинокий маяк
светит сам для себя.

Темный след на песке
никуда не ведет.

Вернусь ли сюда и когда,
я не знаю.
Ожидание неожиданности
как любовь.

* * *

Надену куртку и берет,
возьму коньки подмышку,
мне снова восемнадцать лет
и я люблю мальчишку.

Но в снежном танце на катке,
переплетая руки,
мы не заметим вдалеке
негаданной разлуки.

* * *

Все в светящемся мареве тонет,
по плечам золотые ручьи,
жарко мне от кленовой ладони,
пахнут яблоком губы твои.

Запоздалые желтые осы
пьют медовую водку дождя,
я звала, я ждала эту осень
как дикарь повеленья вождя.

Как с себя я срывала оправу
светоносной багряной парчи,
как пила я хмельную отраву,
по плечам золотые ручьи...

Никому не дарованы средства
удержать этот шквал огневой,
как качается маятник сердца —
на груди моей крест золотой.

ВДОВОДЕЛ

Фантастический роман

Перевод с английского Виктора ВЕБЕРА

Рисунки Сергея ПЕТУХОВА

Кэрол, как всегда.

*А также Энн Гроель и Дженнифер Херши,
за поддержку и терпение.*

Пролог

В миле под сверкающей поверхностью Делурса VIII, столицы расползающейся по галактике человеческой Олигархии, движущаяся дорожка несла двоих мужчин по длинному, тускло освещенному коридору. Их голоса эхом отдавались от стен и потолка. Один в сером одеянии, второй – в белом. Они миновали дверь, потом еще четыре.

– Интересно, как он выглядит? – спросил мужчина в сером. Его спутник пожал плечами.

– Старый и больной.

– Я знаю, – согласился мужчина в сером. – Но я видел столько его голограмм, из тех времен, когда... вы знаете.

– Когда он по праву считался самым знаменитым убийцей галактики? – уточнил мужчина в белом.

– Он убивал с разрешения закона.

– Так гласит легенда.

– Вас послушать, в жизни все было иначе.

– Да нет, – покачал головой мужчина в белом. – Но вам известно, как создаются легенды.

Дорожка вынесла их к контрольно-пропускному пункту. Они постояли, пока робот сверил их идентификационные бляхи и ретинаграммы. Потом дорожка двинулась вновь, чтобы в пятидесяти футах остановиться у следующего КПП.

– Это обязательно? – спросил мужчина в сером.

– Здесь, совершенно беспомощные, лежат самые богатые мужчины и женщины Олигархии, – последовал ответ. – Они абсолютно беззащитны, и, поверьте мне, нельзя стать богатым, не нажив врагов.

– Я знаю. – Мужчина в сером указал еще на два КПП. – Их же разделяют всего пятьдесят ярдов. Неужели нас должны проверять на каждом?

– Именно так.

– Этого я и боялся.

– Включите в счет доставленные вам неудобства.

Спустя две сотни ярдов коридор раздвоился, и они перешли на дорожку, уходящую в правый рукав. Двери теперь попадались чаще, как и КПП. Наконец они остановились у двери, ничем не отличающейся от других.

– Мы прибыли, – объявил мужчина в белом. Они постояли перед сканером, пока тот считывал их ретинаграммы и отпечатки ладони.

– Я нервничаю, – признался мужчина в сером, когда дверь уползла в стену.

– Процедура достаточно простая.

– Но он же не знает, кто мы.

– И что?

– Устраивает ли его состояние, в котором он находится? А если он на нас разозлится? Если он убивает людей, которые докучают ему?

Комнату заполнил синий свет.

– Нельзя ли поярче? – спросил мужчина в сером.

– Он не открывал глаз больше ста лет, – ответил его спутник. – Комната будет ждать, пока его зрачки не привыкнут к такой освещенности, а потом добавит яркости. – Он зашагал мимо номеров ячеек, выбитых на стене, нашел нужную. Остановился. – Ячейка десять тысяч пятьсот сорок семь.

Из стены на восемь футов выдвинулся ящик. Под полупрозрачной крышкой просматривались контуры человеческого тела.

– Джефферсон Найтхаук, – промурлыкал мужчина в сером. – Тот самый Найтхаук. – Он помолчал. – Я ожидал другого.

– Правда?

– Я думал, что он облеплен проводами и шлангами.

– Вы принимаете нас за варваров, – хмыкнул мужчина в белом. – В тело имплантированы три контролирующих блока. Этого вполне достаточно.

– А он дышит?

– Конечно.

Мужчина в сером прищурился, стараясь уловить движение груди или губ.

– Я ничего не вижу.

– Процесс дыхания настолько замедлен, что отследить его может только компьютер. Глубокий Сон именно замедляет процессы обмена, а не останавливает их. Иначе тут лежали бы тридцать тысяч трупов.

– Так что же нам теперь делать?

– Я уже делаю, – ответил мужчина в белом, обошел ящик, в котором лежало тело, приложил руку к сканирующей пластине, потом пробежался пальцами по выдвинувшейся из-под нее клавиатуре, набирая код.

– Сколько на это уйдет времени?

– Для нас с вами – минуту, для тех, кто лежит здесь, – четыре или пять.

– Почему так долго?

– Если б не смертельная болезнь, эти люди сюда бы не попали. Организм у них ослаблен и медленнее реагирует на стимуляцию. – Мужчина в белом оторвал взгляд от тела. – Многие умерли от шока в момент пробуждения.

– А он не умрет?

– Это вряд ли. Сердце у него практически в норме.

– Хорошо.

– Но я бы на вашем месте подготовился к сильному потрясению.

– В смысле? Вы же сказали, что он не умрет. Опять же, он тяжело болен, поэтому встреча с ним не грозит нам неприятными последствиями. Так в чем проблема?

– Вам доводилось видеть человека с прогрессирующей аплазией?

– Нет, – признался мужчина в сером.

– Вид нелицеприятный. Прошу учесть.

Они замолчали, так как тело начало изменять цвет. Еще две минуты – и крышка уползла в стену, открыв исхудалого мужчину, обезображенного вирусным кожным заболеванием. На лице сквозь кожу торчали белые скулы, белели костяшки пальцев, а там, где кожа еще покрывала плоть, она скукожилась и пошла трещинами.

Мужчина в сером с отвращением отвернулся, затем вновь заставил себя посмотреть на тело. Он ожидал, что его окатит запахом гниющего мяса, но воздух остался чистым и свежим.

Наконец, веки лежащего дрогнули раз, другой, медленно поползли вверх, открыв светло-светло-синие, практически бес-

цветные глаза. Больной с минуты смотрел на гостей, потом нахмурился.

– Куда подевался Акоста? – просипел он.

– Кто такой Акоста? – спросил мужчина в сером.

– Мой врач. Он с минуту, как отошел.

– А, вот вы о ком, – улыбнулся мужчина в белом. – Доктор Акоста уже с восемьдесят лет как умер. Вы проспали сто семь лет, мистер Найтхаук.

На лице больного отразилось недоумение.

– Сто...

– Семь лет. Я – доктор Джилберт Эган.

– И какой нынче год?

– Пять тысяч сто первый галактической эры. Помочь вам сесть?

– Да.

Эган приподнял хрупкое тело, почти что скелет. Как только он убрал руки, Найтхаук завалился набок.

– Мы попробуем еще раз, когда у вас прибавится сил, – пообещал Эган, укладывая Найтхаука в «гроб». – Вы долго спали. Как самочувствие?

– Голоден как волк.

– Это естественно. – Эган улыбнулся. – Все-таки вы не ели больше ста лет. И хотя обмен веществ у вас существенно замедлен, ваш желудок пуст уже с десятков лет. – Эган приставил трубку к левой руке Найтхаука. – К сожалению, есть вы не можете, но вот это устройство снабдит вас всем необходимым.

– Я бы предпочел поесть, – пробормотал Найтхаук, – раз уж меня излечили. – Он помолчал. – Сто семь лет. Чертовски долго, однако.

Во взгляде Эгана, брошенном на исхудалого, обезображенного болезнью мужчину, читалось сочувствие.

– К сожалению, способ излечения эплазии еще не найден.

Найтхаук пронзил доктора взглядом. Вот тут Эган порадовался, что пациент не вооружен и далек от лучшей формы.

– Я оставил достаточно четкие инструкции, запрещающие будить меня до того, как эплазию вычеркнут из списка неизлечимых заболеваний.

– Ситуация изменилась, мистер Найтхаук, – мужчина в сером выступил вперед.

– А ты кто такой? – пожелал знать Найтхаук.

– Меня зовут Марк Диннисен. Я – ваш адвокат.

Найтхаук вновь нахмурился.

– Мой адвокат?

Диннисен кивнул.

– Я – старший партнер юридической фирмы «Хаббс, Уилкинсон, Рейт и Химинес».

– Рейт, – кивнул Найтхаук. – Он – мой адвокат.

– Моррис Рейт присоединился к фирме «Хаббс и Уилкинсон» незадолго до своей смерти в пять тысяч двенадцатом году. Его правнук работал у нас до прошлого года, пока не вышел на пенсию.

– Понятно. Вы – мой адвокат. Почему вы решили, что меня надо будить?

– Мне, право, неловко... – замялся Диннисен.

– Выкладывайте.

– Приняв решение погрузиться в Глубокий Сон, вы передали нам в управление ваш инвестиционный портфель...

– Не портфель, – поправил его Найтхаук. – Шесть с половиной миллионов кредиток.

– Совершенно верно. С тем, чтобы мы инвестировали эти деньги и обеспечивали оплату услуг клиники, в которой вы пребываете, до открытия способа излечения вашей болезни.

– И вам потребовались сто семь лет, чтобы потерять все мои деньги?

– Как можно! – с жаром воскликнул Диннисен. – Ваши деньги в целости и сохранности, и более ста лет приносят доход в девять и тридцать две сотых процента годовых. Если желаете, я готов предоставить все цифры.

Найтхаук мигнул, недоуменно уставился на адвоката.

– Если я не разорен, а моя болезнь по-прежнему неизлечима, какого черта вы разбудили меня?

– Ваш доход составляет чуть больше шестисот тысяч кредиток в год. К сожалению, инфляционная спираль Делурса VIII привела к тому, что клиника определила свои годовые расходы в один миллион кредиток. То есть мы должны заплатить на четыреста тысяч больше вашего годового дохода. Если покрывать разницу за счет основного капитала, через десять лет от него ничего не останется. И нет никаких гарантий, что за это время наши врачи научатся излечивать эплазию.

– Вы пришли, чтобы сказать, что меня выбрасывают отсюда? – спросил Найтхаук.

– Нет.

– Тогда зачем?

– Мне необходимо ваше решение, – ответил Диннисен, не отрывая глаз от изуродованного лица. – Если бы его мог принять кто-то еще, я бы никогда не посмел разбудить вас, пока...

– Пока я окончательно не разорюсь, – сухо заключил Найтхаук. – Ладно, продолжайте.

– Мы... то есть ваши адвокаты... получили в высшей степени необычное предложение, которое может разрешить ваши финансовые трудности и дать вам возможность пребывать в Глубоком Сне, пока не будет найден способ излечения вашей болезни.

– Продолжайте.

– Вы слышали о Солио II?

– Планета Внутреннего Пограничья. А что?

Шесть дней тому назад там убили губернатора.

– А я-то здесь при чем?

– Все просто. Известие о том, что знаменитый Вдоводел все еще жив, каким-то образом достигло Пограничья, и планетарное правительство Солио II предложило семь миллионов кредиток за голову убийцы. Половину вперед, остальное – по завершении операции.

– Это шутка? – возмутился Найтхаук. – Я не могу даже сесть! Диннисен повернулся к Эгану.

– Доктор, вас не затруднит объяснить?

Эган кивнул.

– Хотя мы еще не можем излечивать вашу болезнь, мистер Найтхаук, в других областях, особенно в биоинженерии, мы достигли значительных успехов. Когда к мистеру Диннисену поступило озвученное здесь предложение, он нашел решение, которое вполне устраивает правительство Солио II, при условии, что мы получим на то ваше согласие.

– Биоинженерия, – повторил Найтхаук. – Вы хотите меня клонировать?

– Только с вашего согласия.

– Когда я погрузился в Глубокий Сон, мне сказали, что я проживу от силы месяц. Разве мне дождаться, пока мой клон вырастет и станет мужчиной? И почему вы думаете, что правительство Солио II будет ждать двадцать или тридцать лет?

– Вы меня не поняли, мистер Найтхаук, – покачал головой Эган. – Мы более не выращиваем клонов от младенчества до зрелости. В последние двадцать лет разработана методика создания клона любого возраста, от шестидесяти минут до шестидесяти лет. Мы предполагаем создать двадцатитрехлетнего Джефферсона Найтхаука, вашу молодую версию в самом расцвете сил.

– Он будет болен?

– Если мы сегодня возьмем клетку вашего тела, то да. Но в музее на Биндере X хранится нож, которым вас ранили, когда вы были молодым. Помните тот случай?

– Я не раз получал удар ножом, – ответил Найтхаук.

– Да, разумеется, другого и быть не могло. – Эган помялся.
– Короче, мы связались с музеем и получили ответ, что нам могут предоставить клетки крови с лезвия. Если они и загрязнены, то мы располагаем надежными методами очистки.

– Вы все еще не ответили на мой вопрос: если вы создадите клон из этих клеток, будет ли он болен?

– Почти наверняка нет, потому что у вас в том возрасте болезни не было. Однако он, как и вы, будет восприимчив к эплазии, и, скорее всего, случайный контакт приведет к возникновению болезни... точно так же, как произошло с вами.

Найтхаук нахмурился.

– Эта болезнь сжирает плоть прямо с костей. Выгляжу я чудовищно. Такой болезни я не пожелаю и злейшему врагу. Как же я могу заразить ею того, кто будет мне ближе сына?

– Он будет всего лишь вашей тенью, копией оригинала, – уточнил Диннисен. – Его единственное предназначение – сохранить вам жизнь, пока не отыщут способ лечения вашей болезни. Иных причин для его появления на свет нет.

– Взгляните на эту проблему с другой стороны, – добавил Эган. – Если вы разрешите создать клон, возможно, вы оба доживете до того времени, когда от эплазии перестанут умирать. А без вашего разрешения один наверняка умрет, а второй даже не родится.

– С такой постановкой вопроса делать выбор куда легче, – признал Найтхаук. Глубоко вдохнул. – Господи, как же я устал. Проспал, понимаешь, больше века, а сил совсем нет.

– Я это предчувствовал. – Диннисен достал карманный компьютер. – Здесь у меня копия соглашения с Солио II и разрешение на создание клона. Отпечатка вашего большого пальца достаточно для того, чтобы оба документа вступили в законную силу. – Адвокат помолчал, улыбнулся. – А потом мы вновь отправим вас в Глубокий Сон.

– Когда будет готов клон? – спросил Найтхаук, пытаясь поднять руку. Эган помог ему приложить большой палец к сканирующей пластине компьютера адвоката.

– Если мы ускорим процесс, через месяц.

– Так быстро?

– Я же говорил вам, в биоинженерии мы достигли впечатляющего прогресса.

Найтхаук кивнул, вновь посмотрел на доктора.

– Мне надо поесть.

– Есть вам незачем, – возразил Эган. – Раз юридические формальности улажены, бодрствовать вам ни к чему.

– И найдите мне кровать, – продолжил Найтхаук.

– Мне кажется, вы меня не слушаете, – обиделся Эган.

– Через месяц у вас будет мой здоровый двадцатитрехлетний двойник, так? – спросил Найтхаук.

– Да.

– Вы будете учить его, как убивать?

– Нет, – удивленно ответил Эган.

– Может, вы? – Найтхаук повернулся к Диннисену.

– Разумеется, нет.

– Тогда обучение мне придется взять на себя.

– Боюсь, из этого ничего не выйдет, – покачал головой Эган.

– Месяц вы не протянете, а я не могу погрузить вас в Глубокий Сон и снова разбудить, когда мы изготовим клон. Процесс перехода в Сон и обратно потребует от вас слишком больших затрат энергии.

– Но вы же не можете послать его на задание без соответствующей подготовки!

– Выбора у нас нет. А вы не в том состоянии, чтобы обеспечить эту подготовку.

– Да он не протянет в Пограничье и недели, – пробормотал Найтхаук. Веки его упали, язык начал заплетаться. – Вы убьете нас обоих.

Внезапно он потерял сознание.

Эган поправил простыню, посмотрел на адвоката.

– Вот какой у вас клиент. Что вы о нем думаете?

– Думаю, что предпочел бы не встречаться с ним, когда он был молод и здоров.

– Это плохо. – Повинуясь нажатию кнопки, полупрозрачная крышка наехала на «гроб», закрыв тело. – Потому что через месяц именно такая встреча вам и предстоит.

– Я встречу с дублем – не оригиналом, – возразил Диннисен. – У него не будет навыков Найтхаука, только его врожденные способности.

– То есть потенциал, который еще надо реализовать, – уточнил Эган. – В этом Найтхаук прав.

– Этого хватит. Иначе как объяснить желание Солио работать именно с ним, хотя в Пограничье хватает и убийц и охотников за головами? – Диннисен посмотрел на ящик с телом больного. – К двадцати трем годам Джефферсон Найтхаук убил уже больше тридцати человек. Из пистолета, лазера, сонара, ножом, голыми руками. Равных ему не было. Так что рефлекс у него что надо.

– Рефлексы – это не навыки, – покачал головой Эган. – А если вы ошибаетесь?

– Мы выполнили условия контракта. Разумеется, мы бы предпочли получить семь миллионов, но половина лучше, чем ничего.

Эган долго смотрел на контуры тела Найтхаука.

– А вы задумывались над тем, что произойдет, если жизнь подтвердит вашу правоту?

– Простите?

– Если окажется, что клон ни в чем не уступает оригиналу?

– Мы на это и рассчитываем.

– А как вы сможете его контролировать?

– Настоящий Вдоводел подавил все свои эмоции. У клона для этого нет оснований, а верность имеет под собой эмоциональный базис.

– Вы подумали о том, что за несколько недель он должен впитать все моральные и этические нормы поведения и одновременно овладеть сотней способов убийства?

– Учить его буду не я, – отрезал Диннисен. – Я – юрист. Мое дело – нанять специалистов, не только по методике убийств, но и по поведению в обществе. Какие здесь могут возникнуть сложности?

– Готов спорить, Пандора произнесла те же самые слова, прежде чем открыла ящик, – ответил Эган, когда «гроб» с телом Джефферсона Найтхаука медленно уполз в стену.

Глава 1

Поросшая джунглями планета Карамаджо – жемчужина звездного скопления Квинелла. Необузданный, примитивный мир, охотничий рай, населенный огромными рогатыми травоядными и смертельно опасными хищниками.

Олигархия, увидев, что произошло на колонизированных Пепони и Каримоне, запретила освоение Карамаджо. Планету закрыли для всех, кроме охотников, причем количество лицензий жестко контролировалось. Требовались немалые деньги и связи, чтобы просто приземлиться на Карамаджо, не говоря уже о самой охоте.

Многие, правда, утверждали, что рыбачить предпочтительнее на Хэмингуэе, что в Спиральном Рукаве, но все соглашались, что для охоты лучшего места в галактике не сыскать. Тем, кто не убоился трудностей, планета предоставляла возможность в полной мере испытать себя. Храбрецов ждали тучи смертоносных насекомых, воздух, столь разреженный, что каждые пять дней охотникам приходилось обогащать кровь кислородом, температура, даже ночью редко опускавшаяся ниже тридцати

градусов по Цельсию. Зато по разнообразию фауны Карамаджо не анала равных.

За всю историю планеты только девятнадцать человек получили постоянные охотничьи лицензии. В том числе легендарный Фуэнтес, большинством экспертов признающийся лучшим охотником всех времен и народов, Николас Лейн, чьи охотничьи трофеи украшали экспозиции многих музеев галактики, и Джэфферсон Найтхаук, больше известный как Вдоводел.

Почти день ушел у Найтхаука и его спутника Киношита, невысокого лысоватого мужчины, чтобы пройти таможенный контроль. Отпечатки пальцев совпадали. Так же, как ретинаграммы и голосовые частоты. Полное совпадение показала и проверка ДНК, но настоящему Найтхауку минуло сто пятьдесят, тогда как молодому человеку, прибывшему на Карамаджо, исполнилось лишь двадцать три.

В итоге власти пришли к выводу, что клон имеет право пользоваться лицензией оригинала, и Найтхаук и Киношита на четыре дня растворились в бескрайнем буше планеты. А вынырнули оттуда с двумя тушами дьявольских котов, хищников весом под две тысячи фунтов, которые охотились на стада гигантских травоядных.

Киношита вывел вездеход к Пондоро, роскошной крепости-курорту в глубинах буша, где усталые богатые охотники могли отдохнуть и расслабиться, вкушая все блага цивилизации. К их услугам предлагались ресторан, таверна, лазарет, магазин, торгующий картами, таксидермист с великолепно оборудованной лабораторией, сотня шале, в которых хватало места для четырехсот охотников. Таких комплексов на планете, поверхность которой вдвое превосходила земную, было лишь три. В Пондоро, Карберте и Селусе одновременно могли отдыхать и охотиться полторы тысячи охотников. И число одновременно действующих лицензий никогда не превышало этого предела.

Прибыв в Пондоро, Найтхаук и Киношита сгрузили туши дьявольских котов в лаборатории таксидермиста и разошлись по своим шале, чтобы помыться, побриться, переодеться, дабы потом вместе поужинать. Пища, однако, готовилась из дичи, доставленной с других планет, потому что по какой-то причине мясо местных животных отторгалось человеческим организмом.

Приведя себя в порядок, Найтхаук и Киношита встретились в «Синем шестипале», таверне, где хозяйничал синекожий человек-мутант. Левая его рука заканчивалась бесформенной культей, зато правая – шестью длинными, многофаланговыми, извивающимися как змеи пальцами. Последние тридцать лет он

был живой достопримечательностью Карамаджо и вроде бы ни разу не покидал планету.

Сам Синий не охотился, но прекрасно знал, что привело на Карамаджо посетителей его таверны, и всячески стремился потакать их вкусам. Поэтому стены украшали головы дьявольских котов, огненных ящериц, боевых танков, серебряношкурных и еще десятка экзотических животных, в изобилии населявших местный буш. В результате и выглядела таверна как гостиная старинного охотничьего домика, а не бар пятьдесят второго столетия галактической эры.

На стойке в огромной клетке сидела сине-красно-золотистая говорящая сова. Посетителям разрешалось ее кормить, сие даже приветствовалось, так что под рукой всегда имелись живые ящерицы. За клеткой, на дисплее компьютера, высвечивался текущий обменный курс самых разных валют, включая талеры Марии-Терезии и фунты дальнего Лондона.

Одну стену занимали голографические экраны, на которые вынесенные в буш мониторы передавали изображения попавших в поле зрения животных и их координаты. Несколько охотников, мужчин и женщин, имеющих однодневную лицензию, не отрывали глаз от этих экранов. Как только на одном появлялась интересующая их добыча, они торопливо покидали таверну.

Связка белый охотник – туземный проводник осталась в далеком прошлом. Вездеходы сами выводили охотника на цель.

Когда Найтхаук и Киношита подошли к столику, последний передвинул стулья, на один сел сам, на второй указал Найтхауку.

– Вы всегда передвигаете стулья? – любопытствовал Найтхаук.

– Никогда не садись спиной к двери или к окну, – последовал ответ.

– Но у меня еще нет врагов.

– У тебя нет и друзей, а там, куда ты летишь, это важнее. Найтхаук пожал плечами. Сел.

Инопланетянин-официант, гуманоид, говорящий на терранском с сильным акцентом, поспешил к столику, спросил, что они будут пить.

– Пару «Пыльных шлюх», – ответил Киношита.

Официант кивнул и отбыл.

– «Пыльных шлюх»? – переспросил Найтхаук.

– Тебе понравится, – заверил его Киношита.

Найтхаук вновь пожал плечами, огляделся.

– Интересное местечко. Словно попал в охотничий домик. Киношита кивнул.

– Такая же таверна есть на Последнем шансе.

Найтхаук с сомнением посмотрел на него.

– Скорее, на Биндере X.

Киношита улыбнулся.

– Ты, разумеется, прав. Ошибся. Что ж, твоя память, или память, что у тебя есть, функционирует, как должно, несчастный ты бедняга.

Инопланетянин принес полные стаканы. Найтхаук подозрительно оглядел их.

– Коктейль что надо, – покивал Киношита.

– Цвет-то зеленый.

– Поверь мне на слово, Джефф. Тебе понравится.

Найтхаук взял стакан, поднес ко рту, пригубил.

– Корица. Бориллианский ром. И что-то еще, точно сказать не могу.

– Вино из фрукта, который выращивают на Новой Кении. Не апельсин и не мандарин, но тоже из семейства цитрусовых, разумеется, инопланетных цитрусовых.

– Вкусно. – Найтхаук вновь отпил из стакана. Мне нравится.

– Естественно, нравится. Настоящий Вдоводел ничего другого не пил.

Найтхаук допил коктейль, посмотрел на своего спутника.

– Завтра вновь пойдем на охоту?

– Не думаю. Мы хотели посмотреть, как ты управляешься с оружием после месяца тренировок. Посмотрели.

– Жаль. Это забавно.

– Нападение дьявольского кота для тебя забава?

– Не очень уж они и опасны, – пожал плечами Найтхаук. – Если, конечно, в руках ружье.

– Таксидермист, пожалуй, согласится с тобой, – усмехнулся Киношита.

– Простите?

– Когда я привез туши в его лабораторию, он отметил, что ты не просто попал в глаз, чтобы не попортить шкуру. Пуля вошла в зрачок.

– Как вы и просили перед выездом. Вы же сами сказали, что это просто. Все равно, что указать пальцем.

– Я солгал. Но для тебя такая меткость, похоже, в порядке вещей.

Искренняя юношеская улыбка осветила лицо Найтхаука.

– Я же попал. Не так ли?

Киношита кивнул.

– Попал.

– Черт! – воскликнул молодой человек. – За это надо выпить!
– Он подозвал официанта-инопланетянина. – Еде две «Пыльные шлюхи». – Потом повернулся к Киношита. – Так что у нас теперь?

– Сегодня твое обучение заканчивается.

– Экзамен оказался совсем несложным.

«Экзамен еще впереди», – подумал Киношита, но вслух произнес другие слова:

– Ты даже представить себе не можешь, скольких людей убили дьявольские коты. У тебя было меньше полсекунды, чтобы прицелиться и выстрелить.

– Но ведь это вы настояли, чтобы мы двинулись за ними в чащу.

– Я хотел проверить тебя в максимально сложных условиях.

– Это ваша основная работа?

– Охота на дьявольских котов? Слава Богу, нет.

– Подготовка молодых к самостоятельной жизни?

– Ты – первый.

– А чем же вы тогда занимаетесь?

– Всем помаленьку, – уклончиво ответил Киношита.

– Вы служили в полиции, были охотником за головами? – настаивал Найтхаук.

– Случалось и такое.

– Армия?

– Давным-давно.

– А в преступниках вам доводилось ходить?

– Все зависит от того, кто ставит вопрос. Суд, во всяком случае, меня ни в чем не обвинял.

– А как получилось, что вы работаете на Марка Диннисена?

– У него много денег, которые он готов потратить. Мне нужны деньги. Так что наши интересы полностью совпали.

– Когда закончится ваша работа?

Киношита посмотрел на огненную ящерицу, которая таранилась на него пустыми глазами.

– Скоро.

Молодой человек явно огорчился.

– Как скоро?

Киношита вздохнул.

– Я мог бы полететь с тобой в Пограничье на неделю-другую, пока ты там освоишься, но потом я буду только мешаться под ногами. Маловероятно, чтобы человек, который тебе нужен, напрямую скажет, что вот он я, подходи и бери. Работа предстоит большая, и чем быстрее ты за нее возьмешься, тем лучше. – Киношита отпил из стакана. – Пограничье – не Олигархия с ее

толпами. Незамеченным проникнуть туда невозможно. Тебя заметят издалека.

– Они вовсе не увидят меня, – возразил Найтхаук. – Я буду на корабле до самой посадки.

– Я говорю образно. – Киношита видел, что его слова не убедили Найтхаука. – Послушай, как ты сам убедился, насчет коктейля я не ошибся. Доверься мне, тут я тоже прав. Я лишь помешаю тебе.

– Если я тот, кому выпадает грязная работа, я хотел бы принимать часть решений.

– Как только ты останешься один, все решения будут твоими.

– Вот я и хочу сам решать, лететь мне туда одному или нет.

– У меня нет ни малейшего желания спорить с тобой. Мы отлично поохотились, сейчас вот расслабляемся. О деле поговорим позже.

«Если мне удастся доходчиво объяснить ему, что его-то можно заменить, а вот меня – нет».

Молодой человек подумывал о том, чтобы заказать еще по коктейлю, когда к их столику подошел Синий шестипал. – Привет, Ито! – Он говорил густым басом. – Как только ты вошел, мне сразу показалось, что это ты. Где ты пропадал столько времени?

– В разных местах.

– Я вроде бы слышал, что отстреливал нехороших людей в Спиральном рукаве.

– С этим покончено, – ответил Киношита. – Решил, знаешь ли, дожить до старости.

– Да уж, после сорока у многих возникает такое желание, – согласился Синий шестипал, посмотрел на Найтхаука. – А кто твой друг? Лицо знакомо, но я никак не пойму, где я его мог видеть.

– Его зовут Джефф, – ответил Киношита.

Найтхаук протянул руку, и Синий обхватил ее всеми шестью пальцами.

– Привет, Джефф. Приходилось бывать в Пограничье?

– Нет, – ответил Найтхаук.

– Ну, если ты чему-нибудь научился у своего приятеля, все у тебя будет хорошо. – Синий шестипал вновь пристально взгляделся в молодого человека. – Черт! И все-таки я готов поклясться, что где-то видел твое лицо.

Он отошел к другим столикам, а Киношита наклонился к Найтхауку.

– Скорее всего, он видел старую голограмму, – предложил он очевидное объяснение. – Я даже могу определить, где и когда, потому что в двадцать три года ты носил огромные усы. Они, кстати, старили тебя лет на десять.

– Речь идет не о моей голограмме, – возразил Найтхаук. – Вы путаете меня с ним.

– Ты в определенном смысле и есть он. Теперь, когда я поработал с тобой, мне это ясно больше, чем другим.

Найтхаук покачал головой.

– Он – старик, умирающий от какой-то жуткой болезни. Я – молодой мужчина, у которого впереди вся жизнь. Как только я разберусь с этой работенкой на Солио II, передо мной откроются все пути.

– Например?

Найтхаук постучал себя по лбу.

– То, что заложено здесь, – не мои воспоминания. Я это знаю. И собираюсь добавить к ним то, что увижу и испытаю сам. Галактика велика, есть что повидать и чем заняться.

– Похоже, ты много об этом думал.

– Видите ли, я вкалывал как каторжный всю свою жизнь, все горюх восемь дней. – Найтхаук улыбнулся своей, возможно, не слишком удачной шутке. – Теперь я подумываю о первом отпуске. – Он помолчал. – Хотя пока меня вполне устроила бы хотя одна ночь без подключения к Образовательному диску.

– Без этого обойтись нельзя, – резонно заметил Киношита. – Как иначе за месяц втиснуть в тебя информацию, которую человек набирает в течение двадцати лет? Мы же не могли поплать тебя сюда без знаний и социальных навыков. Черт, да если бы не Диски, ты бы еще не умел говорить.

– Я знаю, и я вам благодарен, – ответил Найтхаук. – Но у меня все-таки будет своя жизнь – после того, как я спасу его жизнь. – Он оглядел зал, головы на стенах, вновь посмотрел на Киношиту. – Я хочу увидеть его, прежде чем полечу на Солио.

Киношита покачал головой.

– Еще одного пробуждения он может не пережить... по крайней мере, до того, как мы найдем способ излечения его болезни.

– Мне не обязательно говорить с ним, – гнул свое Найтхаук. – Я хочу лишь посмотреть на него.

– Говорят, выглядит он ужасно.

– Мне без разницы. Он – мой единственный родственник.

– Тебя не подпустят к нему, Джефф. Почему бы не повидаться с ним позже, когда ты выполнишь поручение, а наука найдет способ излечения его болезни?

– Наука в этом вопросе уже больше ста лет топчется на месте. Разве я могу надеяться, что этот способ вот-вот будет найден?

– Мне говорили, что осталось совсем немного. Имей терпение.

Найтхаук покачал головой.

– У меня нет ни отца, ни матери. Только он.

– Но речь идет не только о родственных чувствах, так?

– С чего вы это взяли?

– Потому что я уже сказал тебе, что встреча с ним – зрелище не из приятных. Так какова истинная причина?

– Я хочу знать, что меня ждет, если они не научатся лечить эту болезнь.

– У тебя и так хватает забот, Джефф. И незачем тебе видеть то, что болезнь может сделать с тобой.

– Сделает.

– Может сделать. Ты, возможно, ей и не заразишься.

– Перестаньте, Ито. Я же не его сын. Я его клон. Если он заразился, заражусь и я.

– Они смогут создать вакцину через два года, или десять, или двадцать. Физически тебе двадцать три. А у него появились первые признаки болезни, когда ему перевалило за сорок пять.

– Не такой уж большой срок.

– Думаю, достаточный.

– Вы не позволите мне повидаться с ним?

– Это не мой вопрос, – ответил Киношита.

Найтхаук вздохнул.

– Ладно, – он помолчал. – Я выпью еще одну «Пыльную шлюху». К хорошему легко привыкаешь.

«Ты слишком уж легко сдался, Джефф. Настоящий Найтхаук потребовал бы то, что ему нужно, а если бы я не помог ему, сам бы взял то, что хотел. И если он хотел увидеть замороженное тело, сам Господь Бог не смог бы помочь тому, кто встал бы у него на пути. Потому он и стал Вдоводелом. Нам пришлось чуть-чуть подправить тебя, приручать, но теперь я сомневаюсь – а по силам ли тебе то, что ты должен сделать».

Официант принес полные бокалы, и Киношита оглядел таверну. Взгляд его упал на двух крепких, широкоплечих мужчин, стоявших у стойки.

«Вот и они, как меня и предупреждали. – Киношита искоса глянул на Найтхаука. – Что ж, наступил срок твоего выпускного экзамена, Джефф. Надеюсь, ты его сдашь».

– Видишь тех двух парней у стойки? – спросил он. Найтхаук кивнул.

– Вы их знаете?

– Скорее, я знаю о них, – ответил Киношита. – Бородатого зовут Могильщик Макнейр, убийца из Спирального рукава. Второй – его телохранитель.

– Зачем убийце телохранитель?

– Каждому нужен человек, приглядывающий за его спиной. Особенно такому, как Макнейр. Врагов у него хватает.

Найтхаук нахмурился.

– Если вы знаете, кто он, об этом известно и таможенной службе. Почему они разрешили охотиться здесь наемному убийце?

– Потому что он может себе это позволить.

– Это единственная причина?

– Карамаджо открыта далеко не для всех. Чтобы попасть сюда, надо хорошо заплатить.

– И во сколько обошлось нам пребывание на Карамаджо?

– О расходах не беспокойся. Ты заработаешь гораздо больше.

– Вы, однако, оптимист. Может пройти не один месяц, прежде чем я выполню задание.

– Да нет. Эти деньги ты заработаешь прямо сейчас.

Найтхаук недоуменно воззрился на него.

– За голову Могильщика Макнейра назначено вознаграждение: полмиллиона кредиток. Как за живого, так и за мертвого.

– Киношита помялся. – Мертвого, оно проще.

– Я даже его не знаю.

– Ты не знаешь и убийцу губернатора Солио II.

– Там другая ситуация. И потом, у меня нет оружия.

– Я научил тебя сорока трем способам убийства руками и ногами. Почему бы не выяснить, чего стоят мои уроки.

– Но он же никого не трогает. Не могу же я просто подойти к нему и убить.

– Согласен. Первым убей телохранителя.

Найтхаук посмотрел на двух мужчин, вновь на учителя.

– Не заставляйте меня, Ито.

– Я тебя и не заставляю.

– А что будет, если я откажусь?

Киношита пожал плечами.

– Мы соберем вещи и вернемся на Делурос VIII.

– А потом?

Киношита помолчал, посмотрел Найтхауку в глаза.

– Потом тебя быстро и безболезненно уничтожат, и следующий клон мы постараемся сделать более агрессивным.

– И вы это допустите? – возмутился Найтхаук.

– Я не могу их остановить. Ставки высоки, и прежде всего они заботятся об интересах старика, который и оплачивает счета.

Найтхаук бросил короткий взгляд на двух мужчин, вновь повернулся к Киношите.

– Что мне им сказать?

– Что хочешь, лучше ничего.

– А если они вооружены?

– Это вряд ли.

– А если все-таки вооружены?

– Тогда тебе придется шевелиться быстрее, не так ли?

– Это все? Или вы дадите мне дельный совет?

– Я не смогу давать тебе дельные советы, когда ты столкнешься с человеком, ради убийства которого ты и создан. Привыкай к тому, что надеяться ты можешь только на себя.

Найтхаук молча сверлил Киношиту взглядом.

«А теперь тебе вдруг захотелось убить меня, а не их. Что из сказанного мною так разозлило тебя?»

Внезапно Найтхаука охватила ярость, и ярость небеспричинная: ему в очередной раз напомнили, что создан он с одной и единственной целью: убивать. Однако молодой человек быстро осознал, что изменить ничего нельзя, а потому сосредоточился на поставленной задаче.

– Подождите здесь, – и Найтхаук поднялся из-за столика.

Направился к стойке, у которой стояли двое мужчин. Проходя мимо них внезапно развернулся и ребро ладони его руки обрушилось на шею телохранителя. Последовал громкий хруст, и мужчина повалился на пол.

Нападение застало Макнейра врасплох, но быстрая реакция спасла ему жизнь после первого удара Найтхаука, который пришелся не в голову, а в плечо.

– Что это тут творится? – пробормотал Макнейр, пятясь и принимая защитную стойку.

Найтхаук промолчал, но выкинул вверх ногу. Этого удара, если бы он достиг цели, Макнейр тоже бы не пережил. Но он сумел заблокировать удар, а потом, сунув руку под тунику, выхватил длинный нож.

– Кто ты? – пожелал знать Макнейр, дважды имитируя удар, в третий попытавшись пронзить шею Найтхаука. Но молодой человек увернулся, перехватил руку убийцы, неуловимое движение – и Макнейр взлетел в воздух, приземлившись рядом с телохранителем.

Найтхаук, даже не запыхавшись, отбросил нож подальше, а потом знаком предложил Макнейру подняться.

– Чего ты хочешь? – прохрипел Макнейр. – Деньги? Мы можем договориться.

Найтхаук имитировал удар в пах, а потом ребро его ладони презалось Макнейру в переносицу, загнав кости в мозг и убив его на месте.

Найтхаук услышал за спиной жужжание, а повернувшись, увидел нацеленный на него готовый к выстрелу лазерный пистолет.

– Стой, где стоишь, сынок. – Синий чуть повел лучеметом.

– Он разыскивался полицией, – подал голос Киношита, не поднимаясь из-за столика.

– Не моя забота, – отмахнулся Синий. – Я не позволяю убивать в моем заведении.

Найтхаук бросил быстрый взгляд на Киношиту, как бы спрашивая: его тоже убить?

Киношита покачал головой, и молодой человек тут же расслабился.

– Мы уйдем, как только ты уберешь пистолет, – продолжил Киношита.

– Кто сказал, что я собираюсь его убрать?

– И мы компенсируем доставленные неудобства.

– Да? – В голосе Синего слышался интерес, но лицо оставалось бесстрастным, а глаза не отрывались от Найтхаука.

– За этих двоих назначено вознаграждение в шестьсот тысяч кредиток. Полмиллиона за Макнейра, остальное за его друга. Мы не могли столько потратить за каких-то три дня. Я попрошу перевести вознаграждение на твой счет. Из этих денег ты оплатишь наши расходы, а остальное оставишь себе.

– А дьявольские коты?

– При чем здесь коты?

– Хорошие охотничьи трофеи всегда в цене. – Они твои.

Синий еще мгновение смотрел на Найтхаука, потом убрал лазер.

– Договорились. Выпейте еще по «Пыльной шлюхе»... за счет заведения.

– Ты очень щедр, Синий. – Киношита знаком предложил Найтхауку отойти от стойки и вернуться к столику.

Найтхаук бросил на прилавок монету.

– Я могу заплатить за свой коктейль. – В голосе его звучала ребяческая гордость.

– Молодец, Джефф, – похвалил его Киношита. – Парни эти – третьи калачи, убить их не так-то легко. Ты же затратил на это минимум усилий. Они мертвы, а на тебе ни царапины.

– И что?

Киношита улыбнулся.

– Ты сдал выпускной экзамен. За это мы и выпьем по «Пыльной шляхе». Потом вернемся в шале, а утром ты улетишь на Солио II. – Он помолчал. – Сюда ты вошел клоном, потенциал которого обещал многое. – Он поднял стакан, салютуя молодому человеку. – Теперь ты мужчина, и лучше многих.

– Так всегда было.

– Я знаю, но...

– Ничего вы не знаете, – сердито ответил Найтхаук. – Вы думаете, что я создан в лаборатории, чтобы убить кого-то на Солио.

– Так оно и есть, Джефф. Мы никогда не скрывали этого от тебя.

– Я сам решу, для чего я создан, – тихо ответил Найтхаук. – Я – человек, такой же, как вы. – Он смотрел в глаза Киношите. И в его взгляде тот не увидел ничего хорошего. – Никогда не забывайте об этом.

Что ж, теперь он знал, что вывело из себя его молодого спутника.

– Вы видели, как я сделал этих двоих. – Найтхаук указал на два трупа, одним глотком опустошил свой стакан. – Я чувствую, что мне может понравиться убивать.

Он поднялся и вышел из «Синего шестипала», зашагав к своему шале.

Киношита задумчиво смотрел ему вслед.

«Да, вопроса нет, ты – Вдоводел, этого у тебя не отнимешь. Тебе надо было попробовать вкус крови. – На губах Киношиты заиграла довольная улыбка. – Пожалуй, наше поручение тебе вполне по силам».

Глава 2

Солио II не могла произвести впечатления на молодого человека, родившегося двумя месяцами раньше на Делуресе VIII и вскормленного воспоминаниями о великолепных мирах, на которых он никогда не был. Население Солио только-только перевалило за миллион восемьсот тысяч – люди, остальные – инопланетяне.

Специализировалась Солио II на торговле. По существу, служила перевалочной базой, официально не входя в Олигархию, но в действительности связывая горнодобывающие и сельскохозяйственные миры Внутреннего Пограничья с потребителями Олигархии. Солио II называли Хлебной корзиной

тысячи миров, хотя точнее следовало назвать супермаркетом, и не тысячи, а трехсот планет, с которыми Солио вела торговлю. Но и эта цифра впечатляла.

Последние пятьдесят лет правили на Солио исключительно диктаторы. Последний из них, Уинслоу Трилейн, занимал главный кабинет планеты восемь лет, пока его не убили.

Собственно, за полстолетия четыре губернатора Солио погибли от рук убийц: традиция выхода на пенсию высшего должностного лица на этой планете пока не прижилась.

Эрнандес поднялся из-за стола, как только молодой человек вошел в кабинет. Высокий, поджарый, с густыми черными волосами, тонким носом, узким подбородком, темно-кариими глазами. Грудь его украшала полоска медалей, хотя Солио II никогда ни с кем не воевала. На столе лежала стопка документов, ожидающих подписи Эрнандеса, тут же стоял и компьютер, с помощью которого подписанные документы в мгновение ока поступили бы в соответствующие учреждения и подразделения.

А в остальном кабинет скорее напоминал гостиную. Идеальная чистота, безупречный порядок, на стенах со вкусом подобранные картины, голограммы. Найтхаук решил, что любая пылинка считается здесь злейшим врагом.

— Добро пожаловать, мистер Найтхаук, — сердечно приветствовал его хозяин кабинета. — Могу я предложить вам что-нибудь выпить?

— Пожалуй, позже.

— Сигару? Мы импортируем из Альдебарана XII.

Найтхаук покачал головой.

— Нет, благодарю.

— Должен признать, мне едва верится, что я разговариваю с самим Вдоводелом. — В голосе Эрнандеса слышались нотки искреннего восхищения. — В детстве вы были одним из моих героев. Думаю, я прочитал о вас все, что о вас написали. Собственно говоря, — ослепительная улыбка, — именно вы и определили мой выбор профессии, а, следовательно, и всю жизнь.

— Я уверен, что ваши слова доставили бы немалое удовольствие Вдоводелу, — сдержанно ответил Найтхаук, садясь напротив Эрнандеса на предложенный хромированный стул с высокой спинкой.

— На я — не он.

Эрнандес нахмурился.

— Простите?

— Вдоводел в настоящий момент пребывает на Делуросе VIII, ожидая, когда же создадут лекарство, способное излечи-

вать его болезнь. Меня зовут Джефферсон Найтхаук, и я всего лишь человек, прибывший сюда для выполнения конкретной работы.

– Ерунда, – отмахнулся Эрнандес. – Или вы думаете, что нам неизвестны ваши подвиги на Карамаджо? Вы же убили Могильщика Макнейра голыми руками! – Он помолчал, пристально глядя на Найтхаука. – Вы – Вдоводел, тут двух мнений быть не может. Найтхаук пожал плечами.

– Называйте меня как вам угодно. Это всего лишь имя. – Тут он наклонился вперед, отчеканил: – Но помните, что вы имеете дело со мной, а не с ним.

– Разумеется. – Эрнандес вновь пристально посмотрел на молодого человека, потом раскурил длинную тонкую сигару. – Мистер Найтхаук, вы не станете возражать, если я задам вам пару вопросов, не имеющих непосредственного отношения к вашему поручению?

– Каких вопросов?

– Вы – первый клон, с которым мне довелось встретиться. – Эрнандес выпустил струю ароматного дыма. – Вот меня и разбирает любопытство. К примеру, мне известно, что два месяца назад вас не существовало. Как вам удалось так быстро научиться говорить?

– Вас послушать, так я какой-то урод, – раздраженно бросил Найтхаук. – Я такой же человек, как и вы, из плоти и крови.

– У меня и мысли не было вас обидеть, – вкрадчиво ответил Эрнандес. – Дело в том, что со вторым клоном поговорить мне точно не удастся. Говорят, что во всей галактике их меньше пятисот. Клонирование запрещено чуть ли не на всех планетах Олигархии. Нам пришлось задействовать все наши политические связи, чтобы санкционировать ваше появление на свет... – Он выдержал паузу. – Так что вполне естественно, что я хочу воспользоваться выпавшим мне шансом.

Найтхаук ответил долгим ледяным взглядом, потом заставил себя успокоиться и расслабиться.

– Я прошел интенсивный курс ночного обучения.

– Я знаю, что обучение во сне дает потрясающие результаты, – покивал Эрнандес, – но я и представить себе не мог, что можно так быстро овладеть разговорным терранским. Может, они начали учить вас до того, как... э... завершился процесс вашего формирования?

– Не знаю.

– Потрясающе! Они использовали тот же процесс, чтобы научить вас боевым навыкам, которыми теперь вы, несомненно, обладаете? – На сверкающую поверхность стола упала крупница

пенла. Эрнандес тут же избавился он нее с помощью миниатюрного пылесоса.

– Скорее всего. Но моей подготовкой занимался и Ито Киношита.

– Киношита, – повторил Эрнандес. – Я слышал о нем. Страшный человек.

– Друг, – уточнил Найтхаук.

– Куда приятнее иметь его среди друзей, а не врагов, – согласился Эрнандес.

– А теперь позвольте мне задать вопрос.

– Конечно. – Эрнандес заметил, что у него погасла сигара, и вновь разжег ее.

– Почему я? – спросил Найтхаук. – Вы могли бы нанять Киношиту или кого-то вроде него. Почему вы потратили столько денег и задействовали все ваши политические связи, чтобы заполучить именно меня?

– Я думаю, ответ очевиден, – улыбнулся Эрнандес. – Вы – лучший охотник за головами за всю историю Внутреннего Пограничья. Лучше Миротворца Макдугала, лучше Себастьяна Коина. Вас просто не с кем сравнивать. – Он помолчал. – Уинслоу Трилейн был блестящим правителем и верным другом. Он заслуживает того, что за него отомстил лучший из лучших.

– Я, между прочим, познакомился с кое-какими материалами, полковник Эрнандес. Уинслоу Трилейн был диктатором, который жировал за счет народа.

Эрнандес хохотнул.

– Вы так говорите, словно ваша информация противоречит моим словам.

– А разве нет?

– Абсолютно. Или вы думаете, что великими могут быть только демократически избранные лидеры? Позвольте заметить, что путь к власти не имеет никакого отношения к тому, как эта власть употребляется.

– Я думаю, имеет.

– Наверное, и должны так думать. В вас говорит идеализм юности, и я это ценю.

– Я не так молод.

Улыбка Эрнандеса стала шире.

– Давайте вернемся к этому разговору, когда вам исполнится год.

– Вы пытаетесь оскорбить меня? – В голосе Найтхаука проскользнули угрожающие нотки.

– Отнюдь, – заверил его Эрнандес. – Тем более, что на свет вы появились только благодаря мне. Из всего многообразия

выбора я предпочел создать вас. Зачем же мне вас оскорблять?

– Вы меня не создали.

– Да, конечно, я не делал соскобы кожи, не проводил анализов, не готовил питательные растворы, но вы существуете по одной и единственной причине: потому что я пригрозил одним политикам, подкупил других и заплатил огромную сумму вашим юристам ради создания молодого, полного сил Джефферсона Найтхаука, чтобы тот выследил убийцу Уинслоу Трилейна. – Лицо Эрнандеса стало серьезным. – Только не говорите мне, что в курс обучения во сне они включили и книгу Бытия.

Найтхаук молча смотрел на полковника.

Наконец Эрнандес покачал головой.

– Мы, очевидно, ушли в сторону. Может, нам следует обсудить ваши дальнейшие планы, раз уж вы здесь.

Найтхаук подождал, пока напряжение покинет его тело.

– Я бы сейчас выпил.

Эрнандес пересек кабинет, открыл бар, достал причудливой формы бутылку и два больших хрустальных бокала.

– Сигньянский коньяк. Лучшего не сыскать.

– Никогда не пробовал коньяка.

– Значит, начнете с лидера. Отныне любой другой коньяк будет вызывать у вас разочарование, ибо воспоминание об этом сохранится до конца ваших дней.

Найтхаук пригубил коньяк, с трудом подавил желание заказать «Пыльную шлюху», выдавил из себя улыбку.

– Очень хороший.

Эрнандес отпил из своего бокала.

– Оцените остающийся во рту привкус.

Найтхаук выждал подобающее на его взгляд время, согласно кивнул.

– А теперь, – продолжил Эрнандес, – думаю, нам пора перейти к делу.

– За этим я и приехал.

– Как вам известно, Уинслоу Трилейна убили девять недель назад. – Эрнандеса передернуло. – Убили световым лучом из лазерного ружья с расстояния примерно в двести метров.

– Как это произошло? – спросил Найтхаук.

– По иронии судьбы, когда он вылезал из автомобиля, чтобы пройти в оперный театр.

– Иронии судьбы? – переспросил Найтхаук.

– Уинслоу ненавидел оперу. – Эрнандес чуть улыбнулся. – И приехал, чтобы помирить две группы своих сторонников.

– Не мог это сделать один из них?

– Ни в коем разе, – уверенно заявил Эрнандес. – Мы держали их под наблюдением.

– Не мог один из них заказать убийство?

– Один и заказал, – ответил Эрнандес. – Они знали, что в этот вечер он приедет в оперу, несмотря на то, что терпеть ее не мог. Они даже знали, в каком автомобиле он прибудет. – Он помолчал. – Такая информация могла исходить лишь от приближенных.

– Это было первое покушение на его жизнь?

– Третье.

– Расскажите мне о двух первых.

Эрнандес вздохнул.

– Мне бы, конечно, хотелось сказать, что моя великолепно организованная служба безопасности загодя узнала об этих попытках и своими умелыми и эффективными действиями нейтрализовала опасность, но это не так. Если б не безобразная подготовка, они бы удались.

– Как я понимаю, убийц вы схватили?

– Покушавшихся на убийство, – поправил его Эрнандес. – Да, мы поймали обоих.

– И они никак не связаны с убийцей, который своего добился?

– Насколько нам известно, нет. Те двое скорее были сумасшедшими. Один хотел таким способом повысить продаваемость своей книги, которая не пользовалась успехом ни у читателей, ни у критиков. Второй думал, что Трилейн и его ближайшее окружение – марионетки инопланетной цивилизации и намерены передать Солио в руки своих хозяев.

– Они живы?

Эрнандес покачал головой.

– Обоих казнили. Оба были террористами-одиночками и безумцами. Мы же имеем дело с тщательно организованным политическим убийством.

– И нет никаких ниточек?

– Нет.

– Что ж, – протянул Найтхаук, – значит, нет смысла расспрашивать министров Трилейна или его личных друзей. Во всяком случае, пока. Они будут все отрицать, вне зависимости от того, знают они что-то или нет, а у меня не будет... э... полномочий вытащить из них нужную мне информацию.

– Боюсь, что не будет.

– Жаль. – Найтхаук проследил за взглядом полковника, понял, что того удивляет практически нетронутый бокал коньяка, поставил себя выпить еще глоток. – Трилейна, судя по всему, застрелил наемный убийца. Кто это мог быть?

Улыбка вернулась на лицо Эрнандеса.

– Я сказал что-то смешное? – полюбопытствовал Найтхаук.

– Разумеется, нет. Я лишь с удовольствием отмечаю, что у вас логика Вдоводола.

Найтхаук вздохнул, поставил бокал на край стола.

– Хорошо. Так кого мне искать?

– Имя я вам сейчас назову. Только не подумайте, что я обвиняю его в убийстве Трилейна. И уж, конечно, не он нажимал на спусковой крючок. – Эрнандес выдержал театральную паузу.

– Но в здешних краях киллеры и бандиты действуют только на своей территории. Если этот человек сам не взялся организовать это убийство, он, несомненно, знает, кто стоял за непосредственным исполнителем.

– Прекрасно. Так кто же он?

– Вы слышали о Маркизе Куинзберри*?

Найтхаук покачал головой.

– Нет.

– В радиусе сотен, может, тысяч световых лет он – самый опасный человек. – В голосе Эрнандеса слышалось восхищение, – Надеюсь, за исключением присутствующих. Противник он очень серьезный, как с оружием, так и без. Кроме того, он не только создал преступную империю, но и правит ею железной рукой.

– Что вам известно о его предполагаемом местонахождении?

– Я точно знаю, где его найти.

Найтхаук нахмурился.

– Тогда почему вы...

– Все не так просто, – перебил его Эрнандес. – Во-первых, законы различных планет Пограничья сильно разнятся, если они есть вообще. А вот соглашений о выдаче преступников в Пограничье практически нет. Потому-то здесь в такой чести охотники за головами.

– То есть он на планете, которая не желает его выдавать?

– Он на планете, которая не знает ни законов, ни законников с той самой минуты, как восемьсот лет назад ее коснулась нога человека.

– Если там нет законов, надо высадиться на ней и отловить его, – предложил Найтхаук.

* Маркиз Куинзберри остался в истории благодаря введенному им в 1887 году своду правил, по которым проводились поединки профессиональных боксеров.

– Ах, фантазии и самоуверенность юности. Как бы мне хотелось разделять их с вами!

– Ладно, – кивнул Найтхаук, – что я не учел на этот раз?

– Ближайшие обитаемые планеты в семи световых годах от Солио. Причем «обитаемые» – это сильно сказано. Речь идет о планетах-близнецах, которые называются Тундра и Юкон. Старательские миры. Покрыты толстым слоем льда, из которого торчат редкие горные вершины. Средняя температура – минус двадцать по Цельсию. И на каждой несколько сот преступников, абсолютно верных Маркизу.

– На какой находится он?

Эрнандес пожал плечами.

– Понятия не имею. Он не отдает предпочтения ни одной.

– Планеты-то не очень... привлекательные.

– Не очень привлекательные они по хорошим дням. А вот для плохих надо бы подобрать эпитет покруче. Однако его штаб-квартира там.

– Почему бы просто не сбросить бомбу?

– Потому что погибнут тысячи невинных людей.

Найтхаук пожал плечами.

– Ну... это всего лишь предложение.

– Практически не реализуемое.

– Полагаю, проникнуть туда незамеченным невозможно. Если он контролирует планеты, то наверняка знает, кто приходит и уходит.

– Я могу снабдить вас удостоверением старателя, – заметил Эрнандес. – То есть впустить вас впустят.

– Интересная ситуация, – прокомментировал Найтхаук.

– Ситуация нетерпимая, – уточнил Эрнандес. – Вот почему мы нашли из ряда вон выходящее решение и платим громадные деньги... – Он раскурил новую сигару. – Запомните мои слова: Маркиз столь же опасен, что вы. На вашем месте я бы застрелил его, как только увидел.

– Я даже не знаю, как он выглядит.

Эрнандес сунул руку в ящик стола, достал маленький многоцветный куб. Взвесил на ладони, потом бросил Найтхауку.

– Благодарю. – Найтхаук сунул кубик в карман. Пристально посмотрел на Эрнандеса. – Если я пристрелю его, как только увижу, каким образом он сможет указать нам заказчика убийства?

– Если вы сможете вырвать из него имя, честь вам и хвала. Но, откровенно говоря, на службу безопасности указывается невероятное давление. От нас требуют разобраться с убийцей. Я, разумеется, хотел бы найти человека, который нанял Мар-

киза, и мы будем работать в этом направлении, но есть некоторые политические реалии, которые я должен учитывать, чтобы остаться на этом месте.

– Дайте им человека, на которого они смогут списать убийство, а не то они спишут все на вас? – усмехнулся Найтхаук.

– Вы недалеко от истины, – кивнул Эрнандес. – Если я вспомню что-то еще, чего нет на кубе, информация будет передана вам на корабль.

Найтхаук поднялся. Встал из-за стола и Эрнандес.

– Ночь я проведу на орбите, на случай, что вы что-то да вспомните. Как я понимаю, координаты и звездные карты в кубе имеются?

Эрнандес кивнул.

– Позвольте поблагодарить вас за то, что уделили мне столько времени. О результатах доложу.

– Удачи вам, – напутствовал Эрнандес уходящего Найтхаука. Потом сел за стол, допил коньяк.

– Ты слышал?

Потайная дверь скользнула в стену, в кабинет вошел невысокий мужчина со смуглым лицом в униформе майора.

– Каждое слово.

– Надо установить за ним слежку. Если он отправится не на корабль, а куда-то еще, я хочу знать об этом.

– Вы действительно думаете, что он сможет добраться до Маркиза, сэр? – спросил майор.

– Надеюсь на это. Он – лучший... во всяком случае, был лучшим. – Эрнандес помолчал, глубоко задумавшись. – Да, шансы у него есть.

– И он сможет вернуться живым?

– А вот это совсем другая история. Пробраться на Тундру или Юкон и убить Маркиза – это ему по силам, а вот выбраться оттуда не сможет даже он. И слава Богу: нам не придется платить вторую половину вознаграждения, – Эрнандес долго изучал кончик сигары. – Бедный клон. Настоящий Вдоводел по ходу разговора уловил бы нашу истинную цель. Этот же слишком юн и наивен, чтобы понять, ради чего ему суждено умереть.

Глава 3

В описании Тундры Эрнандес ничего не преуменьшил или преувеличил. Сравнимая размером с Землей, она утопала в снегу и льдах. Горы, холмы, долины, плато – все сверкало ослепительной белизной под полуденным солнцем. И без защитных очков человек слеп в течение нескольких минут.

Когда-то планета поставляла Олигархии золото, алмазы и расщепляющиеся материалы. Два столетия из ее недр с хрустом выдирали все ценное, пока природные богатства Тундры не остались в воспоминаниях. И некогда цветущие города превратились в призраки. Обогащительные фабрики и аффинажные заводы стояли пустыми, скованные льдом и засыпанные снегом. Но человек окончательно не покинул Тундру, тут и там встречались маленькие поселения, старатели выгребали из древних шахт последние остатки богатств, но большинство горняков давно перебрались на более молодые, не разграбленные миры.

Однако добываемые полезные ископаемые продолжали вывозить с планеты, старатели не могли обойтись без еды и медицинской помощи, и на некоторых из производств теплилась жизнь. Так что торговые пути еще пролегали через Тундру. Остаршееся население проживало в основном в Клондайке.

Когда корабль Найтхаука приземлился в космопорте, он первым делом поинтересовался температурой снаружи. Сорок шесть градусов ниже нуля. Вот Найтхаук и решил, что полмили до города целесообразнее пройти в космическом скафандре, чем надевать теплую одежду, которой снабдил его Эрнандес.

Шагая мимо звездолетов, сверкающих на солнце, словно замороженные иглы, он отметил, что два из них – транспортники с Солио II, доставившие старателям продовольствие и выпивку. Но большинство среди четырех сотен звездолетов составляли частные корабли с опознавательными знаками различных планет Внутреннего Пограничья.

Его взятые напрокат азросани уже миновали космопорт, когда Найтхаук уловил какое-то движение слева от дороги. Остановил сани, повернулся, попытался различить что-либо в сверкающей белизне. Увидел: что-то коротко дернулось и затихло. Заинтересовавшись, Найтхаук изменил курс, и вскоре его сани застыли рядом с низкорослым мужчиной, барахтающимся в снегу в толстой шубе, унтах и меховых рукавицах.

Найтхаук вылез из саней, помог мужчине сесть. Тот что-то сказал, но шлем скафандра не позволил услышать ни слова, а поднимать щиток при такой температуре желания у Найтхаука не было.

Жестами он попытался спросить мужчину, может ли тот встать. Мужчина покачал головой, и Найтхаук поставил его на ноги, указал в направлении города. Тот вроде бы запротесто-

вал, но лишился чувств, когда Найтхаук хотел загрузить его на сани. Мгновением позже азросани уже несли их к Клондайку.

В городе Найтхаук попытался понять, что же ему делать с названным попутчиком. По пустынным мостовым и тротуарам сновали роботы, но ни одного человека он не увидел.

Некоторые здания производили впечатление: опера, театр, музей, но они давно уже не использовались по назначению и заросли коркой льда, лишь напоминая об эре процветания в истории планеты.

Найтхаук медленно кружил по городу. Административные здания, рестораны, бары, маленький коллизей – все заморожено, все покинуто. Внезапно он почувствовал легкий толчок.

Низкорослый мужчина, которого он спас, пришел в себя и указывал на здание справа.

Найтхаук последовал совету и вскоре увидел, что в маленьком окне горит свет. Парадная дверь открылась, пропуская Найтхаука с ношей на плече, и тут же заняла первоначальное положение.

Миновав воздушный шлюз, он оказался в маленькой таверне. Два оранжевокожих инопланетянина, сидящие в углу, коротко глянули на него, а затем вернулись к прерванному разговору. Мужчина, стоявший у стойки, с интересом оглядел Найтхаука, но не более того. Во всяком случае, не подошел и не предложил помочь. Бармен, высокий, широкоплечий, с толстым животом и золотыми глазами, улыбнулся Найтхауку, а затем вернулся к своим делам.

Найтхаук осторожно опустил низкорослого на стул, выбрав его из скафандра, прошел к стойке.

– «Пыльную шлюху» мне, что-нибудь погорячее моему другу. Все принесите на столик.

Вернулся к своему новому спутнику, который постепенно приходил в себя. Теперь, при свете, Найтхаук видел, что кожа у мужчины чешуйчатая, совсем как у рептилий.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Найтхаук.

– Ужасно, – пауза. – Где мы?

– В Клондайке.

Мужчина застонал.

– Теперь мне еще хуже. Я же пытался попросить вас отвезти меня в космопорт.

– У меня здесь дела.

– А у меня дела где угодно, только не здесь. – Мужчина покашлялся. – Я старался выбраться из Клондайка, а вы мне помешали.

– Еще десять минут – и вы бы умерли.
– Я сумел бы добраться до своего корабля.
– Не добрались бы даже с крыльями.
– Что ж, зато умер бы безболезненной смертью, – про-
бормотал мужчина. – Замерзнуть – не худший способ уйти
из жизни.

– В сравнении с чем? – полюбопытствовал Найтхаук.
– В сравнении с тем, что меня ждет, если я немедленно не
уберусь с этого айсберга.

– Вы не в том состоянии, чтобы куда-то уезжать.

Мужчина вздохнул.

– Тут вы правы, – признал он. – Между прочим... – он протянул
руку. – Я еще не поблагодарил вас за то, что вы спасли мне
жизнь... – Найтхаук смотрел на покрытые чешуей пальцы, не
выказывая ни малейшего желания пожать протянутую руку. –
Все нормально, приятель. Будь я заразным, меня бы не пустили
на эту планету... – Найтхаук обдумал его слова, потом-таки пожал
руку. – Я – Мэллой. Ящерица Мэллой.

– Джефферсон Найтхаук.

– Где-то я слышал это имя. Но давным-давно. То есть речь
не могла идти о тебе?

– Нет. А вот я никогда не встречал человека, которого звали
бы Ящерица Мэллой.

– Раньше меня звали Джон Джейкоб Мэллой, – уточнил
низкорослый. – Старатель. Специализировался по астероидам.
Нашел золотую жилу в системе Прего, аккуратно перед тем, как
звезда стала сверхновой. Нас предупреждали, что она вот-вот
взорвется, но я подумал, что успею убраться вовремя. Как
оказалось, не успел. Звезда взорвалась. Излучение достало меня
и в космическом скафандре. Когда я выбрался оттуда, кожа у
меня стала вот такой. – Он вытянул руку. – А «светился» я так,
что три года счетчики Гейгера просто зашкаливали. Мои врачи
просто сходили с ума. И золото, разумеется, мне пришлось
продать за десятую долю стоимости. Потому что ему предстоя-
ло лежать в чем-нибудь сейфе никак не меньше двухсот лет,
прежде чем кто-то смог бы к нему прикоснуться.

– Но вы уже не «светитесь»?

– Нет. Я могу пройти через любой КПП, и ни один счетчик
даже не пискнет. В один прекрасный день я проснулся и вы-
яснилось, что радиация бесследно исчезла. Мои врачи чуть не
сошли с ума во второй раз. – Мэллой рассмеялся. – Поэтому,
если у меня возникает потребность в деньгах, я иду в больницу,
чтобы они в очередной раз попытались разобраться, что же со
мной произошло. За это мне еще и платят.

– Как я понимаю, ответа они не нашли?

Мэллой покачал головой.

– Нет. Я – одна из загадок природы. – Он помолчал. – Впрочем, таких в Пограничье много. – Он указал на приближающегося бармена. – Даже Золотоглазый один из нас. Только он таким родился.

Бармен поставил стаканы на стол, улыбнулся Мэллоу.

– Вроде бы он тебя разыскивает.

– А теперь скажи мне то, чего я не знаю.

Бармен ответил коротким смешком и вернулся за стойку.

Мэллой встал.

– Мне надо сматываться.

Но ноги подогнулись, и он вновь рухнул на стул.

– Отсюда вам только одна дорога – в больницу, – заметил Найтхаук.

Низкорослый отчаянно замотал головой.

– Через минуту все придет в норму.

– Это вряд ли. – В голосе Найтхаука звучало сомнение.

– Меня зовут Ящерицей не только за чешуйчатую кожу, – пояснил Мэллой. – Благодаря чертовой сверхновой у меня и обмен веществ как у ящерицы. На холоде я впадаю в коматозное состояние. В тепле оживаю. – Внезапно он улыбнулся улыбкой рептилии. – Посадите меня в сауну – и энергия будет бить из меня ключом. Короче, скоро я оклемаюсь окончательно и постараюсь уйти отсюда до того, как он узнает, что я здесь.

– О ком вы говорите?

– Естественно, о Маркизе. О ком же еще?

– Маркизе Куинзберри? – спросил Найтхаук.

Мэллой скорчил гримаску.

– А вы знакомы с другими маркизами?

– И чем вы ему насолили?

– Это длинная история. И я уверен, что она несколько не заинтересует такого, как вы.

– Меня интересует все, связанное с Маркизом.

Мэллой долго смотрел на него.

– Послушайте, Джефферсон Найтхаук, вы спасли мне жизнь, так что позвольте отплатить добром за добро. Вы – милый молодой человек. Если вы хотите прожить достаточно долго, чтобы стать милым стариком, отправляйтесь домой.

– И что сие означает?

– Есть только две причины, по которым человек, только что появившийся на Тундре, может интересоваться Маркизом. Или вы хотите присоединиться к его команде, или задумали убить его. И мне представляется, что присоединяться к нему желания

у вас нет. – Мэллой помолчал. – Вы так молоды. А он – Маркиз. У вас нет ни единого шанса.

Найтхаук допил последний глоток «Пыльной шлюхи».

– Ни единого, значит?

– Он вас убьет.

– Я в этом сомневаюсь, – на полном серьезе ответил Найтхаук. – В этом деле я многое умею.

– Да все кладбища Пограничья забиты юношами, которые многое умели. – Мэллой покачал головой. – Отправляйтесь домой.

– Не могу. Зато мне по силам другое. С этой минуты вы под моей защитой.

– Это как? – не понял Мэллой.

– Просто. Если кому-то захочется добраться до вас, сначала ему придется иметь дело со мной.

– К черту! – Мэллой вскочил. – Я не претендую на роль приманки для Маркиза. Он убьет нас обоих. – Он двинулся к двери. – Я ухожу.

Найтхаук схватил низкорослого за шкирку и швырнул на стул. А мгновением позже Мэллой смотрел на дуло пистолета.

– Выбора у тебя нет. – Будничным тоном Найтхаука действовал куда лучше слов. – Я тебя спас. Твоя жизнь принадлежит мне. И я распоряжаюсь ею по своему усмотрению.

– Вы серьезно, не так ли? – спросил Мэллой после долгой паузы. – Вы действительно убьете меня!

– Я бы предпочел избегать крайностей.

– Да, но при необходимости убьете.

– Без малейшего колебания. – Найтхаук вернул пистолет в кобуру.

Мэллой молчал, глубоко задумавшись.

– Я могу попытаться сбежать. До двери недалеко.

– Можешь, – согласился Найтхаук.

– Но стрелок вы меткий.

– Есть такое.

– Есть такое, – саркастически повторил Мэллой. – Готов спорить, попадаете в пылинку с четырехсот футов.

– Пожалуй, с пятисот, – уточнил Найтхаук. – А теперь расслабься и выпей. Я угощаю.

Мэллой нахмурился.

– Никак я вас не пойму. Сначала спасаете меня, потом грозитесь убить, теперь угощаете.

– А чего тут понимать? Пока ты под моей защитой, я тебя пою и кормлю.

- И как долго? – подозрительно спросил Мэллой.
- Узнаешь. Своевременно. – Найтхаук знаком предложил бармену повторить заказ.
- Мне больше не надо, – запротестовал Мэллой. – Хочу быть трезвым, чтобы успеть вовремя нырнуть под стол.
- Расслабься. Тебе больше ничего не грозит.
- С чего такая уверенность, что вы лучше других парней, что охотились за Маркизом? Они тоже ценили себя очень высоко, но все уже мертвы. У вас более быстрая рука? Более зоркий глаз? Почему вы должны достигнуть успеха там, где потерпели неудачу остальные?
- Потому что я самый лучший.
- Вы еще мальчишка, вам двадцать два, максимум, двадцать три года, – усмехнулся Мэллой. – Кого вы убили? Где доказательства того, что вы – лучший?
- Поверь мне на слово.
- Если б мы случайно встретились в баре любой другой планеты, я бы поверил... но мы на Тундре и вы используете меня как приманку, так что на слово я поверить вам не могу. Кого вы убили?
- Чероки Мэйсона. Занзибара Брукса. Билли-с-Ножом.
- Подождите, подождите! Не надо делать из меня идиота. Это парни из исторических книг.
- Найтхаук пожал плечами.
- Я тоже.
- Мэллой пристально всмотрелся в него, нахмурился.
- Джефферсон Найтхаук, Джефферсон Найтхаук, – повторил он, – Знакомое имя, только никак не вспомню, где я его слышал. Если вы и попали в книгу, то лишь в ту, что выпустили в прошлом году.
- Может, вы знаете меня под другим именем, – предположил Найтхаук.
- Может, и знаю, – голос Мэллоя переполняло сомнение. – И что это за имя?
- Вдоводел.
- Ерунда! Он сто лет как умер.
- Нет, не умер.
- А будь он жив, выглядел бы куда старше вас.
- Он погружен в Глубокий Сон в криогенной камере на Делурсе VIII, – пояснил Найтхаук.
- А кто же тогда вы?
- Я – его клон.
- Я этому не верю!

Оба оранжевокожих инопланетянина обернулись на вскрик Мэллой, потом возобновили свою беседу, что-то тихонько шипя друг другу.

Найтхаук пожал плечами.

– Это твое личное дело, чему ты поверишь, а чему – нет. Мэллой изумленно таращился на него.

– Почему они клонировали его? Да стоит только подумать о клонировании человека, как можно получить от тридцати лет до пожизненного заключения на одной из планет-тюрем. – Внезапно он хищно прищурился. – Уж не хотите ли вы сказать, что его клонировали лишь для того, чтобы вы убили Маркиза?

– Совершенно верно.

– А что произойдет с вами после того, как вам это удастся? Отправят обратно в лабораторию?

– Не думаю, что они заглядывали так далеко, – ответил Найтхаук. А помолчав, добавил: – Но я заглянул.

– Так вы действительно Вдоводел?

– Да.

Внезапно Мэллой заулыбался.

– Пожалуй, теперь я выпью, – он повернулся к бармену. – Эй, Золотоглазый! Повтори. – Пока бармен смешивал коктейли, вновь посмотрел на Найтхаука. – Вы знаете, возможно, каждый может извлечь прибыль из этой заварушки.

– Как?

– Сейчас увидите.

Подошел бармен, поставил стаканы на столик.

– Эй, Золотоглазый, каковы шансы этого молодого человека дожить до завтра?

Бармен пожал плечами.

– Понятия не имею.

– Сколько бы ты поставил на него, при условии, что сегодня вечером он схлестнется с Маркизом?

Золотоглазый изучающе оглядел Найтхаука.

– Триста к одному. Против.

– Я ставлю на него двадцать кредиток.

– Где деньги?

– Эй, Джефферсон, одолжи мне двадцать кредиток, а?

– Я покупаю тебе выпивку, – ответил Найтхаук. – Но не собираюсь оплачивать твои ставки в азартных играх.

Золотоглазый продолжал смотреть на Найтхаука.

– Вы прилетели сюда, чтобы убить Маркиза?

– Я этого не говорил.

– Значит, не для этого?

– Такого я тоже не говорил.

- Хотите совет?
- И сколько вы за него попросите?
- Дам бесплатно.
- Тогда оставьте его при себе, – усмехнулся Найтхаук. –

Потому что стоит он не дороже запрошенной вами цены.

Золотоглазый рассмеялся.

– Ты мне нравишься, парень. Воспользуйся моим советом и улетай отсюда, пока у тебя еще есть такая возможность. Ему уже известно, что ты здесь.

– Где он?

– Кто знает? – пожал плечами Золотоглазый. – Это его планета. Поэтому все, что здесь происходит, у него под контролем. – Он взял пустые стаканы и вернулся за стойку.

– Что произошло с твоими деньгами? – Найтхаук повернулся к Мэллоу. – Когда ты сказал, что Маркиз хочет посчитаться с тобой, я подумал, что ты каким-то образом надул его.

– Надул, – печально вздохнул Мэллой.

– Как?

– Мне досталась идеальная колода крапленых карт. Фантастическая колода. Я хочу сказать, никто не мог догадаться, что они крапленые. А если бы и догадался, ничего бы не смог доказать. Потому что пользоваться ими мог только тот, кто знал особый код... – Он помолчал. – Прошлой ночью я выиграл у Маркиза двести семьдесят пять тысяч кредиток.

– И он заметил, что карты крапленые?

– Нет. Я же сказал, заметить это невозможно. Черт, если бы заметил, я бы умер еще до рассвета.

– Так что же произошло?

– Поскольку я собирался улетать, то продал колоду одному из местных за пару тысяч кредиток. – Грустная улыбка осветила лицо Мэллоу. – Кто бы мог подумать, что именно в эту ночь на город обрушится первый за месяц буран. Звездолеты не могли взлететь, поэтому я вернулся в город, чтобы погреться, и выяснил, что этот сукин сын, которому я продал колоду, сдал меня Маркизу! Я прятался до рассвета, а потом попытался добраться до космопорта.

– Так где?

– Что, где?

– Где твои деньги?

– Прикреплены липкой лентой к одному из унитазов в мужском туалете его казино, – ответил Мэллой.

– Понятно, – Найтхаук положил на стол несколько купюр. – Пора их забирать.

– Что забирать?

– Твои деньги. Полагаю, они тебе пригодятся?

Мэллой замигал, словно ящерица, которую внезапно вытащили на солнце.

– Ты полагаешь, что я вот так просто войду в казино Маркиза, возьму деньги и выйду оттуда? – спросил он.

– Ну, мы можем пропустить там по паре стаканчиков, чтобы убедиться, что нас заметили.

Мэллой долго смотрел на него.

– Ты уверен, что ты – Вдоводел?

Найтхаук не ответил, но начал надевать космический скафандр. Мэллою ничего не оставалось, как облачиться в шубу и унты.

– Далеко? – спросил Найтхаук.

– Середина следующего квартала, – ответил Мэллой.

– Сможешь пройти?

– У меня там двести семьдесят тысяч кредиток! Как ты думаешь?

Дверь закрылась, как только они вышли на скованную морозом улицу.

– Господи, как же я ненавижу этот айсберг! – выдохнул Мэллой, но Найтхаук, по обыкновению не поднявший щиток, его не услышал. Быстрым шагом они добрались до казино, без промедления вошли. Найтхаук оставил скафандр и шлем в Охраняемой зоне, что находилась внутри воздушного шлюза. Мэллой, который не мог позволить себе такие расходы, повесил шубу на крюк вешалки, что занимала полстены.

Если таверна Золотоглазого пустовала, то казино Маркиза едва вмещало всех желающих провести там время. Стены изменяли цвет в соответствии с тональностью музыки, зал купался в ярком свете, хотя ни ламп, ни люстр Найтхаук не обнаружил. В зале, рассчитанном на сто пятьдесят человек, толпилось не меньше двухсот, плюс сорок инопланетян. В трех футах от пола плавали столы для рулетки, баккара, десяти вариантов игры в кости (с восемью, десятью, даже двенадцатью гранями). Два стола предназначались для джабоба, инопланетной карточной игры, пользовавшейся бешеной популярностью во Внутреннем Пограничье. Одну стену занимал бар с хромированной стойкой, предлагавший напитки с доброй сотни миров. Над ним возвышалась небольшая сцена, на которой извивалась, вроде бы танцевала, полуголая девица. Другие стены украшали вращающиеся голограммы обнаженных женщин и инопланетянок.

– Видать, доход у него неплохой, – отметил Найтхаук.
– Девяносто процентов собравшихся здесь работает на него,
– ответил Мэллой, в тепле он заметно ожил. – И играют на деньги, которые он им и дает, – Мэллой нервно огляделся. – Я не хочу показаться излишне любопытным, но как ты думаешь выбраться отсюда, если все-таки убьешь его? Тут никак не меньше двух сотен стволов. Даже Вдоводелу не справиться с такой армией.

Найтхаук не ответил, оглядывая толпу, оценивая пути отхода, прикидывая расстояние, взвешивая шансы.

– Знаешь, если я смог догадаться, зачем ты здесь, пройдет не так уж много времени, прежде чем об этом догадается кто-то еще, – прошептал Мэллой. – Давай уйдем отсюда. А за деньгами я зайду в другой раз.

И уже двинулся к двери, но Найтхаук схватил его за руку.

– Мы остаемся.

Мэллой хотел вырвать руку, но передумал.

– Ладно, остаемся. Ты собираешься пришить их всех?

– Только в крайнем случае, когда не останется ничего другого.

– А как ты намерен избежать крайностей?

– Как раз думаю над этим.

– А если кто-то из них думает быстрее тебя?

– Ему придется об этом пожалеть.

– Послушай, – Мэллой не говорил – шептал, – может, вы, легенды Пограничья, и не знаете страха, но мы обычные люди, готовы наложить в штаны при мысли о том, что придется столкнуться с двумя киллерами, не говоря уже о двух сотнях. Скажи мне что-нибудь такое, что успокоит меня.

– Заткнись и думай о своих деньгах.

– В данный момент я могу подумать только о том, что ими можно оплатить роскошные похороны, – скулил Мэллой. – Смотришь на тебя – вроде бы нормальный человек, но ты не ведаешь страха, а это признак того, что ты глуп или безумен. – Он помолчал. – Ты – сумасшедший? Может, ты все выдумал насчет Вдоводела?

Найтхаук отвернулся от надоевшего ему Мэллоя. При этом взгляд его упал на сцену, на которую как раз вышла новая танцовщица. Слепительная, как показалось ему, красавица: пепельные волосы, почти бесцветные глаза, стройная, гибкая фигура. Но более всего Найтхаука заворожил цвет кожи: светло-синий.

Вновь зазвучала музыка, ритмичная инопланетная мелодия, девушка начала танцевать. Крошечные колокольчики, привязан-

ные к пальцам рук и коленям, позвякивали в такт мелодии. Фигурка извивалась с нечеловеческой грациозностью.

– Кто она? – спросил Найтхаук.

– Она? – Мэллой посмотрел на танцовщицу. – Настоящего имени я не знаю. Все зовут ее Жемчужина Маракаибо. Родом, вроде бы, из звездного скопления Квинелла.

– Мутантка?

Мэллой ухмыльнулся.

– Разве встречаются люди с синей кожей?

Найтхаук не отрывал глаз от танцовщицы.

– Одного мутанта я знаю. Бармена. – Пауза. – Она прекрасна, не так ли?

– Многие так думают. Только умные держат такие мысли при себе.

– Почему?

– Она принадлежит Маркизу.

– Ты хотел сказать – работает на него?

– Я сказал то, что хотел.

– По-моему, рабство отменили. Ради этого воевали восемь или девять раз.

– Может, и отменили, но это ничего не меняет.

Найтхаук широко улыбнулся.

– Любопытно. Интересный человек этот Маркиз.

– Разве это имеет какое-то значение?

– Может, имеет, может – нет. – Найтхаук все смотрел на Жемчужину Маракаибо. – Заранее не скажешь.

Глава 4

Музыка смолкла, синекожая девушка скрылась за плавающей сценой.

– Найди ее и скажи, что я хочу угостить ее выпивкой, – Найтхаук повернулся к Мэллою.

– Я не знаю, где ее искать, – с видимым облегчением ответил Мэллой.

– Тогда скажи бармену, чтобы он послал ей самый лучший коктейль и поблагодарил от меня за прекрасное выступление.

– Разве тебя не волнует, что ты окружен убийцами, которые верны только Маркизу?

– Волнует меня только одно: ты мелешь языком вместо того, чтобы идти к бармену.

Мэллой поднялся, долго смотрел на Найтхаука.

– Ты – не он, – наконец, вырвалось у него.

– Не понял.

– Я знаю, что Вдоводел дожил до сорока. У тебя не получится, – Мэллой повернулся на каблуках и зашагал к стойке.

Протиснулся между двух волосатых лодинитов, подозвал бармена, обменялся с ним несколькими словами, указал на Найтхаука, вернулся к столику.

– Ты знаешь какие-нибудь молитвы? – спросил он, усаживаясь.

– Нет. А что?

– Может, и хорошо. Я не думаю, что у тебя будет время хотя бы для одной.

– Расскажи мне, каково все время жить в страхе? – с неподдельным интересом спросил Найтхаук.

– Удлиняет жизнь, – ответил Мэллой. – Если ты не ведаешь страха, у тебя недостает какого-то гена или не все в порядке в голове. Эти парни не знают, что ты – ожившая легенда. Они думают, что ты – молодой задиристый петушок, а когда бармен расскажет им о твоей просьбе, решат, что ты – петушок, думающий не головой, а той штучкой, что болтается между ног.

– Их мнение мне без разницы.

– Разницу ты скоро почувствуешь, – с горечью возразил Мэллой. – Зачем вообще предлагать коктейль мутантке, которая, скорее всего, не сможет его переварить!

– Ты слишком много волнуешься. Как бы тебе не состариться раньше времени.

– Да? Твоими стараниями меня раньше времени убьют!

– Я же тебя спас, вспомни об этом.

– Чтобы использовать как приманку!

– Похоже, до этого не дойдет. – Найтхаук смотрел за спину Мэллой.

Тот резко обернулся и увидел двух людей и коренастого широкожего уроженца Пелленората VI, направляющихся к их столику.

– У меня нет оружия! – обреченно прошептал Мэллой.

– Оно тебе не потребуется.

– Ты не знаешь, кто они! Слева – Кровавый Бен Мастерс. Он один убил не меньше двадцати человек. И я видел, как пелленор разрывает людей на куски.

– Заткнись и не загораживай линию огня, – спокойно ответил Найтхаук. Посмотрел на подошедших к столику киллеров. – Могу ли вам чем-нибудь помочь, друзья?

– Да, – кивнул Мастерс. – Ты можешь быть поосторожней в выборе тех, кого ты угощаешь в Клондайке.

– Вы про моего друга Ящерицу? – Найтхаук указал на покрытого чешуей Мэллой. – Но ему захотелось пить.

– Ты знаешь, про кого я говорю, – пробурчал Мастерс.

– Ага! Так вы про очаровательную танцовщицу.

– Долго же до тебя доходило.

– Но мне показалось, что ей тоже хотелось пить. И потом мне представляется несправедливым, что Маркизу Куинзберри принадлежит не только эта планета, но и она.

– Тебе бы придержать язык, – на терранском, с сильным акцентом пробасил пелленор.

– Считаю этот разговор дружеским предупреждением, – добавил Мастерс.

– Позвольте поблагодарить вас за заботу, – покивал Найтхаук. – Впредь я буду осторожен с выбором тех, кого я угощаю выпивкой.

– Хорошо.

– Правда, эту даму я все равно буду угощать. – Найтхаук поднялся в тот самый момент, когда троица поворачивалась, чтобы уйти. – А вот такому дерьму, как вы и ваша отвратительная зверушка, выпить я не предложу никогда.

Кровавый Бен Мастерс выхватил пистолет до того, как вновь повернулся к столу, но Найтхаук его опередил. Ударил яркий луч, Мастерс и второй человек повалились на пол с обугленной грудью.

Коренастый пелленор взревел и бросился на Найтхаука, но молодой человек с невероятной быстротой ушел в сторону и обрушил рукоятку лазерного пистолета на затылок инопланетянина. Треснул череп, брызнула лиловая кровь, пелленор рухнул как подкошенный.

– Вы все видели, – Найтхаук даже не повысил голоса.

– Классический пример самозащиты, – ввернул Мэллой, все еще удивляясь, что он по-прежнему жив. – Кровавый Бен первым полез за пистолетом. Я тому свидетель!

В течение минуты никто не произнес ни слова. Найтхаук держал лазерный пистолет наготове, чтобы при необходимости использовать его по назначению. Наконец, раздался чей-то голос: «Да кому, собственно, до этого дело?! – и несколько секунд спустя народ вернулся к прерванным занятиям.

– Есть тут слуги закона? – спросил Найтхаук, убирая пистолет в кобуру.

– Пожалуй, что нет, – ответил Мэллой. – Нет и законов, кроме тех, которые вводит Маркиз.

– Тогда кто позаботится о покойниках? – Найтхаук обвел взглядом три трупа.

– Наверное, роботы, обслуживающие казино. Заметив беспорядок, они приедут и уберут лишнее.

– Будем на это надеяться.

Найтхаук оглядел зал. На трупы никто не обращал внимания, словно они стали невидимыми.

Внезапно появились два робота с тележкой на воздушной подушке. Положили на нее два человеческих трупа, сверху скинули инопланетянина. Перегруженная тележка просела чуть ли не до пола, протестуяще завывали моторы. Роботы оценили ситуацию, скинули инопланетянина и отбыли с двумя покойниками.

– А ты, однако, молодец, – похвалил Найтхаука Мэллой. – Я даже начинаю думать, что у тебя есть шанс устоять против Маркиза. В честном поединке.

– Благодарю.

– Впрочем, особого значения это не имеет, – добавил Мэллой. – Маркиз не верит в честные поединки.

– Полагаю, он уже едет сюда.

– Если он на Тундре.

– А если нет?

– Не волнуйся, кто-нибудь придет. Ты убил трех его людей. Он это так не оставит. Такое попустительство вредит бизнесу.

Найтхаук оглядел зал, гадая, откуда на него нападут в следующий раз. Повернулся к Мэллоу.

– Я хочу, чтобы ты вновь подошел к бармену.

– Хочешь угостить ее еще одним коктейлем?

Найтхаук покачал головой.

– Вот что ты ему скажешь. Если ко мне подойдет кто-либо, кроме Маркиза, я сделаю вывод, что напал на меня он, и двумя секундами позже этому заведению потребуется новый бармен.

– Правильно ли ты поступаешь? – спросил Мэллой. – Я хочу сказать... черт, не может же он удержать всех, кому захочется тебя убить!

– А кто, по-твоему, сообщил этой троице о моем желании угостить танцовщицу? – раздраженно бросил Найтхаук. – Мне надоело якшаться с мелкой сошкой. Если Маркиз здесь, он найдет способ с ним связаться.

Роботы вернулись с тележкой, чтобы забрать пелленора. Мэллой проводил их взглядом, поднял голову, и его лицо перекосило от ужаса.

– Никуда идти уже не надо.

Найтхаук проследил за взглядом Мэллоу. Увидел высокого мужчину, пристально разглядывающего его. Копна рыжих волос, ярко-синие глаза, квадратный подбородок. Рост шесть футов, восемь или девять дюймов, широченные плечи, могучие мышцы. Глубокий шрам на левой щеке, от уголка глаза до

самой челюсти, не уродующий его, а лишь добавляющий харизмы.

А харизмы хватало: казалось, он заполнил весь зал собственной персоной. Остальные в его присутствии словно уменьшились в размерах, превратившись в гномов и карликов.

Оружия при нем вроде бы не было. В одной руке он держал бутылку с инопланетным ликером, в другой – пустой стакан.

Найтхаук без слов понял, что перед ним Маркиз Куинзберри. Толпа раздалась в стороны, как только рыжеволосый гигант двинулся к столику Найтхаука.

– Ты – мертвец, – бросил он Мэллоу, затем перестал его замечать, сосредоточив все внимание на Найтхауке. – Тебя зовут Джефферсон Найтхаук.

Найтхаук просто смотрел на него.

– Ты убил трех моих людей.

Найтхаук молчал.

– Ты у нас не очень-то разговорчивый, так? – констатировал Маркиз Куинзберри.

– Я не слышал вопроса, – ответил Найтхаук.

Маркиз одобрительно кивнул.

– Хороший ответ. – Он сел за столик, поставил стакан, наполнил его из бутылки, которую держал в руке. – Так ты хочешь услышать вопрос? Я его задам. – Синие глаза впились в Найтхаука. – Кто позволил тебе убивать моих людей в моем казино?

– Они первыми потянулись за оружием, – ответил Найтхаук.

– И что? Они принадлежали мне, а ты их убил. – Голос Маркиза звучал зловеще. – Как будем рассчитываться?

– Наверное, мне придется выйти отсюда и завербовать трех других дураков.

– Ты называешь моих людей дураками?

– Да.

Маркиз долго сверлил его взглядом, потом расхохотался.

– Ты мне нравишься, Джефферсон Найтхаук! – Он с притворной грустью покачал головой. – Мне очень жаль, что придется на твоём примере преподнести остальным наглядный урок.

– Так не преподносите.

– Тут я бессилён. Как долго я останусь в бизнесе, позволяя каждому любезничать с моей женщиной и убивать моих людей?

– Во всяком случае дольше, чем останешься в живых, если не уйдёшь отсюда. – И под столом, где никто не мог этого видеть, нацелил дуло лазерного пистолета Маркизу в живот.

Тот, как говорится, и ухом не повел.

– Ты собираешься убить меня в присутствии двухсот свидетелей?

– Я бы предпочел этого избежать.
Маркиз добродушно рассмеялся.
– Готов поспорить, предпочел бы.
– С другой стороны, я не позволю и тебе убить меня в присутствии двухсот свидетелей, – продолжил Найтхаук.

– Убери пистолет. У меня оружия нет.
– Мне говорили, что ты – человек слова. Обещай не убивать меня и я позволю тебе отойти от стола.

– Этого я обещать не могу, – покачал головой Маркиз. – Кто знает, что уготовлено нам будущим. – Он помолчал. – Но я обещаю не убивать тебя сегодня. Договорились?

Найтхаук кивнул.

Маркиз поднялся, повернулся спиной к столику, зашагал прочь. Найтхаук уже подумал, что прямой стычки удалось избежать, во всяком случае, на время, когда его руки схватили, завернули за спину. А потом рывком подняли на ноги. Полдюжины человек зажали его, как в клещах.

Маркиз неторопливо повернулся.

– Как хорошо иметь друзей. Тебе, разумеется, такое неведомо.

Найтхаук поморщился, искоса глянул на Мэллоя, который не шевельнулся с того мгновения, как Маркиз вошел в зал.

– Он? – Маркиз пренебрежительно рассмеялся. – Это не друг – паразит.

– Прикажи отпустить меня – и ты увидишь, что друзья мне ни к чему, – ответил Найтхаук.

– Ах, бравада юности! – разговор, несомненно, забавлял Маркиза. – Удивительный коктейль из адреналина и тестостерона, густо замешенных на глупости.

Он кивнул двум своим людям, и те быстро и умело обыскали Найтхаука, выложив на стол лазерный и обычный пистолеты, два ножа и маленький сонар.

– Однако у тебя внушительный набор игрушек, – заметил Маркиз. – А вот теперь, когда мы освободили тебя от них, может, ты скажешь, зачем разыскивал меня?

Найтхаук огляделся, увидел вокруг только враждебные лица людей и инопланетян, вновь посмотрел на Маркиза.

«Думай быстро. Как бы он поступил в аналогичной ситуации?»

– У меня к тебе деловое предложение, – наконец вырвалось у него.

– Что ж, как хорошо, что я заглянул на огонек. До того, как ты изничтожил всех посетителей моего казино.

– Я рассчитывал привлечь этим твоё внимание, – признался Найтхаук.

– Ты и привлек, юный Джефферсон. Предложил выпивку моей женщине; вместо того чтобы, как подобает, договориться о встрече, убил трёх моих людей. Естественно, сие привлекло моё внимание. – Он пристально всмотрелся в Найтхаука. – Так чего же ты хочешь?

– Найми меня.

– Чего, чего?

– Я лучше двадцати человек, что служат тебе. И запрошу я лишь жалованье десятерых.

На лице Маркиза отразилось изумление.

– Никак не возьму в толк, то ли ты очень молод, то ли очень глуп.

– Я очень хорош.

– Ты знаешь, сколько я убил очень хороших людей?

– Не имею ни малейшего представления.

– Шестьдесят четырёх.

– И скольких держали за руки? – любопытно спросил Найтхаук.

На лице Маркиза заиграла улыбка.

– Отпустите его.

Тут же руки Найтхаука упали вдоль боков.

– Хорошо. – Пальцы Маркиза сложились в массивные кулаки. – Давай поглядим, на что ты способен. Я собираюсь показать тебе, что случается с самоуверенными юношами, которые убивают моих людей на моей планете.

Рука Маркиза рванулась вперед. Найтхаук уловил это движение, но даже его рефлексов не хватило, чтобы уйти от удара. Мгновением позже он почувствовал, как треснул носовой хрящ.

– С тобой все в порядке? – с наигранной участливостью поинтересовался Маркиз. – Выглядишь ты ужасно.

– Я это переживу. – Удар ноги отправил бы Маркиза к противоположной стене, но тот ушел в сторону.

– И еще. – Маркиз имитировал удар левой, увернулся от правого кулака Найтхаука.

– Что же? – Найтхаук дважды достал подбородок Маркиза, попытался добраться до переносицы, но Маркиз блокировал удар ребром ладони.

Маркиз поднял стакан, наполненный сигньянским коньяком, выплеснул содержимое в лицо Найтхаука.

– Мы деремся по правилам Маркиза Куинзберри.

– Что это за правила? – Найтхаук быстро отпрянул, вытирая глаза.

Маркиз усмехнулся.

– Я думал, ты так и не спросишь. – Он поднял над головой стул, запустил в Найтхаука. – Какими я их объявлю, такими они и будут.

Он выкинул вперед ногу, целя в голову Найтхаука. Тот поднырнул под ногой, схватил вторую ногу Маркиза, дернул. Маркиз рухнул на спину. Найтхаук успел дважды пнуть его, но Маркиз уже пришел в себя, и третий пинок кончился тем, что Маркиз перехватил ногу Найтхаука и вывернул ее. Найтхаук кубарем покатился по полу, вновь вскочил.

– Знаешь, ты не так уж и плох. – Маркиз придвинулся ближе, имитировал удар в голову, но ударил Найтхаука в живот.

Молодой человек согнулся, демпфируя удар, а когда Маркиз надвинулся на него, резко выпрямился, ударив головой в подбородок.

– Черт побери! – воскликнул Маркиз, когда кровь хлынула на рубашку. – Больно!

– Так и задумано, – удар левой дошел до цели – и у Маркиза заплыл правый глаз.

Маркиз повалился на пол, но при этом заплел ноги Найтхаука, и тот тоже оказался на полу.

– Ты хорош, ничего не могу сказать, – выдохнул Маркиз, поднимаясь.

– Да и ты неплох, – пробормотал Найтхаук, облизав разбитые губы.

– Вот что я тебе скажу, – продолжил Маркиз. – Позволь мне угостить тебя выпивкой, а потом начнем второй раунд.

– Идея мне нравится, – кивнул Найтхаук, последовав за Маркизом к стойке.

Бармен поставил перед ними две большие пивные кружки.

– Ты не столь горд, чтобы не разрешить мне платить за тебя? – спросил Маркиз.

– Мне нравится, когда за меня платят другие, – ответил Найтхаук.

– Хорошо. Чувствую, мы поладим.

– Начали, во всяком случае, неплохо, не так ли?

Маркиз расхохотался.

– С чувством юмора у тебя все в порядке, Джефферсон Найтхаук!

И внезапно швырнул пивную кружку в голову Найтхаука. Кружка рассекла лоб и отлетела в сторону.

Найтхаук, падая, одной рукой успел уцепиться за стойку бара. Увидев летящую к нему ногу Маркиза, в последний момент выставил перед собой стул. Маркиз взревел от боли, от удара

по металлическому стулу потерял равновесие, хряпнулся головой об стойку, колени у него подогнулись.

Найтхаук смахнул кровь, заливавшую глаза, и, крадучись, двинулся на Маркиза. Удар левой, два правой, удар ребром ладони по плечу, обездвигивающий правую руку. Он очень уж хотел добить Маркиза, поэтому слишком поздно увидел громадный кулак, летящий ему в ухо. В голове звякнул миллион колокольчиков – и Найтхаука зашатало.

Он чувствовал, что Маркиз надвигается на него, но смог лишь развернуться влево, выставив перед собой руки и надеясь на лучшее. Ребро его левой ладони соприкоснулось с шеей Маркиза, а потом ему вновь пришлось хвататься за стойку, чтобы удержаться на ногах. Он ждал решающей атаки Маркиза, гадая, во что она выльется, как он сможет отразить ее... но атаки не последовало.

Зато раздался хохот Маркиза.

– Клянусь Богом, Джефферсон Найтхаук, я верю, что ты очень хорош, как ты и говоришь!

Тут Найтхаук почувствовал, как его поддержала крепкая рука.

– Мы сейчас выпьем, а потом пройдем в мой кабинет и поговорим о делах. – Маркиз оглядел толпу. – С этой минуты он работает на меня и говорит от меня. Тот, кто оскорбит его, оскорбит и меня, обманувший его – обманет и меня. Это ясно?

Реакция, абсолютное молчание и несколько злобных взглядов показали, что решение Маркиза мало кому пришлось по душе, но будет выполняться.

– Как насчет моего друга? – Найтхаук указал на Ящерицу Мэллоя.

– Сегодня я в благодушном настроении. – Маркиз повернулся к Мэллою. – Слушай сюда, маленький негодяй. Ты возвращаешь деньги до того, как покинешь мое казино, и я, возможно, сохраню тебе жизнь. Если уйдешь, не вернув моего, ты покойник. Понял меня?

– А нельзя ли обойтись без «возможно»? – спросил Мэллой.
– Я отдаю ваши деньги, а вы отпускаете меня.

Маркиз взглянул на коренастого бородача.

– Убей его.

– Подождите! – заверещал Мэллой. – Подождите! Мы договорились.

Бородач нацелил пистолет на Мэллоя и вопросительно посмотрел на Маркиза.

– Ты уверен, что мы договорились? – спросил Маркиз. – Ты знаешь, в мужчинах я ценю смелость.

– Договорились, – кивнул Мэллой.

Маркиз кивнул, и киллер опустил пистолет.

А теперь, друг мой, – Маркиз повернулся к Найтхауку, – воспользуемся тишиной и покоем моего кабинета.

– Если у тебя там хорошая мебель, может, посидим здесь, пока перестанет течь кровь? – предложил Найтхаук.

– Дельная мысль, – Маркиз вытащил из кармана купюру, бросил на стойку. – Ставлю пятьдесят кредиток, что у меня она перестанет течь раньше.

– Заметано.

Маркиз вновь широко улыбнулся.

– Джефферсон, мальчик мой, я чувствую, что мы положили начало прекрасному деловому партнерству.

Глава 5

Кабинет Маркиза Куинзберри полностью отражал вкусы хозяина: массивная мебель, сработанная для крупных, сильных мужчин, заставленный бутылками бар, стеклянный шкаф, набитый коробками сигар, собранными со всей галактики, льющаяся из динамиков музыка, человеческая музыка. Из окна с бронированным стеклом открывался прекрасный вид на Клондайк. Украшали кабинет картины и голограммы женщин и инопланетянок, куда более фривольные, чем выставленные в зале. В трех выставочных шкафах поблескивали драгоценными камнями произведения инопланетного искусства.

Когда они сели, гигант долго смотрел на Найтхаука, стараясь проникнуть за завесу кровоподтеков и синяков.

– Ты клон, не так ли? – наконец, спросил он.

– Да.

– Я так и думал!

– Догадался по фамилии?

Маркиз покачал головой.

– Нет. Здесь люди меняют имена как перчатки. В Пограничье сейчас не меньше дюжины Джефферсонов Найтхауков.

– Тогда?..

– Есть другие признаки. Во-первых, я видел голограммы Вдоводела... – Маркиз помолчал. – А вот клона я вижу первый раз. И это для меня куда интереснее, чем разбираться – а чей ты, собственно, клон.

– Правда?

– Да. Слушай, а каков твой возраст?

– Двадцать три года.

– Не физический, а реальный.

Найтхаук вздохнул.

– Три месяца.

Маркиз заулыбался.

– Я так и думал! Каково это – не иметь прошлого, воспоминаний?

– Воспоминания у меня есть, – ответил Найтхаук. – Просто они не мои.

– А чьи же?

Найтхаук пожал плечами.

– Понятия не имею.

– Кто готовил тебя? Оригинал?

– Нет. Он умирает от какой-то болезни, которую подхватил более ста лет тому назад. Заболел он, когда ему еще не было пятидесяти, а к шестидесяти двум она едва не доконала его.

– Он заморожен?

Найтхаук кивнул.

– На Делуросе VIII.

– Давай поглядим, что у меня получается, – продолжал Маркиз. – У кого-то нашлась работа для Вдоводела. Каким-то образом они узнали, что он жив, постарались его найти и выяснили, что он заморожен. Возможно, они знали это с самого начала, потому что ему далеко за сотню. Однако старик он или нет – он остается лучшим, поэтому они хотели именно его... И подкупили какого-то высокопоставленного чиновника, чтобы заполучить хотя бы клон Вдоводела.

– В общем и целом, так и есть.

– Но это еще не все. Почему ты здесь, в этом месте, в это время? Возможно, тебе нужен кто-то из моих людей, но ты спросил меня, а не кого-то еще. Так почему ты вышел на мой след? Что за ужасное преступление я совершил, если потребовалось вмешательство Вдоводела?

– Пока ты ни в чем не ошибся. Ответишь сам?

– Пожалуй. Ты охотишься за убийцей Уинслоу Трилейна.

– Совершенно верно.

– Что ж, я его не убивал. Черт, да он мне нравился. Он не трогал меня, я – его. Мы отлично ладили.

– Ладили?

– Он и Эрнандес позволяли мне грабить планету в обмен на некоторые услуги.

– Но ты знаешь, кто его убил... и кто за это заплатил?

– Возможно, – усмехнулся Маркиз. – Я много чего знаю.

– Так почему бы не сказать мне?

Маркиз рассмеялся.

– Если я буду делиться с тобой секретами других людей, ты никогда не доверишь мне свои.

– Я и не собираюсь. – Помолчав, Найтхаук добавил: – Что теперь?

– Теперь? – Маркиз откинулся на спинку кресла, которое плавало над самым полом. – В казино ты предложил мне свои услуги, помнишь? И сейчас мы обсуждаем условия твоего контракта. Мне плевать, что привело тебя сюда. Мне нужен толковый заместитель. И лучше, чем Вдоводел, мне не найти.

– Я не Вдоводел, я – это я.

– По мне, одно и то же.

– Нет, – возразил Найтхаук. – Он уже не человек. Его кожа сожрана каким-то вирусом, и ему больше ста лет. Он – некто, бывший Джефферсоном Найтхауком.

– А ты – лабораторное создание, вылезшее из пробирки три месяца тому назад, – напомнил Маркиз. – И что из этого? Я предпочитаю воспринимать вас обоих как людей.

Найтхаук скривился. Разговоры о собственном происхождении не доставляли ни удовольствия, ни радости. А Маркиз раскурил тонкую сигару, импортированную с далекого Антареса III. Датчики пепельницы уловили дым – и она взлетела в воздух, застыв у руки Маркиза.

– Не хочешь ли закурить? – Он предложил сигару Найтхауку.

– Не знаю. Не помню.

– А ты попробуй. Заодно и выяснишь.

Найтхаук согласился, взял сигару, раскурил. И решил, что придется выкурить несколько штук, чтобы понять, нравятся они ему или нет.

– А потом, разве ты что-то должен этим людям с Делурса? Если б они ничего от тебя не хотели, ты бы сюда не попал. По закону тебя не существует. Клонировать человека – преступление, так что они нарушили не один закон, лишь ради того, чтобы создать тебя. А когда ты поймаешь человека, который им нужен, они пошлют тебя на другое задание или вновь обратят в протоплазму. Так или иначе, своего будущего у тебя не будет.

– А какое будущее предлагаешь мне ты? – спросил Найтхаук.

– Самое лучшее, – улыбнулся Маркиз. – Стать человеком.

Перескочить из лабораторной пробирки на королевский трон! Я уже контролирую одиннадцать звездных систем. А когда придет мой черед отойти в мир иной, их число увеличится до двадцати пяти или тридцати. Ты станешь моей правой рукой. Захочешь пару планет для себя – докажи мне свою полезность, и они твои.

– Я думал, что Олигархия не жалуется самозванных императоров, – сухо отметил Найтхаук. – Даже если в их империях проживает меньше людей, чем на одной Солио II.

– Мы оказываем Олигархии большую услугу, – возразил Маркиз. – Как бы ни прирастала военная мощь человеческого государства, галактика слишком велика, чтобы держать ее под контролем. Поэтому здесь, в Пограничье, мы собираем планеты для человечества. Для истории нет разницы, кто ими правит, олигархи или я. Они контролируются человеком, и это главное!

– Это самое красноречивое обоснование набегов, грабежей и массовых убийств, которое мне доводилось слышать.

– Я так и думал, – Маркиз продолжал улыбаться. – Такое будущее тебе не нравится. Давай пойдем с другой стороны. У тебя будет больше власти, чем ты хотел бы иметь даже в мечтах.

– Ну, не знаю, – покачал головой Найтхаук. – Мечты у меня о-го-го. Я, возможно, захочу получить даже то, чем владеешь ты.

Улыбка сползла с лица Маркиза.

– Попытайся взять что-нибудь мое, и ты станешь шестьдесят пятым покойником, кого я отправил к праотцам. – Он помолчал. – А вот если ты будешь делать то, что я тебе скажу, и делать хорошо, ты убедишься на собственном опыте, что обо всем можно договориться.

– Включая Жемчужину Маракаибо?

– Практически обо всем, – уточнил Маркиз. – Она – личная собственность, Вдоводел. О ней даже не думай.

– Я говорил тебе, я – не Вдоводел. И она свободна в выборе.

– Ерунда. Свободы не существует. Ты вот принадлежишь своим хозяевам на Делуресе, а когда покинешь их, будешь принадлежать мне.

– А кому принадлежишь ты? – спросил Найтхаук.

– Я с потрохами принадлежу Пограничью.

– Я думал, твое дело убивать и грабить людей, а не владеть ими.

– Ты бы предпочел, чтобы я убил и ограбил тебя? – со смешком спросил Маркиз. – Я могу, знаешь ли.

– Возможно.

– Я думал, что доказал это в казино.

– Ты знаешь, как добиваться своего, – говорил Найтхаук серьезно, без тени иронии. – Я только учусь.

– Разумно. Будем надеяться, нам не придется выяснять, чему же ты научился.

Найтхаук поднялся.

– Ты уходишь? – спросил Маркиз.

– Хочу осмотреть трофеи, – ответил молодой человек, направляясь к выставочным шкафам с произведениями инопланетного искусства.

– В искусство и профан, – пояснил Маркиз. – Оставлял только то, что мне нравилось. Остальное продавал коллекционерам на черном рынке.

– Как ты начинал? – спросил Найтхаук. – Вором? Или убийцей?

– Я? – переспросил Маркиз. – Детективом.

– Ты шутишь!

– Отнюдь. Пятнадцать лет назад я попал в Пограничье, выслеживая подозреваемого. Укравшего драгоценности. Он имел при себе два бриллианта размером с твои глаза. Я пытался взять его живым, но он сопротивлялся, и мне пришлось его убить. Вот тогда я и задумался – а стоит ли возвращать бриллианты моим начальникам? Я знал их, достаточно хорошо знал, чтобы предположить, что они, скорее всего, прикарманят бриллианты, а мой отчет положат под сукно. Чем больше я об этом думал, тем менее привлекательной становилась идея возвращения в Олигархию.

– А бриллианты стоили целое состояние.

– Стоили, – согласился Маркиз. – Вот они и исчезли, а вместе с ними исчез и я. Взял себе новое имя, попал не в одну передрагу, с честью вышел из них и стал Маркизом Куинзберри.

– Что значит Маркиз?

– Кто ж его знает? Но один парень, которого звали маркиз Куинзберри, ввел правила то ли для карате, то ли для дзю-до. В моем мире правила устанавливаю я, вот я и решил, что это имя очень даже мне подходит. – Он помолчал. – Проведя в Пограничье пару лет, я понял, что честолюбивый человек может достичь здесь куда большего, чем удачливый вор. Он может стать императором. Начал я с Юкона и Тундры, не так уж сложно взять под контроль пару планет, население которых не превышает и двух тысяч, а потом начал расширять свою империю.

– Хорошо, планета принадлежит тебе. А что это дает?

– Прежде всего, я собираю налоги.

– Рэкет?

– Что за вульгарный термин. – Маркиз поморщился. – Я предпочитаю называть сие обеспечением безопасности.

– А тебе хоть раз приходилось обеспечивать эту самую безопасность?

– Пока еще нет. – Маркиз постучал по дереву. – Но у меня достаточно людей, чтобы остановить кого угодно, за исключением Флота Олигархии.

– Если взять в качестве примера ту троицу, которых я убил, у тебя возникнут большие сложности, если кто-то попытается подмять под себя твои планеты.

– Ты путаешь божий дар с яичницей. Они – обычные люди, а ты – Вдоводел. Это – одно, а послать три сотни крепких парней против экспедиционного корпуса, контролируемого другим...

– Главкомандующим? – вставил Найтхаук.

– Я собирался сказать *entrepreneur*^{*}, – закончил фразу Маркиз.

– Знаешь, я бы не очень-то на них рассчитывал.

– Ты прав, – ответил Маркиз. – Я рассчитываю на тебя.

– Моя первейшая обязанность – найти убийцу Трилейна.

– Я рассчитываю и на это. – Маркиз одарил Найтхаука широкой улыбкой. – Ты же знаешь, что он не мог убить Трилейна без моего разрешения. Не можешь ты и выбить из меня имя убийцы, а если ты убьешь меня, но никогда его не узнаешь. Так что тебе не остается ничего другого, как славно потрудиться на меня, завоевать мое доверие и постараться, чтобы я оказался у тебя в долгу... так?

– Возможно, – не стал спорить Найтхаук. – С другой стороны, я, возможно, разочарую тебя и найду убийцу без твоей помощи.

– Мне уже приходилось разочаровываться. Я переживу. – Маркиз как бы говорил: *«Ты, возможно, нет, а вот я точно переживу»*.

– Однако, пока я его не нашел, я могу поработать и на тебя. Мне понадобится работа после того, как я выполню задание.

– Даже Вдоводел не чужд логике, – удовлетворенно отметил Маркиз.

– Случается и такое, – согласился Найтхаук. – Когда мне начинать? С чего?

– Поначалу даю тебе несколько дней, чтобы прийти в себя. Мне хватает самовлюбленности, чтобы посчитать, наш поединок не прошел для тебя бесследно. Привыкни к Клондайку, познакомься с мужчинами и женщинами, которые работают на меня. У меня «люкс» на шестом этаже отеля в этом же квартале. Он твой.

– А где будешь ты?

– На десятом этаже, – с улыбкой ответил Маркиз. – Мне нравятся пентхаузы. Я пришлю врача, чтобы он заштопал тебя и поправил нос. Если тебе что-то потребуется, достаточно позвонить в бюро обслуживания. Если пойдешь в город за едой, выпивкой, одеждой, называй свое имя, пока тебя не начнут

* Авантюрист (франц.)

узнавать. Прежде чем ты покинешь мой кабинет, я дам всем знать, что ты работаешь на меня.

– И все, кто работает на тебя, обслуживаются по тому же раскладу? Я удивлен, что торговцы еще не покинули Тундру.

– Я бизнесмен, а не филантроп, – рассмеялся Маркиз. – Как я могу брать с них налоги, если они не будут иметь прибыли? Нет, *carte blanche** есть только у тебя и Мелисенд.

– Мелисенд?

– Девушка, к которой ты никогда не прикоснешься.

– Жемчужина Маракаибо?

– Это ее профессиональный псевдоним. Как Маркиз Куинзберри или Вдоводел.

– Ладно, она – Мелисенд, а я – Джефферсон Найтхаук. Кто ты?

– Мое настоящее имя тебе ничего не скажет.

– Мне все равно хочется его знать.

– Я знаю, что хочется. Но я не собираюсь называть его тебе.

Пусть все по-прежнему думают, что я умер.

– Как скажешь. – Найтхаук пожал плечами. – Но мне представляется, что это несправедливо.

– Разумеется, несправедливо, – кивнул Маркиз. – Я – босс, а ты нет. При чем здесь справедливость? Учитывается ли она хоть при каком-то раскладе?

– Пожалуй, что нет.

– Интересное выражение у тебя на физиономии.

– Правда?

Маркиз кивнул.

– И вот что оно вещает: «Как-нибудь, застав Маркиза врасплох, я напомню ему о его словах... вероятно, после того, как отберу его женщину и вышибу почву у него из-под ног...» – Маркиз помолчал. – Забудь об этом. Такому не бывать.

– Это твоя фантазия, не моя.

– А какие у тебя фантазии... сколько в них женщин?

– Ни одной.

– Совсем нет женщин? Что же это за фантазии?

– Я скажу тебе, когда мы будем лучше знать друг друга, – ответил Найтхаук. – Возможно, я даже обращусь к тебе за помощью.

– Это успокаивает.

– Неужели?

– Конечно, – улыбнулся Маркиз. – Сие означает, что в твоих фантазиях отсутствует мое убийство.

* Полная свобода действий (франц.)

– Да уж, я нацелился на рыбку покрупнее.

«Не только крупную, но и старую, которую надо убить до того, как его адвокаты и врачи решат убить меня».

– Правда? – В голосе Маркиза слышался неподдельный интерес. – Ты думаешь, что убийца более крупная рыба, чем я?

– Хочешь начистоту?

– Конечно.

– Я думаю, что убийца – ты.

– Я же сказал тебе, что нет.

– Знаю. Но я тебе не поверил.

– И что ты собираешься теперь делать?

– Накапливать информацию. Не спеша. И надеяться, что ты окажешься прав.

– Что-то я тебя не понимаю, – нахмурился Маркиз. – Вроде бы ты убеждал меня, что твоя первейшая обязанность – найти убийцу.

– Моя первейшая обязанность – искать его. Не найду – значит, не судьба.

– Ага, значит, я не ошибся, – покивал Маркиз. – Если ты выполнишь свою миссию, тебя вновь отправят в чан с протоплазмой.

– Я приложу все силы, чтобы не отправили.

– Оставайся здесь, и тебя никогда не найдут.

– Есть один человек, который найдет меня, где угодно, – ответил Найтхаук.

– Ерунда! Ты – Вдоводел.

– Как и он... если они его вылечат, на следующее утро он кинется за мной.

– С чего ты это взял?

– Я бы так поступил... а я – это он.

– Глупость какая-то, – запротестовал Маркиз. – Зачем Вдоводелу убивать своего клона? Тем более, что за это ему никто не заплатит.

– Не могут два Джефферсона Найтхаука одновременно ходить по земле. Я получил то, что он по крупичам собирал всю жизнь: его личность. Он захочет ее вернуть.

– Не понимаю, с чего ты в этом так уверен.

– Потому что я хочу убить его по той же причине, – ответил Найтхаук. – Пока он жив, я всего лишь тень. Официально я даже не существую. Каждая заработанная мною кредитка принадлежит ему, все, что я делаю, хорошее или плохое, записывается на его счет. – Молодой человек замолчал, собираясь с мыслями. – Джефферсон Найтхаук – всего лишь

ния, одно из многих, набор звуков, ничего больше. Я могу отыскаться на него, как на любое другое. А вот Вдоводел – это четко и определенно, конкретно. Пока он жив, мне Вдоводелом не быть.

– Но и у него такой проблемы нет, – резонно заметил Маркиз.
– Он – настоящий... Найтхаук поморщился, – ...прости, оригинал, Вдоводел. Его деньги, его личность – они его.

– Но кого будут нанимать те, кому понадобятся услуги Вдоводела, – старика, на которого больно смотреть, или меня? Он не может позволить мне жить, точно так же, как я не могу позволить жить ему. Господь Бог не хотел, чтобы мы существовали бок о бок.

Маркиз долго смотрел на молодого человека.

– Не хотел бы я жить с твоими фантазиями.

– Фантазии у меня приятные, – сухо ответил Найтхаук. – А сложности – только в жизни.

– Что ж, давай постепенно от них избавимся, завтра и начнем.

– Хорошо бы. – Найтхаук поднялся, чтобы уйти. Услышал, как за спиной открылась дверь, увидел в зеркале Жемчужину Маракайбо, выходящую из другой комнаты, в которой стояла большая кровать.

«Но я в этом сомневаюсь», – добавил он про себя, выходя из кабинета, чтобы вернуться к Мэллою.

И внезапно почувствовал, что рядом с ним бодро шагает очень старый, очень больной человек.

«Ты думаешь, будет легко?» – спросил старик. – *«Думаешь, что убьешь плохих людей, хапнешь девушку и будешь всю жизнь выслеживать злодеев по всему Внутреннему Пограничью?»*

«Я не заглядывал так далеко вперед, – признал Найтхаук. – Но лучшего будущего и представить невозможно».

«Ох уж эти розовые мечты. Ты действительно думаешь, что я позволю тебе жить, как только выберусь из этой ледяной гробницы? Бог создал одного Вдоводела, не двух».

«Как ты остановишь меня? Ты – старик, я – в расцвете сил».

«Но я – настоящий Вдоводел. Ты – всего лишь тень, которая исчезнет в свете моего дня. Подумай об этом. Чем лучше ты станешь, тем быстрее я смогу избавиться от тебя».

Старик исчез... но слова остались и после того, как Найтхаук сел за столик рядом с Мэллоем.

Глава 6

Маркиз показал себя человеком слова. Найтхаук получал все, что просил, и нигде у него не требовали оплаты. Пару дней он

обследовал Клондайк. Побывал во всех четырех ресторанах, в многочисленных барах, казино, борделях. Наркосалоны избегал: заемные воспоминания становились все более призрачными, замещаясь собственными, но они подсказывали ему, что ни от наркотиков, ни от наркоманов ничего полезного или толкового ждать не приходится.

Большую часть времени, однако, Найтхаук проводил в казино Маркиза, на случай, что тот вызовет его. Ящерица Мэллой прилепился к нему как банный лист, словно надеялся, что только Найтхаук уберезет его от беды. В обмен Найтхаук подробно расспрашивал его о встреченных в этих значных местах мужчинах и женщинах, которые работали на Маркиза.

Впрочем, казино Маркиза притягивало Найтхаука еще по одной причине, которая не укрылась и от Мэллой.

– Даже не думай о ней, – предупредил он Найтхаука, когда последний любовался Жемчужиной Маракаибо, которая танцевала на плавающей над баром платформе.

– Я получил работу у Маркиза только потому, что подумал о ней, – ответил Найтхаук.

– И все же не стоит перегибать палку.

– Интересно, что она в нем находит?

– Помимо того, что он десяти футов роста и правит пятьюдесятью мирами?

– Он не такой высокий, а миров у него только одиннадцать.

– Велика разница! – Голос Мэллой сочился сарказмом.

– Откуда она родом?

– Не знаю.

– Выясни к завтрашнему дню. – И он улыбнулся Жемчужине Маракаибо, закончившей танец.

– У тебя, знаешь ли, очень уж сильная жажда смерти, – пробурчал Мэллой.

– Все-таки выясни.

Мэллой пожал плечами и промолчал. А мгновением позже к их столику подошел человек Маркиза и увел Найтхаука к боссу.

– Что случилось? – спросил Найтхаук, усаживаясь напротив Маркиза.

– Возникла маленькая проблема на Юконе. Я хочу, чтобы ты ее уладил.

– На Юконе?

Маркиз кивнул.

– Одна дамочка открыла там свое дело без моего разрешения. Я послал своего представителя, чтобы объяснить ей ме-

стные порядки, а она убила его. Такое мы терпеть не можем. Иначе и другие начнут играть мускулами.

– Дамочка?

– Ее зовут Испанская Кружевница.

– Интригующее имя.

– Нет в ней ничего интригующего. Она действует на моей территории без разрешения. Это нарушение закона.

– Твоего закона?

– А ты знаешь другой? – спросил Маркиз.

– На Юконе и Тундре – нет, – признался Найтхаук.

– Тогда принимайся за работу.

– Внеси, пожалуйста, ясность. Ты хочешь, чтобы я продал ей лицензию на ведение хозяйственной деятельности на твоей территории или я должен выгнать ее?

– Я хочу, чтобы ты ее убил, – отрезал Маркиз. – И я хочу, что то, что от нее останется, ты прибил к кресту или вывесил на суке для всеобщего обозрения. Как предупреждение тем, у кого могут возникнуть схожие идеи.

– На Юконе лишь несколько тысяч жителей. Сколько из них увидит эту дамочку, прибитую к кресту или висящую на дереве?

– Там холодно. Так что она провисит долго.

– А почему бы просто не оштрафовать ее на пару миллионов кредиток и не отослать восвояси?

– На этот раз я тебе отвечу: ты только начал работать на меня и еще не знаешь, что я ничего не делаю без причины. Тебе еще не известно, что мои приказы и не обсуждаются. И не оспариваются, этого я в подчиненных не терплю.

– Он выдержал паузу. – Если ты попытаешься оспорить еще один приказ, готовь себе место на кладбище. И мне без разницы, хорошо ты мне служил или плохо – я убью тебя на месте. А если мне это не удастся, у меня есть две сотни парней, которые проследят за тем, чтобы ты не покинул Клондайк.

Найтхаук молча смотрел на него.

– Теперь о деле. Взяв с нее штраф и изгнав с Юкона, можно нажить могущественного врага. Она решит, что я несправедливо унизил ее и присвоил ее деньги, хотя, разумеется, у меня есть все права на деньги, которые она заработала или привезла на один из моих миров. С другой стороны, убив ее, мы получим те же деньги, а может, и больше, и избавимся от озлобленной женщины, которая может где-то там, – Маркиз обвел рукой половину галактики, – затаиться, строя планы вернуться и наказать меня за то, что я завладел ее деньгами и изгнал из дома.

– То есть тебя особо не волнует, увидит ли кто ее тело?

– Разумеется, волнует, но не ради этого я жажду ее смерти,
– Маркиз выразительно посмотрел на Найтхаука. – Есть еще вопросы?

– Чем она занимается и сколько у нее людей?

– Испанская Кружевница? Все зависит от того, на какой планете ты задашь эти вопросы. Специализация – не ее стихия. Она грабит банки, поджигает, изгоняет дьявола, убивает. Обычно работает одна, но, возможно, держит небольшую охрану.

– Ты говоришь, она убийца?

– Не питай ложных иллюзий. К Трилейну она не имеет никакого отношения.

– Откуда ты знаешь?

– В здешних краях я знаю все.

– Ладно, – кивнул Найтхаук. – Когда мне отправляться?

– Немедленно. Иначе чего я тебе все это рассказываю?

– Где я ее найду?

– Координаты места посадки уже введены в бортовой компьютер твоего звездолета. Возьми с собой этого чешуйчатого подонка Мэллоя. Он уже бывал на Юконе, так что, может, и пригодится. – Маркиз хохотнул. – По крайней мере не заслонит тебе обзор при стрельбе. Никогда не видел большего труса.

– Вот почему он, скорее всего, переживет нас обоих, – ответил Найтхаук.

– Это возможно... но надо учитывать, что это за жизнь.

– Его больше заботит не жизнь, а смерть. Встречи с которой он всячески и старается избежать.

– Кто-нибудь должен объяснить ему, что в постели умирают редко.

– Я скажу ему об этом.

– Правда, в постели Мелисенд такое возможно, – со значением добавил Маркиз.

– Я не собираюсь умирать из-за синекожей мутантки, – ответил Найтхаук.

– Я не имел в виду именно тебя. Ты мне нравишься, действительно нравишься. Но ты всего три месяца как из лаборатории. Откуда мне знать, из-за чего ты готов или не готов умереть?

– Я такой же человек, как и ты! – резко бросил Найтхаук.

– Именно так! Иначе я бы не беспокоился, что из-за Мелисенд ты сморозишь какую-нибудь глупость.

Ответ успокоил Найтхаука, он заметно расслабился.

– А теперь, раз ты решил не убивать меня, выметайся отсюда. И в дальнейшем постарайся убивать только тех, за убийство кого я тебе плачу, – добавил Маркиз.

Найтхаук кивнул, поднялся.

– Сигару?

– Я еще не решил, нравятся ли они мне.

– То есть, в принципе, ты еще не можешь сказать, нравятся ли тебе синекотие женщины, так? – спросил Маркиз.

– Перестань цеплять меня, а? – вновь взвился Найтхаук. – Я все-таки человек, а не машина-убийца.

– И ты убьешь меня, чтобы это доказать?

Найтхаук пронзил Маркиза взглядом, повернулся и вышел из кабинета.

Выдернул из-за столика Мэллой, надел скафандр, нашел другой своему спутнику. По ледяной равнине они добрались до космопорта. Не прошло и часа, как они сидели в рубке корабля Найтхаука, поднимающегося с Тундры, чтобы взять курс на Юкон.

– Как же я ненавижу полеты внутри звездной системы! – жаловался Мэллой, глядя на обзорный экран. – От одной планеты до другой добираться дольше, чем до соседней звезды.

– В звездных системах нельзя летать на сверхсветовых скоростях, – ответил Найтхаук. – И ты это знаешь.

– Да, но мне это не нравится.

– Найди себе занятие, чтобы скоротать время. К примеру, расскажи о Мелисенд.

– Я тут кое-что выяснил. Она с Гринвельдта.

– Пограничный мир?

– Да.

– И все колонисты на Гринвельдте синекотие?

Мэллой покачал головой.

– Она – продукт мутации. Не эволюции.

– Объясни.

– Она – исключение. Таких больше нет.

– Мне это нравится.

– Правда? Почему?

– Видишь ли, я испытываю самые теплые чувства к исключениям из рода человеческого, которые существуют в единственном экземпляре.

– Тогда тебе придется по душе Испанская Кружевница, – заметил Мэллой. – Второй, как она, тоже нет.

Найтхаук сверился с навигационным компьютером, до выхода на орбиту Юкона еще сорок минут.

- Время у нас есть. Рассказывай.
- Разве Маркиз не ввел тебя в курс дела?
- Лишь сказал, что она вторглась на его территорию и он хочет это прекратить.
- Он не сказал, что она убила трех человек, которым он поручал ту же работу, что и тебе? И не упомянул, что она не совсем человек?
- Объясни.
- Выглядит она как обычная женщина. Но я слышал о ней кое-какие истории. Она обладает способностями, которые не даны людям.
- Например?
- Не знаю.
- Тогда, возможно, все это болтовня.
- Если болтовня, почему мертвы три киллера Маркиза?
- Продолжай. И побольше подробностей.
- Никто ничего не знает. Известно, что она ограбила несколько банков в Олигархии. Говорят, голыми руками убила Большого Уиллогби. И еще это дело на Терразане...
- Какое дело?
- Там взорвали парламент. Погибло примерно триста мужчин и женщин. Никто ничего не доказал, но ходят слухи, что она приложила к этому руку. Если не сама взорвала бомбу, то позаботилась о том, чтобы она взорвалась.
- Интересная дамочка.
- Скорее, смертельно опасная, – гнул свое Мэллой.
- Не волнуйся, тебе встречаться с ней не придется.
- Как бы не так. Я буду рядом с тобой.
- Найтхаук удивленно посмотрел на него.
- В этом нет никакой необходимости.
- Все равно. Я пойду с тобой.
- По моему разумению, ты не из тех, кого радует передовая.
- А ты думаешь, приятно сидеть в корабле или в баре и ждать, кто придет – ты или самый жестокий убийца планеты?
- возразил Мэллой. – Нет, благодарю! Да я умру от страха, едва откроется дверь или люк.
- Причины меня не интересуют, – отмахнулся Найтхаук. – А вот за верность – спасибо. – Он помолчал, – Странно, конечно, но ты – мой единственный друг.
- Я – не твой друг. – Найтхаук было запротестовал, но Мэллой остановил его, подняв руку. – Но давай прикинемся на минуту, что ты прав, чтобы я мог дать тебе дружеский совет. – Найтхаук молча смотрел на Мэллой, и тот продолжил: – Я знаю, что у тебя не было ни матери, ни семьи, и ты, возможно, никогда не знал

женщины, не говоря уже о том, чтобы жить с ней. Я знаю, что ты не только охотишься за злодеями, но одновременно ищешь людей, с которыми мог бы поговорить и выпить. Так позволь мне кое-что сказать, сказать то, что наверняка знал первый Дженнифер Найтхаук, раз уж он прожил столько лет: здесь, в Пограничье, ты никогда не должен путать личного интереса с дружбой. Народ здесь не такой, как в Олигархии. Более жесткий, менее сентиментальный. Они знают, зачем пришли сюда, знают, почему остаются тут, и дружба в эти «зачем» и «почему» никак не ложится. Поэтому будь вежлив и обходителен с людьми, если тебе этого хочется, Вдоводел, и большинство людей будут с тобой вежливы и обходительны, потому что знают, кто ты и что можешь с ними сделать, если они тебя рассердят. Но никогда не думай, что в Пограничье вежливость и обходительность в обращении ведут к дружбе. Они ведут лишь к тому, что будет прожит еще один день, а этого уже более чем достаточно.

Найтхаук обдумал слова Мэллой, потом покачал головой.

– Я в это не верю. Очень уж цинично.

– Ты создан, чтобы убивать людей, а меня называешь циником? – усмехнулся Мэллой.

– Убивать – это моя работа, – уточнил Найтхаук. – Но не сущность.

– Пока еще нет. Но станет сущностью. Или ты умрешь.

На несколько минут в рубке повисла тишина. Первым нарушил ее Мэллой.

– Сколько он платит тебе за то, что ты летишь к ней?

– Ничего.

– Ты выходишь против Испанской Кружевницы за бесплатно? – Мэллой не верил своим ушам.

– Не совсем, – ответил Найтхаук. – Он платит мне много денег за работу. Эта поездка – часть работы. Возможно, сегодня мне недоплатят, зато завтра или вчера могут переплатить. Так что в конце концов я получу, сколько мне причитается.

– Все зависит от того, когда наступит этот конец, – пробурчал Мэллой.

– Если ты сможешь сказать, чего мне ждать, возможно, и нескоро.

– Я ничего не знаю о ее способностях. Известно мне лишь одно: пару раз ее не могли не убить, однако она жива, а те, кто пытался разделаться с ней, мертвы.

– Может, она ловко управляется с оружием? – предположил Найтхаук.

Мэллой покачал головой.

– В тех ситуациях, в которые она попадала, ей не помогла бы никакая ловкость.

– Но она же человек. Какими способностями она может обладать?

– Какими-то обладает, – тяжело вздохнул Мэллой, когда корабль вошел в атмосферу Юкона.

Глава 7

Корабль приземлился в городе-государстве Новая Сибирь. От своей тезки Новая Сибирь отстояла на несколько тысяч световых лет, а отличалась разве что большей территорией да более крепким морозом. Найтхаук и Мэллой уже собрались выйти из корабля, чтобы на электромобиле добраться до здания космопорта, когда в динамиках громкой связи зазвучал мелодичный голос.

– Пожалуйста, паспорта.

– Мы предъявим их при таможенном контроле, – ответил Найтхаук, глядя на женское лицо, появившееся на всех экранах.

– Это и есть таможенный контроль, сэр, – ответила женщина. – На Юкон мало кто прилетает, поэтому мы решили, что удобнее проверять документы в корабле, а не держать для этого специальную службу в здании космопорта.

Мужчины приложили титановые карточки-паспорта к сканирующей пластине.

– Добро пожаловать на Юкон, мистер Найтхаук. Добро пожаловать на Юкон, мистер Мэллой. Какова цель вашего визита, мистер Найтхаук?

– Туризм, – ответил Найтхаук.

– У нас нет туристических фирм, мистер Найтхаук.

– Едва ли это моя вина, – отвечивал тот. – Я хочу полюбоваться природными чудесами, которыми может порадовать взор ваша планета.

– Я думаю, вы прибыли сюда, чтобы поиграть в карты, кости, другие азартные игры, мистер Найтхаук.

– Вас послушать, так это запрещено законом.

– Ни в коем разе. Наоборот, поощряется. Я вижу, вы недавно открыли расчетный счет на Тундре. Если вы дадите на то разрешение, мы снимем с него сумму, необходимую на получение лицензии на участие в азартных играх.

– А туристических лицензий у вас нет?

– Устного разрешения достаточно, – продолжала женщина, словно и не услышала его. – Голограмма нашего разговора останется в архиве.

– Я вам разрешаю.

– Я уверена, что вам понравится пребывание на Юконе, мистер Найтхаук. Желаю вам удачи у игорных столов. – Пауза.

– Какова цель вашего визита на Юкон, мистер Мэллой?

– Я с ним.

– Я не могу найти ни номера вашего банковского счета, ни голосового отпечатка как во Внутреннем Пограничье, так и в Олигархии, мистер Мэллой. Как вы намерены заплатить за лицензию, разрешающую участие в азартных играх?

– Снимите деньги с моего счета, – вмешался Найтхаук.

– Как скажете. Но законы Юкона требуют, чтобы я предупредила вас о том, что покупатель лицензии несет ответственность за все долги, приходящиеся на эту лицензию.

– Понятно. – Найтхаук задумался. – Мистер Мэллой купит лицензию за наличные, когда решит сыграть в одном из ваших казино. Такое допускается?

– Конечно, – заверила его женщина. – И вот что еще. Пока он не внесет определенную сумму на депозит, все покупки ему придется оплатить наличными и сразу же.

– Он это понимает.

– Он должен сам сказать об этом.

– Я понимаю, понимаю, – пробормотал Мэллой.

– Отлично. Вам обоим разрешено провести на Юконе одиннадцать дней. Если вы пожелаете покинуть пределы Новой Сибири, вам придется запросить и получить разрешение властей той страны, которую вы намерены посетить. Если вы захотите продлить ваше пребывание в Новой Сибири, пожалуйста, свяжитесь с нами за один галактический день до истечения срока вашей визы. Есть еще вопросы?

– Да. Где я могу найти карту Новой Сибири?

– Пожалуйста, подождите... Карта получена вашим навигационным компьютером.

– А какие транспортные средства используются в Новой Сибири?

– В здании космопорта вы можете арендовать азросани. Салон обогревается, сани снабжены радаром, радио, запасом пищи на три дня для команды из шести человек.

– Мне обязательно брать на борт команду из шести человек?

– Нет. Но азросани не рассчитаны на большее число людей.

– Премного вам благодарен, – улыбнулся Найтхаук. – Вы мне очень помогли.

Женская головка исчезла.

– Выведи на экран карту и найди Испанскую Кружевницу, – приказал Найтхаук компьютеру. – Почему бы не посмотреть, куда мы отправляемся?

На обзорном экране возникла карта Новой Сибири, с нанесенной на нее масштабной сеткой и местоположением корабля. Внезапно замигала точка, удаленная на сорок миль.

– Ближайший город?

Замигала другая точка, рядом с космопортом.

– Ближайший сосед?

Еще точка, в пятнадцати милях от первой.

– Выключайся.

Экран погас, Мэллой повернулся к Найтхауку.

– Она предпочитает одиночество.

– Похоже на то.

– Что будем делать?

– Арендуем аэросани и навестим ее.

– У нее наверняка есть защитные системы. Она узнает о нашем появлении.

– Вероятно.

– Почему не связаться с ней отсюда? Вы сможете поговорить.

– Мне платят не за разговоры.

– Тебе платят и не за то, чтобы отправляться на тот свет.

– Я не собираюсь умирать.

– Те парни, что навещали ее до тебя, тоже не собирались.

– Если ты боишься... – начал Найтхаук.

– Естественно, боюсь! – фыркнул Мэллой. – Не боятся только сумасшедшие.

– Тогда оставайся здесь.

– А если она тебя убьет?

– Здесь у тебя больше шансов спастись. Если поедешь со мной, скорее всего разделишь мою участь.

– Слишком уж трусливо.

– Но ты же трус, – рассмеялся Найтхаук.

– Но это очень уж очевидная трусость.

– Другими словами, ты хочешь остаться здесь, но ищешь для этого вескую причину... дабы сохранить уважение к собственной персоне.

– Пожалуй, – признал Мэллой.

– Хорошо. Ты не знаешь, чем она располагает, так?

– Так.

– Кто-нибудь знает?

– Насколько мне известно, нет.

– Тогда оставайся здесь и поддерживай со мной радио- и визуальный контакт. Если она воспользуется своими тайными способностями, чтобы убить меня, ты сможешь доложить Маркизу, какой камень она держит за пазухой. За такую информацию ты даже получишь немалое вознаграждение.

– Ты действительно так думаешь?

Найтхаук улыбнулся.

– Ничего тебе не обломится. Но ты привезешь нужную ему информацию.

– Слушай, если тебя это устраивает, я не против. В конце концов ты работаешь на него, не я.

– Тогда советую тебе не возвращаться на Тундру. Удались на безопасное расстояние и отправь ему субпространственное сообщение с предложением продать имеющиеся у тебя сведения.

– Вот это разумно! – воскликнул Мэллой.

– И при этом ты не поступишься принципами, – саркастически добавил Найтхаук.

– Не всем дано быть героями или убийцами, – защищался Мэллой. – Некоторые из нас – обычные люди. – Он посмотрел на свои покрытые чешуей руки, печально улыбнулся, поправился: – Пусть и не совсем обычные.

Найтхаук надел скафандр, затем повел инспекцию скудных корабельных запасов.

– Что ты ищешь? – спросил Мэллой. – Ты уже взял три вида оружия.

– Четыре, – поправил его Найтхаук. – Теперь ищу глаз.

– Ты раскидываешь свои глаза по полкам? – недоумевая, спросил Мэллой.

– Мне нужна камера с круговым охватом. – Он протянул руку, взял шарик диаметром с дюйм. – Вот она.

– Наверное, из шпионского арсенала, – прокомментировал Мэллой. – Никогда такой не видел.

– Я положу ее на стул или стол. – Найтхаук его словно и не услышал. – Она заснимет все помещение, стены, потолок, все. Компьютер примет сигнал и выведет на экран.

– А если у нее есть домашний зверек, который слопает твою камеру?

– Тогда ты увидишь особенности его пищеварительного тракта, и эту информацию тебе придется продавать не Маркизу, а ветеринару. – Он помолчал. – Радиопередатчик я тоже оставлю включенным. Если она не сможет заглушить его, ты будешь слышать наш разговор.

– Ты правда хочешь пойти один?

– Откровенно говоря, я бы предпочел компанию. – Найтхаук подавил улыбку. – Чтобы у нее были две цели вместо одной.

– Черт побери! – взорвался Мэллой. – Я хотел услышать, что ты предпочитаешь встретиться с ней один на один.

– Так и есть. Я просто хотел увидеть твою реакцию.

– У хладнокровных убийц чувство юмора должно отсутствовать напрочь! – пробормотал Мэллой.

– Значит, я горячекровный убийца.

– Будем надеяться, что ты еще и долгоживущий.

– Один из Вдоводелов точно из числа долгожителей.

Найтхаук покинул корабль, на электромобиле добрался до здания космопорта, где и арендовал азросани. Такую модель видеть ему не доводилось, поэтому он попросил служительницу запрограммировать бортовой компьютер.

– Вы уверены, что вам нужна точка именно с этими координатами?

– Почему нет?

– Вам придется увеличить депозит. – В ее голосе послышались извиняющиеся нотки. – К Ледяному Дворцу едут многие. Практически никто не возвращается.

– Почему?

– Понятия не имею, – ответила женщина. – И не хочу знать. Прошу лишь увеличить депозит.

Найтхаук приложил большой палец к новому контракту.

– Не хотите ли дать дельный совет человеку, отправляющемуся в Ледяной Дворец? – спросил он, ожидая, пока компьютер проведет сверку отпечатков.

– Не верьте своим глазам.

– Что-то я вас не понимаю.

Компьютер зажег зеленую лампочку, показывая, что все в порядке.

– Она выглядит как человек, но на самом деле это не так.

– Кто же она?

– Если вы останетесь в живых и вернете азросани, возможно, я узнаю об этом от вас.

Глава 8

Ледяной Дворец Найтхаук увидел на расстоянии пяти миль. Сооружение из снега и льда, ослепительно белое в полуденном солнце. Гигантские башни, могучие стены, пандусы и балюстрады, все в миллионах сосулеч. Не хватало только подъемного моста, и лишь потому, предположил Найтхаук, что вода при такой температуре неминуемо превращалась в лед.

Когда расстояние сократилось до мили, Найтхаук наполовину уменьшил скорость аэросаней, в любую минуту готовый отразить нападение. Но вокруг крутились лишь маленькие белые пушистые животные, некоторые даже бежали рядом с санями и повернули назад, когда он подкатил к крепостным воротам.

Он остановил аэросани, вышел из теплого салона. Огляделся в поисках охраны, но, к своему удивлению, никого не нашел. Направился к воротам, попытался открыть. Заперты. Достал лазерный пистолет, выжег запорный механизм и засов.

Осторожно вошел. Казалось, стены и пол сделаны из льда, но термометр скафандра показывал, что наружная температура – двадцать три градуса по Цельсию. Найтхаук осторожно снял шлем, выскользнул из скафандра. Коснулся нескольких сосулек, свисающих с потолка. Кварц, теплый на ощупь. Световые сферы плавали под потолком, освещая холл.

Он прошел череду залов, сопровождаемый сферами, которые, похоже, предугадывали его намерения и следовали за его взглядом. Стены и пол блестели как полированные алмазы. В некоторых залах стояла мебель, другие пустовали. И никаких признаков жизни. Ни людей, ни инопланетян, ни домашних зверушек, ни сторожевых хищников, никого.

Наконец Найтхаук попал в огромный зал, длиной никак не меньше шестидесяти футов. Из динамика, парящего под потолком в акустическом фокусе, лилась тихая инопланетная музыка, в воздухе в такт мелодии танцевали светящиеся сферы, вдоль стен выстроились удивительной красоты статуи, то ли из кварца, то ли из льда.

Найтхаук двинулся к середине зала, когда дверь за его спиной закрылась. Он резко обернулся на звук, сжимая в руке пистолет, потом направился к двери в противоположной стене. Но и она закрылась, не успел он пройти и пяти шагов.

Тихий смех подсказал Найтхауку, что он не один. Повернувшись, он увидел миниатюрную стройную женщину, черноглазую и черноволосую. В облегающем фигуру кружевном наряде.

- Как ты сюда попала? – изумился Найтхаук.
- Это мой дом. Я прихожу и ухожу, когда пожелаю.
- Ты – Испанская Кружевница?
- А ты – Джефферсон Найтхаук?
- Кто тебе это сказал?
- Мир не без добрых людей. – Она оглядела его с головы до ног.

– Из всех лакеев Маркиза Куинзберри, которых он посылал сюда, ты – самый молодой. Должно быть, в своем деле ты большой мастер.

- Я не лакей.
- Но ты киллер?
- Среди прочего. И не считаю это занятие самым для себя важным.

Насмешливый смешок сорвался с ее губ. Какое-то мгновение Найтхаук смотрел на нее, а потом продолжил осмотр зала, обходя статуи. Она же стояла неподвижно, не отрывая от него глаз. Наконец, Найтхаук остановился, вновь посмотрел на Испанскую Кружевницу.

– Что в тебе такого особенного? – спросил он. – Почему Маркиз хочет тебя убить?

– Хочет убить, потому что боится меня, – ответила женщина.

– У меня сложилось впечатление, что он никого не боится, – возразил Найтхаук.

– Если не боится, почему посылает тебя делать за него грязную работу?

– Потому что я тоже тебя не боюсь... а все деньги у него, – улыбнулся Найтхаук.

– А ты не подумал, как вернешься назад?

– Так же, как и приехал.

– Это вряд ли. – В ее голосе слышалось сомнение. – Почему бы тебе не пойти и не убедиться в этом самому?

– Только после тебя.

Испанская Кружевница пожала плечами и двинулась к воротам. Двери схлопывались или уходили в сторону при ее приближении, так что минуту спустя она уже стояла у ворот. Когда они раскрылись, отступила в сторону, и на месте аэросаней Найтхаук увидел груды закопченного, перекрученного металла.

– Что, черт побери, с ними случилось? – спрашивал Найтхаук, скорее себя, чем Испанскую Кружевницу.

– Бедный Джефферсон Найтхаук, – покачала головой женщина. – Так как же ты уедешь отсюда?

Внезапно Найтхаук почувствовал пронизывающий холод, ледяной ветер морозил лицо и тело. Он повернулся к Испанской Кружевнице, которая спокойно стояла рядом, не замечая холода. Поначалу хотел и дальше не сходить с места, доказывая, что ни в чем ей не уступает, но быстро понял, что подобное проявление мужской заносчивости быстро отправит его на тот свет, поскольку она каким-то образом защищалась от превратностей погоды. Поэтому повернулся и зашагал вглубь Ледяного Дворца. Испанская Кружевница последовала за ним.

– Ты тут задал вопрос, – напомнила она, когда они вернулись в большой зал.

- Правда?
- Насколько я помню, спросил: «Что, черт побери, с ними случилось?» – Ее миловидное лицо осветила улыбка. – Случилась я.
- Ты же была со мной.
- Я знаю.
- Ты сделала это до того, как появилась здесь?
- Я сделала это, находясь рядом с тобой, – пояснила она.
- Как?
- Обещаю, что ты узнаешь об этом до заката солнца, Джефферсон Найтхаук. – Она села на кресло, вроде бы высеченное из льда. – Ты уже решил, как ты меня убьешь? Будет ли это смерть от тепла или смерть от звука? Воспользуешься ли ты оружием или убьешь меня голыми руками? Моя смерть будет быстрой или медленной?
- Я же не говорил, что убью тебя. Я лишь сказал, что меня послали тебя убить.
- Ага. – Вновь она улыбнулась. – Так ты ждешь встречного предложения?
- Не обязательно.
- На ее лице отразилось недоумение.
- Тогда чего?
- Давай сначала поговорим.
- Зачем?
- Ты можешь предложить другое занятие?
- Испанская Кружевница ответила долгим взглядом.
- Что же ты за убийца?
- Убийца не по своей воле. Почему он хочет избавиться от тебя?
- Я – соперник, а он ревностно относится к своей территории. Можно ли предложить более убедительную причину?
- Таких причин сотни. Почему жизнь так дешева в Пограничье?
- Вероятно, потому, что это Пограничье. Жизнь никогда не ценилась на задворках цивилизации.
- Но вы же люди с прошлым и будущим. Почему они вам совсем недороги?
- У тебя тоже есть прошлое и будущее, – отметила она. – Так чем такое отношение удивляет тебя?
- Найтхаук покачал головой.
- Прошлого у меня нет, а будущее, мягко говоря, не определено.
- Как получилось, что у тебя нет прошлого?
- Он молча смотрел на Испанскую Кружевницу.

Внезапно ее глаза широко раскрылись.

– Ну конечно! Ты – клон!

Найтхаук согласно кивнул.

– Потрясающе! Никогда не видела клона. – Она встала, направилась к нему. – Теперь понятно, почему ты так молод.

– Она протянула руку. – Позволишь прикоснуться к тебе?

Он пожал плечами и не ответил. Ее пальчики пробежались по лицу и шее Найтхаука.

– Потрясающе! На ощупь ты человек.

– Я и есть человек.

– То есть в тебе нет ничего искусственного?

– Конечно.

Испанская Кружевница, словно зачарованная, смотрела на него.

– Так кто ты, Джефферсон Найтхаук? Знаменитый убийца? Заслуженный воин? Известный политик?

– Я – Вдо... я был... Вдоводелом.

– А-а-а. Охотник за головами!

– И слуга закона.

– Возможно, но мы помним тебя не потому, что ты служил этому самому закону. – Она вновь села. – Так мне суждено умереть от руки Вдоводела.

– Я же сказал тебе, что хочу только поговорить.

Она закрыла глаза, кивнула.

– Разумеется, хочешь. Бедный маленький клон, с задатками Вдоводела, но без его опыта. Он сознательно стал убийцей, возможно, его к этому тянуло, несомненно, ему это нравилось. А тебя создали, чтобы быть убийцей, приказали быть им. И никто не спрашивал, хочешь ли ты убивать, не так ли? Никто не думал, что у тебя могут быть другие цели и желания.

Найтхаук шумно выдохнул.

– Ты понимаешь.

– Естественно, понимаю. Даже среди отщепенцев и преступников, которые населяют Пограничье, ты – иной, так же как и я. В тебя заложили определенные физические способности, не спрашивая, нужны ли они тебе. То же самое произошло и со мной. Ты – чужой в галактике чужих, и я тоже. Как же я могу не понять тебя?

– О чем ты? – спросил Найтхаук. – Мне представляется, что ты нормальная женщина.

– Никогда не доверяй глазу, который видит только внешний облик, но не сущность. Ты тоже кажешься мне нормальным мужчиной, однако ты – Вдоводел, и скольких ты убил? Двести человек? Триста?

– Много.

– Но меньше, чем я, – гордо возвестила Испанская Кружевница.

Найтхаук нахмурился.

– Ты убила триста человек?

– Больше. И до наступления ночи этот список пополнится.

– Но нам нечего делить, – указал Найтхаук. – Ты сама сказала, что мы – одного поля ягоды.

– Я не упоминала, что, как и Маркиз, ревностно оберегаю свою территорию, а ты вторгся в мой дом.

– Я скажу ему, что не нашел тебя.

– Бедный клон... – В ее голосе звучало притворное сочувствие. – Тебе, возможно, нужен друг, с которым ты мог бы поговорить о сокровенном, но мне – нет. Я выбрала судьбу убийцы-одиночки. Живым ты отсюда не уйдешь.

– Это же глупо, – запротестовал Найтхаук. – Я предлагаю тебе жизнь! Я бы уже десять раз мог убить тебя, если бы захотел.

– Попробуй, – усмехалась она.

– Не подначивай меня!

– Подначивать? – Она расхохоталась. – Я бросаю тебе вызов, Вдоводел!

– Я не хочу убивать тебя.

– Но я хочу тебя убить.

– У тебя нет оружия. Я не могу убить беззащитную женщину.

– Неужели ты думаешь, что Маркиз потребовал бы моей головы, будь я беззащитной? – спросила Испанская Кружевница.

– Я не ношу оружия, как вы, низшие существа. Я сама оружие.

Не отрывая от нее глаз, Найтхаук потянулся за лазерным пистолетом, но тот выпрыгнул из кобуры, прежде чем пальцы Найтхаука сомкнулись на рукоятке, и повис в воздухе в четырех футах от него.

– Какого черта? – воскликнул Найтхаук.

– Что для такого, как ты, потеря лазера, – Испанская Кружевница все улыбалась. – Попробуй что-нибудь еще.

Найтхаук взялся за сонар. Сжал рукоятку, рванул. Сонар не желал вылезать из кобуры. Найтхаук рванул сильнее. Чтобы убедиться, что не может сдвинуть сонар даже на миллиметр.

– Теперь ты знаешь, что произошло с твоими аэросанями? – полюбопытствовала Испанская Кружевница.

– Телекинез?

Она кивнула.

– Я всегда обладала способностью перемещать материальные предметы силой воли. И только в семь или восемь лет поняла, что никому другому это не под силу. – Она протянула руки – и оружие Найтхаука перелетело к ней. – Ты по-прежнему думаешь, что тебя послали убить беспомощную, беззащитную женщину?

– Уже нет. – Одним движением он выхватил нож из-за голенища сапога и метнул его в Испанскую Кружевницу. Нож поразил бы ее в самое сердце, если б не застыл в воздухе в шести дюймах от цели.

– Дурак! – пренебрежительно бросила она, улыбка слетела с ее лица. – Неужели ты не понимаешь, что это ты абсолютно беспомощный?

Найтхаук услышал треск над головой, и отпрыгнул в сторону. А на то место, где он только что стоял, рухнул кусок потолка.

– Сможешь ты сразиться с Ледяным Дворцом?

Найтхаук осторожно двинулся к ней, готовясь к решающему броску. И уже изготовился, когда ему в спину врезался стул, сбив его с ног. Он тут же вскочил и сумел уклониться от другого стула, брошенного ему в лицо.

– Очень хорошо, Вдоводел, – похвалила его Испанская Кружевница. – Ты унаследовал великолепные рефлексы... если «унаследовал» – уместный термин, в чем я очень сомневаюсь. Мне даже жаль, что приходится избавляться от тебя.

Найтхаук лишь смотрел на нее. Не хотелось нападать, но не было желания и отступить.

– Так как же мне тебя убить? – спрашивала она, конечно же, себя. – Пожалуй, из твоего же собственного оружия.

И внезапно три пистолета – сонар, лазерный, обычный – выстроились в ряд слева от нее, на высоте пяти футов от пола, нацелившись на него.

Он нырнул за кушетку, чтобы уйти с линии огня. Мгновением позже кушетка уехала влево, а он остался, скрючившись на четвереньках. Огромный зал наполнил ее смех.

Найтхаук увидел дверь в пятнадцати футах и устремился к ней. Загремели выстрелы, но он целым и невредимым проскочил в следующую дверь.

Он быстро перебежал из комнаты в комнату, понимая, что останавливаться нельзя, подозревая, что впереди его может поджидать западня. В какой-то момент помедлил, и луч лазера едва не сжег ему ухо.

А потом он очутился в комнате, из которой не было выхода. Середину занимала огромная кровать, медленно вращающа-

ия на высоте нескольких дюймов от пола, два сверкающих серебряных шкафчика стояли по обе стороны огромного зеркала, одну стену украшала голограмма Испанской Кружевницы. Маленький круглый компьютер плавал в воздухе над кроватью. А все свободное пространство занимали часы, пятьдесят самых разных часов, от древних механических, напольных, до самых современных, высвечивающих цифровое значение времени на тридцати шести разных языках или дающих голограммное изображение всех часовых поясов Юкона.

Найтхаук выхватил из кармана миниатюрную камеру и бросил на кровать: если уж ему суждено умереть, пусть Мэллой увидит, как это произойдет, чтобы следующий человек, которого пошлет Маркиз, лучше подготовился к встрече с Испанской Кружевницей.

– А, вот мы где! – послышался с порога ее голос.

Найтхаук обернулся, чтобы увидеть, что его оружие по-прежнему висит в воздухе рядом с ней. – Пришлось побегать за тобой, Джефферсон Найтхаук, но теперь все кончено.

Взгляд Найтхаука обежал комнату в надежде найти что-то такое, чем он мог воспользоваться для защиты.

«Он вышел победителем из сотни, а то и больше поединков. Иной раз ему противостояли инопланетяне и мутанты, контролирующие силы, более могучие, чем та, которой обладает эта женщина. Думай! Что бы он сделал на твоём месте?»

– Это мои призы. – Испанская Кружевница указала на часы. – Трофеи. Все остальное я продаю или меняю, но часы оставляю у себя, пусть отсчитывают минуты и часы, пока я не вырвусь из этого нежеланного тела! – Ее лицо исказила ярость. – И ты смеешь стоять среди них и оскорблять меня!

Прогремел выстрел, пуля вонзилась в стену за его спиной, обсыпав лицо кварцевой пылью. Найтхаук нырнул за ближайший шкафчик. На нем стояли две статуэтки. Он схватил одну, швырнул в Испанскую Кружевницу. Затем взялся за вторую, а когда первая отлетела от невидимого барьера в футах от головы женщины, бросил вторую, тщательно прицелившись. Испанская Кружевница довольно улыбнулась, когда статуэтка просвистела мимо, да только попала она точно в цель, разбив сонар и сдвинув в сторону пистолет.

– Ты думаешь, мне нужно оружие? – усмехнулась женщина, и тут же на Найтхаука рухнула часть потолка. Он вскочил, прижался спиной к зеркалу. Когда почувствовал, что из дула лазера сейчас вылетит луч, упал на пол, и луч, отразившись от зеркала, прошел в нескольких дюймах от головы Испанской Кружевницы.

Она инстинктивно отпрянула, схватила лазер, вышвырнула его в коридор.

«Ты отпрянула! Ты не ожидала, что луч отразится от зеркала, и тебе пришлось отпрянуть. Это означает, что тебе необходимы доли секунды, чтобы возвести все эти невидимые стены и барьеры. Теперь надо найти способ использовать эту брешь в твоей обороне».

– На ноги, Джефферсон Найтхаук!

Прятаться смысла не было, поэтому он встал, повернулся к ней лицом.

– Что теперь?

– Теперь мы с тобой покончим.

И внезапно вся мебель, потолок, стены начали надвигаться на него. Вазы полетели в голову, лампы – в грудь, пол заходил ходуном. Попытка удержаться на ногах не удалась, он рухнул, вновь поднялся и пятился, пока не уперся спиной в древние напольные часы, отчаянно схватился за них руками.

Тут же на него обрушился потолок, похоронив его под обломками. Он застонал, а потом застыл.

Испанская Кружевница осторожно приблизилась к нему, ткнула ногой в позвоночник, проверяя, дернется ли он, но Найтхаук лежал не шевелясь.

– Очень хорошо, клон, – пробормотала она, переворачивая его на спину и ощупывая грудь в поисках идентификационного диска. – Давай посмотрим, тот ли ты, за кого себя выдавал.

Она сняла диск и пристально смотрела на него, когда рука Найтхаука неожиданно поднялась и сзади опустилась ей на шею, вогнав в мозг минутную стрелку напольных часов. Беззвучно Испанская Кружевница упала на него. Мертвая.

Найтхаук сбросил ее тело, поднялся. Ногой перевернул ее на спину. Лицо ее в смерти стало безмятежным, словно тяжелая ноша, придавливающая к земле, свалилась с плеч.

«Ты была таким же вырожденком, что и я. Ты могла бы стать моим другом. Почему ты сделала все, чтобы я тебя убил?»

Он покачал головой, словно хотел отогнать эти мысли. Не удалось.

«У Вдоводела наверняка были братья. Может, родственники. Даже сын, о чем он мог не подозревать. Двадцать, может, тридцать человек могут нести в себе его кровь. И никто из них не обречен провести жизнь, убивая каждого встречного. Почему же мне выпала такая участь?»

Но, конечно, в них лишь часть крови Вдоводела. А вот в нем она вся, потому что он и есть Вдоводел. Не брат. Не сын. Не

копия. Вдоводел. А Вдоводел убивал людей. Даже тех, кто мог стать ему другом.

Внезапно Найтхаук почувствовал, что дрожит всем телом, и понял, почему в Ледяном Дворце было тепло, хотя он не заметил никаких обогревателей: Испанская Кружевница держала молекулы воздуха в постоянном движении, они и поддерживали приемлемую температуру.

Найтхаук обыскал комнату. В шкафчиках только одежда, но за зеркалом обнаружился сейф, встроенный в кварцевую стену. Открыть его он не смог, но пулей выбил замок, чтобы найти в сейфе маленькую голограмму группы девочек, десяти или одиннадцати лет. Обняв друг друга, они радостно улыбались.

Он пристально вглядывался в голограмму, пытаясь определить, которая из этих девчушек стала Испанской Кружевницей, но не смог.

«Интересно. Одна из них могла вырасти артисткой. Другая – бухгалтером. Или стать матерью шестерых очаровательных детей. Или старой девой. Или механиком звездолета. Или профессором древних языков. А одна стала знаменитой воровкой и убийцей».

И тут Найтхаук понял, почему Испанская Кружевница сохранила именно эту голограмму.

«То был последний раз, когда тебя принимали за нормальную девочку, последний раз, когда ты ничем не отличалась от остальных».

Найтхаук вновь посмотрел на голограмму, на улыбающиеся девичьи лица.

«Я тебе завидую. По крайней мере, у тебя были эти десять лет».

В коридоре он подобрал лазерный пистолет, отыскал ее аэросани и уже собрался возвращаться к кораблю, когда решил, что Испанскую Кружевницу надо похоронить. Вошел в Ледяной Дворец, подсоединил лазерный пистолет к аккумулятору, снял ограничитель, не допускающий излишней зарядки, и оставил их рядом с ее телом. А потом погнал аэросани по замерзшей равнине. В пяти милях остановил их, оглянулся. Прошло пять секунд, десять, пятнадцать, а потом прогремел взрыв. Стены и башни сложились, погребя под собой Испанскую Кружевницу. Найтхаук подумал, что уместно прочитать молитву, да только не знал ни одной.

Вскоре он уже сидел в рубке корабля. Ящерица Мэллой, спасибо голокамере, стал свидетелем решающей схватки, и не мог говорить ни о чем другом. Найтхауку, наоборот, хотелось как можно быстрее забыть о случившемся.

– Да что с тобой такое? – пожаловался Мэллой, когда их корабль взял курс на Тундру. – Ты убиваешь самую опасную женщину Внутреннего Пограничья, а ведешь себя так, будто потерял ближайшего друга.

– Может, так и есть.

– Ты псих? Она же чуть тебя не убила!

– У нас было много общего, у нее и у меня, – задумчиво ответил Найтхаук.

– Ты в этом уверен, не так ли?

Найтхаук кивнул.

– Она могла стать мне другом.

– Ты точно псих.

Найтхаук пожал плечами.

– Можешь оставаться при своем мнении.

Мэллой вытащил из кармана маленький куб.

– Если я покажу это Маркизу, если он увидит, как ты предлагаешь этой сучке жизнь, служба для тебя закончится. Он в мгновение ока вышвырнет тебя за дверь.

– Я это переживу.

Мэллой бросил куб в корабельный дезинтегратор.

– А вот я, скорее всего, нет. Только ты стоишь между мной и очень медленной, очень мучительной смертью.

– Тогда ты по-прежнему у меня в долгу.

– Можно сказать, что да, – с неохотой признал Мэллой.

– Вот и славненько.

– Как я понимаю, ты заговорил об этом не просто так.

– Когда мы приземлимся, я хочу, чтобы ты кое-что передал от моего имени Жемчужине Маракаибо.

– Вроде бы Маркиз велел тебе держаться от нее подальше.

– Велел.

Мэллой вытаращился на Найтхаука.

– Все-таки ты псих.

– Я решил, что жизнь слишком коротка, чтобы тревожиться из-за приказов Маркиза или кого-то еще, – усмехнулся Найтхаук. – Пора подумать и о себе, потому что каждый человек, кого я здесь встретил, без единого исключения, старался или использовать меня, или убить.

– Только не я! – с жаром воскликнул Мэллой.

– И ты тоже. Разве ты не хочешь, чтобы я защищал тебя от Маркиза?

– Это обычная сделка, – возразил Мэллой. – Я оказываю услуги тебе, ты – мне.

– Правильно, – кивнул Найтхаук. – Вот тебе и пора выполнять условия нашей сделки.

– Да что с тобой произошло в Ледяном Дворце? Ты стал не таким, как прежде.

– Я понял, что жизнь коротка и каждый проходит отведенный ему путь в одиночку, – ответил Найтхаук. – Сегодня – первый день остатка моей жизни, и с этого момента я живу только для себя.

– Тебя подвигло на такие мысли убийство одной женщины?

– И на такие мысли, и на многое другое, – кивнул Найтхаук, думая о том, почему же теперь, провозгласив личную свободу, он не чувствует себя более свободным.

Глава 9

– Что ж, Вдоводел, ты оправдал мои ожидания, не подвел, – этими словами Маркиз Куинзберри встретил входящего в его кабинет Найтхаука.

– Я не Вдоводел. И ты не предупредил меня, не сказал, с кем придется схлестнуться.

– Ты тот, кем я тебя назвал. Что же касается предупреждения, мой заместитель должен уметь постоять за себя. Считай, это была проверка.

– Я думал, что прошел проверку в той драке в казино.

– Проще.

– Тогда я тебя не понял.

Маркиз усмехнулся.

– Кто тебе сказал, что жизнь проверяет нас только однажды?

– Вроде бы ты считаешь себя хорошим бизнесменом, – Найтхаук с трудом скрывал распиравшую его злость. – А вот в этом деле поступил непрактично. Как ты мог послать меня против Испанской Кружевницы, не дав мне знать, кто она? Ведь я мог погибнуть, понятия не имея о том, кто мне противостоит!

– Куда более непрактично держать тебя в столь высокой должности, если ты не знаешь, как поступить в нестандартной ситуации, – отрезал Маркиз. – Между прочим – а как тебе удалось с ней справиться?

– Обманом и хитростью. Другого способа убить ее я не придумал.

– Ты еще очень молод.

– А как бы ты убил ее? – спросил Найтхаук.

– Я? – Маркиз громко рассмеялся. – Я бы послал кого-то еще. Потому что я босс.

– Похоже на то, – кивнул Найтхаук. – Только знаешь, что я тебе скажу? После таких разговоров у меня тоже возникает желание стать боссом.

– Это хорошо. Мне нравится здоровое честолюбие. – Улыбка Маркиза исчезла. – Только ты должен всегда помнить, что в этой организации есть место только для одного босса, и оно занято. Мною.

Найтхаук молча смотрел на него.

– Знаешь, обычно я рассматриваю такой взгляд как нарушение субординации. В твоем случае я склонен списать его на задиристость юности. В этот раз. Но не искушай удачу. Она понадобится тебе для того, чтобы убивать наших врагов.

– Твоих врагов.

– Ты работаешь на меня. Так что они и твои враги.

– Если ты так говоришь.

Глаза Маркиза превратились в щелочки.

– Никак не могу решить – то ли ты стараешься разозлить меня, то ли просто не обучен хорошим манерам. Мне приходится постоянно напоминать себе, что ты покинул лабораторию лишь пару месяцев тому назад.

– А теперь ты стараешься разозлить меня, – ответил Найтхаук.

Маркиз покачал головой.

– Отнюдь. Я лишь излагаю факты.

– Скажем так – ты выбираешь самые неприятные.

– Тебе предстоит еще многому научиться. Факты есть правдивые и лживые. Приятными и неприятными они становятся в зависимости от того, с чьей позиции на них смотреть.

– Вроде бы звучит логично, но это чушь собачья, о чем тебе хорошо известно.

– Я вижу, ты в отвратительном настроении. Мне говорили, что с трехмесячными такое случается, поэтому я прощаю тебя, но на твоем месте я бы не вводил это в привычку, во всяком случае когда будешь разговаривать со мной. Это понятно?

Найтхаук предпочел промолчать.

– Это понятно? – повторил Маркиз.

Найтхаук кивнул.

– Понятно.

– Я знаю, что вгоняет тебя в депрессию, – продолжил Маркиз. – И вот что я тебе скажу: дай мне разобраться с делами, и я слетаю на Делурос на недельку или две и убью настоящего Найтхаука.

– Настоящий Найтхаук – это я.

– Давай оставим игру словами в стороне. Как только я его убью, ты останешься единственным Найтхауком.

– Не пойдет.

– Почему?

– Потому что убить его должен я.

– Знаешь, ты можешь достать кого угодно, – раздраженно бросил Маркиз. – Выметайся отсюда, пока дело не дошло до кулаков.

Найтхаук, не говоря ни слова, вышел из кабинета, тоже злой как черт, вернулся в казино. Как обычно, зал заполняла толпа. У столов – ни одного свободного места, проститутки обоих полов зыркали глазками, выискивая партнеров на час или на ночь. Столы для джабоба облепили люди, страстные поклонники этой инопланетной игры, а вот блэкджеку отдавали предпочтение лодиниты и канфориты. Среди них затесался даже один шестиногий, с золотистым панцирем, ламбидарианец.

Мэллой играл в покер с двумя разодетыми старателями и зеленокожим существом, какие Найтхауку еще не встречались. Чешуйчатый приятель Найтхаука долго набавлял ставки, имея на руках стрит-масть, но проиграл каре. Потом Найтхаук направился в бар, заказал «Пыльную шлюху», вполглаза наблюдая за танцовщицами, которые одна за другой появлялись на плавающей платформе, пока на нее не вышла Жемчужина Маракаибо.

Найтхаук забыл про коктейль, не отрывая от нее глаз, а она внезапно подмигнула ему и рассмеялась, увидев его реакцию. Найтхаук подождал, пока она закончит выступление, и с полным стаканом в каждой руке отправился к ее гримерной.

Камера системы безопасности зафиксировала его прибытие и доложила хозяйке комнаты.

– Войди, – вынесла вердикт Жемчужина Маракаибо, и дверь распахнулась, чтобы вернуться в прежнее положение, как только Найтхаук переступил порог.

Она сидела на элегантном кресле, обнаженная по пояс. Маленькое зеркало зависло в воздухе в тридцати дюймах от ее лица. Жемчужина Маракаибо смотрелась в него, аккуратно стирая с лица косметику, но повернулась к Найтхауку, как только тот вошел.

– Очень приятно видеть тебя целым и невредимым. Маркиз говорит, что ты – герой.

– Маркиз преувеличивает.

– Скромный герой, – уточнила Мелисенд. – В здешних краях диковина.

– Я принес тебе коктейль. – Он поставил стакан на столик рядом с танцовщицей.

– Я не просила.

– Попробуй. Тебе понравится.

– Может и попробую, но чуть позже. – Она пристально посмотрела на Найтхаука. – Ты знаешь, что сделает Маркиз, если узнает, что ты был здесь?

– Я знаю, что он попытается сделать. – Его вновь охватила злость.

– И ты его не боишься?

– Нет. – Найтхаук помолчал. – Кроме того, ты меня пригласила.

– Тогда уходи.

– Еще не время.

Мелисенд улыбнулась, но предпочла промолчать, так что в примерной повисла тишина. Она смотрела в зеркало, Найтхаук – на нее.

– Ты очень хорошо танцуешь.

Нет ответа.

– Почему ты боишься поговорить со мной? Меня вполне устраивают чисто дружеские отношения.

Брови Мелисенд изумленно взлетели вверх.

– Чисто дружеские?

– Да.

– Почему?

– Потому что я очень одинок.

– Вокруг много женщин. Почему я?

Найтхаук ответил после долгой паузы.

– Потому что мы с тобой – выродки. Я уверен, что Маркиз говорил тебе, кто я, а твоя синяя кожа ясно указывает на то, что ты – мутантка. Каждый из нас – уникал. Вот я и подумал, что тебе тоже одиноко.

– Ты ошибся.

– Я в этом не уверен. Когда рядом нет Маркиза, ты все время одна.

– А тебе не приходило в голову, что меня вполне устраивает такая компания?

– Нет, не приходило.

– Почему? Только потому, что тебе одиночество радости не доставляет?

Найтхаук глубоко заглянул в ее чистые, почти бесцветные глаза.

– Наш разговор ушел не туда.

– Да, я знаю. – На ее губах заиграла улыбка. – Значит, ты хочешь стать моим другом.

– Совершенно верно.

– Забавно... – Она не делала попытки прикрыть грудь от его откровенного взгляда. – Я-то думала, что ты хочешь посмотреть на мое тело.

– И это тоже.

– Твоя трактовка дружбы включает мою постель?

– Только если ты пригласишь меня в нее.

– А если нет?

– Рано или поздно пригласишь. А пока две заблудшие души могут найти успокоение в компании друг друга.

– Что-то не похож ты на заблудшую душу, – Мелисенд выгнула спину, сладострастно потянулась. – Скорее на похотливого мужичка.

– Ты – ослепительная красавица. Как еще я могу смотреть на тебя?

– Может, учитывая ситуацию, тебе вообще не стоит на меня смотреть?

– Маркиз только что сказал мне, что приветствует инициативу в своих подчиненных, – улыбнулся Найтхаук. – Кроме того, если никто не будет на тебя смотреть, ты останешься без работы.

– Какие мы умные! – Мелисенд скорчила гримаску. – А теперь, раз уж ты насмотрелся, тебе лучше уйти.

– Я все еще смотрю. Почему бы тебе не попробовать коктейль?

– Я могу позвать Маркиза.

– Нет, этого ты не сделаешь, – уверенно ответил Найтхаук.

– Почему нет?

– Потому что не хочешь, чтобы я его убил.

Мелисенд рассмеялась.

– Ты? Убил его?

– Совершенно верно, – без тени улыбки кивнул Найтхаук.

– То есть передо мной не похотливый служка, а похотливый эгоцентрик, пул вселенной. Пожалуй, я должна пригубить твой коктейль, а не то ты убьешь и меня.

– Напрасно ты высмеиваешь меня.

Мелисенд пожала плечами, вновь уставилась в зеркало.

– У меня мало опыта в общении с женщинами, – после долгой паузы заговорил Найтхаук. – Поверь мне, меньше всего мне хочется выглядеть перед тобой шутком.

– Не шутком. Самоубийцей, – поправила его Мелисенд. – И Маркиз говорил мне, что твой личный опыт вообще невелик. – Она с любопытством окинула Найтхаука взглядом. – Тебе действительно только три месяца от роду?

– Образно говоря.

– И каково тебе без воспоминаний детства?

– Воспоминания есть. Только они не мои и с каждым днем становятся все более туманными.

– Как это хорошо – не помнить детства. Я бы с радостью забыла свое.

– Тебя не радовало детство?

– А как оно могло радовать... как ты нас назвал... выродки? Дети могут быть очень жестокими. – Она помолчала. – Потому-то я и отправилась во Внутреннее Пограничье. Здесь никого не волнует синяя кожа или трехмесячный возраст. Человека ценят только по его делам: что он может делать, а чего – нет.

– Интересная мысль, – усмехнулся Найтхаук. – Но мне казалось, что и Олигархия придерживается тех же принципов.

– Возможно, на словах, но в ходу они только в Пограничье.

– Может, я стану менее доверчивым, когда мне исполнится год, – печально вздохнул Найтхаук.

Мелисенд рассмеялась.

– А ты можешь быть очень забавным.

Довольная улыбка осветила его лицо.

– Чего ты так обрадовался?

– Приятно осознавать, что тебя ценят не только за умение убивать.

– Кем был исходный Джефферсон Найтхаук? – спросила Мелисенд.

– Лучшим охотником за головами в истории человечества. Большую часть жизни провел в Пограничье. Его прозвали Вдоводел.

– Вдоводел? Я о нем слышала.

– Я думаю, о нем слышали все.

– Как он умер?

– Он жив.

Мелисенд нахмурилась.

– Но я думала, что он жил больше ста лет тому назад.

– Все так. Он заразился неизлечимой болезнью, и его заморозили до того, как эта болезнь покончила с ним.

– Должно быть, тебе неприятно осознавать, что он все еще жив.

– Я сам себе кажусь призраком.

– Призраком?

– Нематериальным существом. Будто он – реальный человек, а я – всего лишь эфемерная тень, которая появляется и исчезает исключительно по его воле.

– До чего же отвратительное это чувство! – пылко воскликнула Мелисенд.

– Полностью с тобой согласен. Но, полагаю, не такое уж удовольствие и танцевать полуобнаженной перед толпой мужчин, которые так и пожирают тебя глазами.

– Ерунда, – отмахнулась Мелисенд. – Наоборот, очень приятно читать восхищение в их взглядах. А от того, что ты рассказал, просто мутит. – Она схватила стакан, залпом опустошила его.

– Скажи мне... как ты стала Жемчужиной Маракаибо?

– Я думала, с разговорами мы закончили.

– Мы – родственные души. У нас много общего, мы можем многим поделиться друг с другом. Я рассказал, как стал Вдоводелом, теперь ты скажи мне, как появилось у тебя новое имя.

– Ни о каких обменах мы с тобой не договаривались, – отрезала Мелисенд. – Если здесь у тебя и есть родственная душа, так скорее это Ящерица Мэллой, а не я. Каждый из вас хочет то, чего никогда не заполучит. В его случае это деньги.

– А в моем?

– Не играй под дурачка. Ты пришел сюда только ради того, что хочешь заполучить. – Она поднялась, плавным движением сняла полотенце, обернутое вокруг бедер. – Смотри внимательно, Джефферсон Найтхаук, ближе к моему телу ты не подберешься.

– Я так легко не сдаюсь. – Он не отрывал глаз от обнаженного тела.

– Даже если бы меня и влекло к тебе, у меня очень развит инстинкт самосохранения. Я принадлежу Маркизу, как, впрочем, и ты. Он может убить любого из нас или обоих.

– Я тебя защищу.

– Не болтай ерунды. Это его мир.

– Обещай мне хотя бы подумать об этом.

– Хорошо, обещаю. И теперь иди. Мне надо готовиться к следующему выступлению.

– В этот вечер это будет твой последний танец?

– Да.

– Я хочу увидеть тебя после выступления.

– Дурак.

– Я знаю. Но ты мне не ответила. Могу я вновь заглянуть к тебе?

– Ты же знаменитый киллер. Как я могу остановить тебя?

Найтхаук улыбнулся, встал и поспешил к стойке бара, чтобы занять местечко поудобнее.

Найтхаук лежал на спине, подоткнув под голову подушку. Кровать плавала в нескольких дюймах над полом и постоянно менялась, подлаживаясь под тела тех, кто лежал на ней.

– Как же мне было хорошо! – Неожиданно он улыбнулся во весь рот. – Я рад, что не пришлось ждать этого двадцать три года.

– Теперь, оказавшись в постели с женщиной, тебе придется сравнивать ее со мной, – ответила Мелисенд, Жемчужина Маракаибо.

– С чего ты решила, что я захочу кого-то еще?

– Ты – мужчина. Захочешь не сейчас, так позже.

– Ты. Ты – моя женщина.

Мелисенд повернулась к нему, заглянула в глаза.

– Но ты – не мой мужчина.

Он нахмурился.

– Не понял.

– Я принадлежу Маркизу. Ты это знаешь.

– Но я подумал...

– Исходя из того, что я легла с тобой в постель, ты подумал, что я готова навсегда покинуть его? – Она улыбнулась. – Ты действительно еще очень молод.

– Тогда почему ты легла со мной в постель?

– Потому что ты напоминал голодного щенка. И из любопытства. Хотелось узнать, каково трахаться с клоном.

– И?

Она пожала плечами.

– Тебе еще надо многому научиться, – со смешком ответила Мелисенд.

– Извини, что вызвал у тебя неприятные ощущения, – с горечью бросил Найтхаук.

– Я не говорила, что они неприятные.

– Ты нашла другие слова.

– Все было нормально.

– Но не более того.

– Вот именно.

– Не так хорошо, как с Маркизом.

– Не грусти. Многим мужчинам в первый раз не удается и такого.

– Не очень-то утешает, знаешь ли.

– А ты бы предпочел, чтобы я солгала?

– Конечно.

– Но тогда ты стал бы настаивать на том, чтобы мы пошли на второй круг.

– Почему нет?

Мелисенд покачала головой.

– Один раз – это любопытство. Два – уже измена.

– Странное у тебя представление о морали.

– Оно складывалось у меня в течение тридцати стандартных галактических лет. А сколько формировалось твое?

Найтхаук не ответил, перекинул ноги через край кровати, вскочил, подошел к окну, посмотрел на заснеженный Клондайк.

– Знаменитые убийцы не должны дуться, как избалованные дети.

– Слушай, – он резко обернулся к Мелисенд, – сегодня я в первый раз познал женщину, и так же впервые она меня отвергла. Может, Вдоводел и нашел бы выход из этой ситуации, а вот у меня с этим проблемы.

– Ты – Вдоводел.

– Я – Джефферсон Найтхаук.

– А есть ли разница?

– Еще какая.

– Кто бы ты ни был, хочу тебе сказать, что ты очень глупо выглядишь, стоя у окна в чем мать родила.

Он шагнул к кровати, сдернул покрывало, бросил на пол.

– Теперь мы равны.

– Тебе полегчало?

– Не очень.

Мелисенд поднялась, критически оглядела себя в зеркале, поправила волосы, огляделась в поисках одежды.

– Что ты делаешь? – пожелал знать Найтхаук.

– Одеваюсь и ухожу. Ты уже давно перестал забавлять меня. А теперь мне даже неинтересно с тобой.

– Ты идешь к Маркизу.

– Совершенно верно.

Найтхаук надвинулся на нее, схватил за руку.

– А если я тебя не пущу?

Мелисенд скривилась, выдернула руку.

– Больно! Не распускай руки!

– Я не так уж и сильно схватил тебя. В чем дело?

– Ни в чем. – Она начала собирать одежду с пола.

– Дай мне взглянуть на твою руку, – Найтхаук развернул ее лицом к себе.

– Отстань от меня!

Он взял ее за руку, внимательно осмотрел предплечье.

– Ничего себе синячище. Как я мог не заметить его, когда ты танцевала?

– Я его замазывала.

– Откуда он у тебя?
– Не твое дело. – Она попыталась вырваться.
– Его поставил тебе Маркиз, не так ли?
– Я упала и ударилась.
– Неужели ты падала, широко раскинув руки? Это работа Маркиза.

– А если и его? Тебя это не касается.
– Как часто он тебя бьет? – спросил Найтхаук.
– Я это заслужила.
– За что?
– За серьезное прегрешение. Во всяком случае, за то, что я перепихнулась с трехмесячным, он бы меня бить не стал.

– Он не будет бить тебя за то, что ты переспала со мной?
– А кто ему скажет? Ты?
– Как может мужчина бить беспомощную женщину!
– А как может мужчина убивать женщин? – огрызнулась

Мелисенд. – Не этим ли ты недавно занимался?

– Я не позволю ему и дальше избивать тебя.
– Ты меня больше не интересуешь. И я не хочу, чтобы ты в дальнейшем докучал мне.

– Ничего не выйдет.

– Почему?

Он долго смотрел на Мелисенд.

– Наверное, я в тебя влюбился.

– Наверное?

– Я не знаю. Раньше я никогда не влюблялся.

– Ты и теперь не влюблен. Просто хорошо провел время в постели. Ничего больше.

– Я не хочу даже думать о том, что ты возвращаешься к нему.

– Прекрасно. Думай о чем-нибудь еще.

Мелисенд оделась, направилась к двери.

– Я собираюсь вычеркнуть из памяти этот вечер. И настоятельно советую тебе последовать моему примеру.

– Никогда.

– Это твои трудности. – Дверь открылась при приближении Мелисенд и вновь встала на место, когда она вышла в коридор.

Найтхаук вернулся к окну, долго смотрел на заваленный снегом город. Затем медленно оделся: сонливость сняло как рукой. Подошел к зеркалу, чтобы причесаться, но увидел не свое отражение, а ужасного скрюченного старика с провалившимися глазами, торчащими сквозь кожу скулами. Вдоводела.

– Как бы ты поступил на моем месте? – с горечью спросил Найтхаук.

«Прежде всего не попал бы в такую передрыгу. Я не позволял сексуальным желаниям подавлять рассудок».

– Как ты можешь так говорить? Я лишь раз лег в постель с женщиной.

«Ты лишился способности думать, как только увидел ее».

– С тобой случилось бы то же самое.

«Только не говори, что случилось бы со мной, а чего – нет. Учишься жить ты, не я».

– Согласен. Как бы ты поступил на моем месте?

«Забыл бы ее».

– Не могу.

«Она всего лишь женщина. Ты – всего лишь мужчина. Разница лишь в том, что опыта у нее побольше, и она знает, что сможет забыть тебя. Переспи еще с несколькими женщинами, и ты увидишь, что вызвать в памяти ее лицо с каждым разом становится все труднее».

– Поэтому ты стал знаменитым убийцей? Потому что никто для тебя ничего не значил?

«Я не говорил, что никто для меня ничего не значил. Я сказал, что недопустимо, чтобы железы правили рассудком».

– Надоело мне это слышать. Скажи что-нибудь еще.

«Не командуй мною, сынок. Я – Вдоводел. Ты – всего лишь моя тень, заместитель».

– Тогда помоги мне, черт побери! Я же отправился в Пограничье, стараясь помочь тебе!

«Если б не это, ты бы меня не увидел. Не отказывайся от помощи, которую тебе дают. И не жди совета, который хочешь услышать».

– Что ты такое говоришь?

«Ты хочешь, чтобы я сказал тебе, как удержать синекожую женщину. Не скажу. Забудь ее».

– Может, ты и смог бы забыть. Я – нет.

«Тогда готовься к тому, чтобы убить Маркиза».

– Я готов убить его хоть сегодня.

«Я знаю. А когда ты убьешь его, кто укажет на убийцу губернатора Трилейна? Или ты забыл, ради чего тебе вообще дали жизнь?»

– У Маркиза никак не меньше пяти миллионов кредиток. Почему я не могу убить его, конфисковать его деньги и отослать их на Делурос?

«Потому что конфисковать ты хочешь только его женщину. И потому, что у Вдоводела есть свой кодекс чести. Если он говорил, что берется за поручение, то всегда держал слово».

– Но я – не Вдоводел.

«Ты им станешь, дай срок».

– Нет! Я – Джефферсон Найтхаук!

«Как и я... сначала я тоже был Джефферсоном Найтхауком».

– Я – сам по себе! Я – не ты, и не желаю выполнять твои приказы!

«Ты даже представить себе не можешь, до чего мы с тобой схожи».

– Нет! – яростно выкрикнул Найтхаук.

«Да, плоть от плоти моей, кровь от крови моей. Ты же не думаешь, что видишь меня в зеркале, не так ли? Твой разум таким образом объясняет мое присутствие. Я – твоя совесть. Более того, я – твоя сущность. Мы переплетены духовно, физически, как только возможно. Ты падаешь – и мне больно, ты смеешься – и я радуюсь, ты хватаешься за оружие – и я целюсь и нажимаю на спусковой крючок. От себя не уйти, сынок, то есть не уйти от меня, потому что я – твоё истинное я. Я тот, кем ты стремишься стать. Я – идеал, которого ты стремишься достигнуть, и я всегда буду маячить впереди. Как бы ты ни старался, в глубине души ты всегда будешь знать, что у меня получилось бы лучше, будь то оружие или женщина».

– Черта с два!

«Отнюдь. Сейчас я на тридцать процентов человек, а на семьдесят болезнь, я заморожен, словно кусок мяса, оставленный для завтрашнего обеда, но ты все же боишься меня, ревнуешь ко мне. Я – злой дух твоих грез, юный Джефферсон, а вот в моих тебя нет».

– Я не хочу ничего этого слышать! – в отчаянии выкрикнул Найтхаук. Выхватил сонар, нажал на спусковой крючок. Звуковая волна разнесла зеркало на тысячи осколков.

Он успокоился так же быстро, как и разъярился, и тут же до него дошло, что выработать план действий так и не удалось.

Найтхаук прошел в ванную, встал перед зеркалом.

– Извини. Я вышел из себя. Возможно, ты прожил сорок лет, прежде чем такое случилось с тобой.

На него смотрел симпатичный молодой человек.

– Я же сказал, извини. И я по-прежнему не знаю, что мне делать.

Ему показалось, что молодое лицо в зеркале сменилось старческим и больным лишь на мгновения, достаточные для того, чтобы сказать: *«Разумеется, знаешь»*, – а потом опять стало молодым, на котором отражались лишь неуверенность да нерешительность.

Глава 11

Лифт доставил Найтхаука в подземный уровень казино. Миновав бассейн и сауну, он оказался в тире, где Маркиз

Куинзберри стрелял по мишени, расположенной в пятидесяти метрах. Мишень крутилась, вставала, падала, короче, находилась в постоянном движении и, в отличие от других, виденных Найтхауком, стреляла сама.

Голограмма мишени изображала офицера Флота, а стрелял он из лазерного пистолета. Лучи не могли нанести серьезного вреда, но жалили, как пчелы.

Найтхаук молча наблюдал, как Маркиз уходит от лазерных лучей. Наконец, и он нажал на спусковой крючок. Мгновением позже электронный монитор зафиксировал попадание в глаз.

– Отличный выстрел, – подал голос Найтхаук.

– Спасибо за комплимент. Ты тут впервые?

Найтхаук кивнул.

– Производит впечатление.

– И не только. Полезная, знаешь ли, штука.

Найтхаук ответил вопросительным взглядом.

– Над нами никак не меньше тысячи человек ходят с оружием. И я могу остаться их боссом только в том случае, если они знают, что им меня не убить. А знают они это только потому, что раз в месяц или около того мне приходится доказывать право на лидерство. – Маркиз помолчал. – Большинство из них берется за оружие лишь для того, чтобы убить человека. Поэтому реакция у них не та. Прицел зачастую сбив, батарея в лазерных пистолетах наполовину разряжена. Я же упражняюсь с мишенями не меньше часа в день, а оружие у меня всегда в идеальном состоянии. В этом разница между любителем и профессионалом.

– Мне нравится твой подход к делу.

– А в каком состоянии твое оружие? – спросил Маркиз.

Найтхаук, стоявший лицом к Маркизу, развернулся, на ходу доставая пистолет и лазер, выстрелил. Пуля из пистолета в правой руке прошла сквозь левый глаз голограммы офицера Флота, который как раз высунулся из-за защитного барьера. Мгновением позже луч лазера, который Найтхаук держал в левой руке, выжег дыру в груди мишени.

– В надлежащем. – Найтхаук вернул пистолет и лазер в соответствующую кобуру.

– Впечатляет, – протянул Маркиз. – Пожалуй, во всем Клондайке только ты так следишь за своим оружием. Но Вдоводел и должен с завязанными глазами попадать в цель, находящуюся в пятидесяти метрах.

– Ты пригласил меня не для того, чтобы посмотреть, как я стреляю. И я пришел не для того, чтобы посмотреть, как стреляешь ты. Так в чем дело?

– Видать, на Делуресе тебя не обучали премудростям светской беседы? – улыбнулся Маркиз.

– Нет.

– Ладно. Я послал за тобой, потому что нам надо кое-что обсудить.

«Вот и приехали. Сейчас он заведет разговор о Жемчужине Маракаибо, потребует, чтобы я больше не подходил к ней, и мне придется его убить».

– Ты когда-нибудь слышал о Рождественском Пастыре?

– Из детских сказок? – переспросил Найтхаук. – Хотя там, кажется, речь идет о Рождественском Деде.

– Значит, тебе повезло. – Маркиз рассмеялся. – Нет, этот Рождественский Пастырь действует в Пограничье. Вернее, действовал, пока в нем не выиграло честолюбие. Он только что провернул одно дельце в Олигархии и теперь возвращается сюда с дюжиной полицейских кораблей на хвосте.

– Почему его зовут Рождественский Пастырь?

– Здесь каждый сам выбирает себе имя, – ответил Маркиз.

– Или имя выбирает тебя. О нем знаю только одно: он крадет только из церквей.

– И на это можно жить?

– Если бы лишь грабил священников и взламывал ящики для пожертвований – нет. Но в некоторых церквях много золота и произведений искусства. Причем в Пограничье такие церкви можно пересчитать по пальцам, поэтому он и отправился в Олигархию, надеясь на хороший улов.

– Как я понимаю, его надежды оправдались.

Маркиз кивнул.

– Да. Насколько мне известно, его добыча в одной из церквей Дарбара II составила пятьсот фунтов золота и два религиозных полотна Мориты.

– Морита? Никогда о нем не слышал.

– Наверное, за два месяца невозможно впихнуть в голову всю информацию о человеческой цивилизации. Морита – великолепный художник, творивший в последний период Демократии. Его картины стоят теперь миллионы, а золото, исходя из текущих котировок, идет по тысяче семьсот кредиток за унцию. Сие означает, что Рождественский Пастырь везет целое состояние. А проблема у него, как я уже и говорил, в том, что на хвосте сидит дюжина полицейских кораблей.

– На сколько он их опережает?

– Часов на семь, максимум восемь.

– Он от них оторвется. Семь часов при световых скоростях – целая вечность.

– Видишь ли, у него триста сорок первая модель «Золотого метеора». – Маркиз понял, что тип корабля ничего не говорит Найтхауку, а потому счел нужным пояснить: – Высокая скорость, ограниченная дальность. Еще шесть часов полета – и ему придется останавливаться, чтобы пополнить запасы топлива.

– Как я понимаю, все это имеет ко мне непосредственное отношение?

– Естественно, – кивнул Маркиз. – Мой компьютер рассчитал возможные варианты его маршрута. Ядерное горючее он может получить только на четырех планетах. Две – армейские базы, куда он, скорее всего, не сунется. Третья воюет с соседней звездной системой. Какие бы гарантии ему ни давали, он едва ли подается туда из опасения, что одна из сторон по ошибке разнесет его в пыль.

– Позволь догадаться. Четвертая планета – Тундра.

– Нет... но это планета тоже принадлежит мне. Называется она Аладдин. Я хочу, чтобы ты незамедлительно отправился туда.

– А когда я там окажусь?

– Я предполагаю, что именно там сядет корабль Рождественского Пастыря. Я хочу, чтобы ты встретился с ним.

– Хорошо. Я с ним встречу. Что я ему скажу?

– Ты передашь ему мои личные поздравления с успешным завершением делового визита в Олигархию и скажешь вежливо, но твердо, что цена на топливо и безопасность путешествия возросла.

– Насколько?

– Намного. Я хочу половину его добычи.

– А если ответ будет отрицательный?

– Поступай как знаешь, – пожал плечами Маркиз. – Только улететь он должен с половиной груза.

– Сколько у него людей?

– Триста сорок первый «Метеор» рассчитан на четырех человек, значит, максимум трое, не считая его самого.

Найтхаук кивнул.

– Что еще мне нужно знать о Рождественском Пастыре?

– Ты уже все знаешь: у него груз, которым ему следует поделиться с нами.

– Ты понимаешь, о чем я, – покачал головой Найтхаук. – Нет ли у него особых талантов?

– Вроде бы нет, если, конечно, не верить, что он и Иисус Христос работают на пару. Некоторые уверены, что так оно и есть.

– На то есть причины?

– Он угодил в ловушку вместе со своими людьми. Всех перебили, он не получил даже царапины. В другой раз полиция обнаружила его схрон на Рузвельте III и разнесла на мелкие кусочки. Да только он в этот момент находился в соседнем баре. Услышал шум, украл корабль и был таков.

– Взять мне кого-нибудь с собой?

– Ты – Вдоводел, – вновь пожал плечами Маркиз. – Если раньше я и думал, что тебе нужна подмога, то после твоего последнего задания понял, что ты справишься сам.

– Зачем тебе все эти громилы, если ты их не используешь?
– спросил Найтхаук.

– О, я их использую, если возникнет необходимость. Но ты же собираешься убеждать меня, что тебе потребуется помощь, чтобы справиться с четырьмя людьми?

– Работать на тебя – одно удовольствие, – едко бросил Найтхаук.

– И Мелисенд того же мнения.

Найтхауку хватило одного взгляда, брошенного на Маркиза: самодовольная ухмылка подсказала ему, что Мелисенд рассказала Маркизу о той ночи, что провела с ним.

– Иногда у нее возникает необходимость сходить на сторону, чтобы напомнить себе, почему она в первый раз зацепилась за меня, – продолжил Маркиз. – Я ее не виню, потому что новые впечатления убеждают ее, что она должна и дальше держаться за меня. Сложность в том, что иной раз мужчина не понимает, что происходит. Он вбивает себе в голову, что она действительно равнодушна к нему, гонит волну, и вот тогда, к сожалению, приходится от него избавляться. – Он вытащил пистолет из кобуры, подбросил в воздухе, поймал другой рукой, нажал на спусковой крючок. Гроыхнул выстрел, и электронный монитор зафиксировал еще одно попадание в глаз мишени.

– Ты здорово стреляешь.

– Мы оба здорово стреляем, – уточнил Маркиз. – И надеюсь, что нам не представится случая выяснять, кто все-таки стреляет лучше.

– На то нет причины, – ответил Найтхаук.

Но перед его мысленным взором возник Маркиз, ласкающий обнаженное тело Мелисенд, целующий ее. Его охватил приступ ревности, и он не мог не признать, что причина-таки есть, и очень даже веская.

Окончание следует

УЖ, ЗАМУЖ, НЕВТЕРПЕЖ

Наверное, таких историй, как у меня, очень много, но я хочу рассказать о себе для того, чтобы другие долго думали, прежде чем поступить так же, как я.

А дело в том, что я вышла замуж в 16 лет — на Украине это разрешается. Я закончила школу и поступила в техникум. Саше было 18 — он не поступил в институт первый раз и пытался поступить еще раз, но опять неудачно.

Все у нас произошло очень быстро — встретились, влюбились — был сплошной праздник, и через четыре месяца знакомства — свадьба. Я была как в угаре от счастья — ничего толком сейчас и вспомнить не могу, да и особо нечего — гуляли, веселились, и больше ничего не происходило. И после свадьбы тоже вроде бы праздник — живем то у его родителей, то у моих. Забот никаких, все нам рады, все балуют, а мы опять гуляем. Правда, когда мои родители уехали в отпуск и мы остались с мужем вдвоем в квартире, то оказалось, что

дел домашних навалом. Мы сразу начали ссориться, но, правда, быстро мирились — зла не держали.

А тут вдруг — повестка в армию. Я плакала, Саша тоже был расстроен, но ничего не поделаешь — проводили мы его, и я осталась жить со своими родителями. Я была верной женой, письма писала и посылки посылала — деньги свои пыталась, я начала работать.

Когда Саша вернулся, я, конечно, была очень рада, но вот стала замечать, что настроение у меня часто портится — сварливая я стала. Думала, от усталости, работа у меня тяжелая — на стройке вкальваю, но потом поняла, что причина другая. А Саша все никак на работу не устроится, с друзьями время проводит, домой их водит и кормит всем, что я в холодильнике оставила.

Вы не думайте, что мне еды жалко было — дело не в этом. Я поняла, что Саша меня раздражает. За два года его отсутствия я очень изменилась,

повзрослела, а он остался таким же, каким был до армии. Как будто время для него остановилось — все те же мысли и словечки, все тот же образ жизни — гулянки, приятели. А семья — побоку. Да и поговорить мне с ним не о чем — интересы у нас абсолютно разные: ему неинтересна моя работа, мне — его дружки.

Одним словом, не хотелось после работы домой возвращаться. Да и Саша, видно, тоже особо не стремился со мной наедине оставаться — все норовил из дому уйти да попозже прийти. А когда дома оставались, тоже ничего хорошего не получалось — ссоры да взаимные упреки. Вот так все и кончилось — разошлись мы. Теперь я все время думаю: зачем мы так поторопились, ведь испортили друг другу жизнь. Я сейчас ни на одного парня смотреть не могу, а о семье даже страшно подумать.

Вот я и хочу сказать всем, кто собирается обзаводиться семьей рано: не надо спешить: семь раз отмерьте, прежде чем один раз решиться и отрезать.

*Лена Сомова, 18 лет,
г. Мелитополь*

В юности, Лена, действительно, многие совершают такую же ошибку, как и ты. Тебе, конечно, нисколько не легче от того, что у тебя есть товарищи по несча-

стью, но чтобы их стало как можно меньше, давай поговорим о причинах, по которым ранние браки чаще всего быстро распадаются.

Ты, наверное, слышала, как девушки говорят: «схожу-ка я замуж» или «она выскочила замуж». Вот так оно и бывает — «сходят», «выскочат», устроят праздник — белое платье, фата, жених в новом «с иголочки» костюме, свадьба, подарки... Одним словом — именины души и тела. Но вообще-то у юных пар это всего лишь игра в мужа и жену, и игра эта быстро кончается, потому что за праздником, оказывается, следуют будни, текучка, проза жизни. Ее-то молодые люди не имеют в виду, когда весело проводят время или получают удовольствие в постели. И потому оба вскоре начинают понимать, что погорячились, поторопились, и их легкие отношения совсем не должны были бы скрепляться узами брака. Быстро «сходили» и быстро разбежались, но часто после этого надолго остается горький привкус, комплекс — страх перед новым знакомством, серьезными отношениями, боязнь семейной жизни. Но развод может стать и трагедией, если в семье появился ребенок — плод скоропостижной любви.

Как известно, в юности многие не видят разницы меж-

ду любовью и влюбленностью, принимая за любовь первое влечение, которое может быть — и чаще всего и бывает — зовом плоти. А потому первая любовь — и это многократно описано в литературе — редко реализуется в брак, и даже состоявшаяся постель не может служить поводом для совместной семейной жизни.

Однажды социологи провели опрос среди юных пар, которые пришли подавать заявления в один из московских загсов. Они спрашивали девушек: «Что вам нравится в вашем будущем муже?» — «Он прикольный парень», «очень симпатичный», «с ним классно танцевать и тусоваться»... — отвечали будущие жены. Будущие мужья говорили: «Она клевая девчонка», «у нее обалденные ноги», «от нее все парни тащатся»... Этих качеств, как ты теперь понимаешь, Лена, для создания семьи ох, как недостаточно. Может быть, именно поэтому 20% женихов и невест, которые подают заявления в загс, потом не приходят расписываться — видимо, спохватываются, что поторопились. В переводе на всю страну это больше двухсот пятидесяти тысяч пар, больше полумиллиона человек, которые каждый год чуть-чуть было не встали на путь несчастья. Хорошо, конечно, что не встают, но ведь могли бы... И еще

— пятая часть новобрачных до свадьбы были знакомы меньше трех месяцев, и специалисты по семье и браку установили, что именно они — первые кандидаты на развод. Так оно и случается: больше всего разводов у тех, кто вступает в брак от 16 до 24 лет.

Это происходит по нескольким причинам. Назовем главные из них. Личностью к 16–20 годам становятся единицы, потому что, как правило, юноши и девушки живут с родителями, которые полностью их содержат и обслуживают, а потому тормозят их зрелость и взросление, делая их надолго инфантильными детьми. И вот эти взрослые, задержавшиеся в детстве, юноши и девушки, не зная и не понимая самих себя и еще не представляя, что они хотят от жизни, решают создать семью. А семья — это прежде всего огромная ответственность за другого человека, который живет рядом с тобой, и нелегкая работа, потому что из двух отдельных жизней надо создавать нечто общее — общие привычки, общие дела, общие правила бытия. А о какой ответственности и общности может идти речь, если вы знали друг друга только по тусовкам, дискотекам и постели? И потому каждый совместно прожитый после свадьбы день превращается в день неприятных откры-

тий. Выясняется, он или она любит поспать, неряшлив, груб, обидчив, вспыльчив и т. д. Оказывается, они совсем не знают друг друга, и даже постель не решает их разногласий.

Стало быть, вывод напрашивается сам собой: надо пытаться узнавать друг о друге как можно больше, и не только друг о друге, но и о семье своего избранника и избранницы. Раньше эту информацию добывали свахи — они были разведчицами в семьях жениха и невесты. Знания эти очень важны, потому что, как утверждают психологи, если у нее или у него неблагополучная семья: кто-то из родителей пьет, в семье постоянные ссоры, хамство или рукоприкладство, то вероятность того, что кто-то из молодых повторит родительский опыт, очень велика. Стало быть, и такая семья — тоже кандидаты на развод.

И еще одно абсолютно необходимое качество для совместной жизни — умение идти на компромисс, на уступки, то есть не ставить свое «я» выше мира и спокойствия семьи. Любовь, как известно, не терпит компромиссов, — нельзя полюбить или четвертьюлюбить. В любви есть только «да» или «нет». А семейная жизнь — сплошной компромисс, постоянная уступка друг другу. Но в юности не думают об этом, а

потому все время натываются на острые углы, не умея и не желая их обходить, и любая мелочь, пустяковые разногласия становятся поводом для ссор и конфликтов. И вместо того, чтобы искать то общее, что сцементировало бы семью, все внимание обращается на недостатки друг друга, много времени и нервов уходит на доказательство своей правоты. У юных пар терпение короткое, и верх берет чаще всего юношеский максимализм, а не мудрость, поэтому отношения выясняются на повышенных тонах, облакаются не в лучшую словесную форму: «Не твое дело», «заткнись», «сама дура» и т. д. А непонимание и ссоры, как ржа, разъедают самые возвышенные отношения, самую необыкновенную любовь.

Именно поэтому за скоропостижными браками, как правило, следуют скоропостижные разводы. Слава Богу, сейчас ранних браков стало меньше, чем их было лет 5–10 тому назад. Это хороший признак. Надеюсь, что молодежь стала понимать, что семья — это модель маленького государства, где мера понимания и ответственности определяют качество жизни и долголетия этого маленького государства под названием СЕМЬЯ. Ты-то, Лена, теперь точно это знаешь.

М. РЮРИКОВА

ГОТОВЫ ЛИ ВЫ К СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ?

Тест

Выбирайте один вариант ответа:

1. Своими проблемами вы предпочитаете...

А – ни с кем не делиться и обдумывать их в одиночестве;

Б – делиться с близкими людьми, надеясь получить от них сочувствие и поддержку.

2. Вы считаете, что если люди по-настоящему любят друг друга, то они...

А – будут жить этой любовью, даже если им придется расстаться;

Б – ни за что не смогут расстаться.

3. Что для вас важнее?

А – чтобы в вашей квартире все вещи можно было найти на том месте, куда вы их положили;

Б – чтобы в вашей квартире было красиво и уютно.

4. По какой из причин, по-вашему, чаще происходят разводы?

А – один из супругов слишком пытается ограничивать свободу другого;

Б – супруги не могут создать друг другу душевный комфорт.

5. Как вы относитесь к домашним животным?

А – они вас раздражают;

Б – иногда вам нравится с ними возиться.

6. Что, по-вашему, может скорее разрушить любовь?

А – однообразие в отношениях;

Б – эгоизм близкого человека.

7. Вы считаете, что ваши ро-

дители...

А – чрезмерно опекали вас в детстве;

Б – давали вам достаточно самостоятельности.

8. По вашему мнению, психология противоположного пола

В – хоть и с трудом, но поддается пониманию;

Г – представляет собой одну из неразрешимых загадок природы.

9. Если вам изменит ваша жена (муж), для вас это станет поводом...

В – подумать, почему это стало возможным;

Г – немедленно и без разговоров расстаться.

10. Женщина, проявляющая инициативу в отношениях с мужчиной...

В – современна, эмансипирована;

Г – несдержанна, распущенна.

11. Платоническая любовь – это...

В – красивая выдумка;

Г – высшая форма человеческой любви.

12. Гармония в сексуальных отношениях – это...

В – следствие благополучия в семейной жизни;

Г – необходимое условие благополучия в семейной жизни.

13. Общение с коллегами по учебе, работе противоположно-

В – доставляет вам больше удовольствия и дается легче, чем общение с коллегами своего пола;

Г – смущает и причиняет вам неудобства.

14. Вам кажется, что дружба между мужчиной и женщиной...

В – может быть лишь прелюдией к любовным отношениям;

Г – может продолжаться всю жизнь.

Обработка результатов

1. Подсчитайте количество ответов А, Б, В и Г.

2. Сравните А с Б, В с Г.

Какие сделаем выводы?

1. Ответов А больше, чем Б, ответов В больше, чем Г

На самом деле вы не испытываете особой нужды в семье. Вы слишком свободолюбивы, поэтому даже длительная, но не укрепленная документом связь должна казаться вам привлекательнее, чем настоящая семейная жизнь.

Если вы женщина и вам больше двадцати двух лет, то причина такого отношения к семейной жизни – боязнь потерять молодость, став женой и матерью.

Если вы мужчина, то удивляться особо не стоит: многие мужчины очень сильно дорожат свободой, иногда даже попадают в зависимость от боязни лишиться ее.

Что вам можно посоветовать? Если вы еще не женились, дожидитесь, пока созреете, чтобы безболезненно поменять свою свободу на семейное счастье. Ну, а если у вас уже есть семья, то, чтобы спастись от несчастья, у вас только один выход: усиливать в себе струны внимания и заботы о близких.

2. Ответов А больше, чем Б, ответов В меньше, чем Г

По натуре вы холостяк (то же касается женщин). Если у вас есть семья, значит, скорее всего, это случилось или по молодости, или по безумной любви. А вообще-то вы относитесь к людям, которые опасаются или избегают слишком близких отношений с противоположным полом.

Обычно это рождается подсознательной боязнью быть обманутым(ой) или брошенным(ой). А причиной таких опасений могут быть прошлые неудачные романы, теперешнее личное неблагополучие или детские воспоминания о неблагополучии в семье ваших родителей.

3. Ответов А меньше, чем Б, ответов В больше, чем Г

Вы – тот человек, кому семья действительно нужна. Именно она поможет вам раскрыть свои лучшие стороны и даст душевный комфорт. Через близость с другим человеком вы можете подняться на более высокий уровень саморазвития. Вы найдете еще один смысл жизни в воспитании детей. У вас есть многое, чтобы создать хорошую семью, так что, если вы еще не успели это сделать и у вас есть подходящая кандидатура в спутники жизни, подумайте, не решиться ли? Покажите вашей избраннице (избраннику) результаты этого теста.

4. Ответов А меньше, чем Б, ответов В меньше, чем Г

Одиночество вам просто противопоказано. Вам нужен заботливый и надежный спутник жизни, вам нужен супруг-родитель, умеющий поддержать, не упрекая вас в трудную минуту. Если вам не удалось найти такого человека, то вместо него эту задачу может выполнить ваш лучший друг или ваши родители. Однако в зрелом возрасте лучше всего, чтобы это делала ваша семья.

ЛЮБИТ — НЕ ЛЮБИТ... К СЕРДЦУ ПРИЖМЕТ...

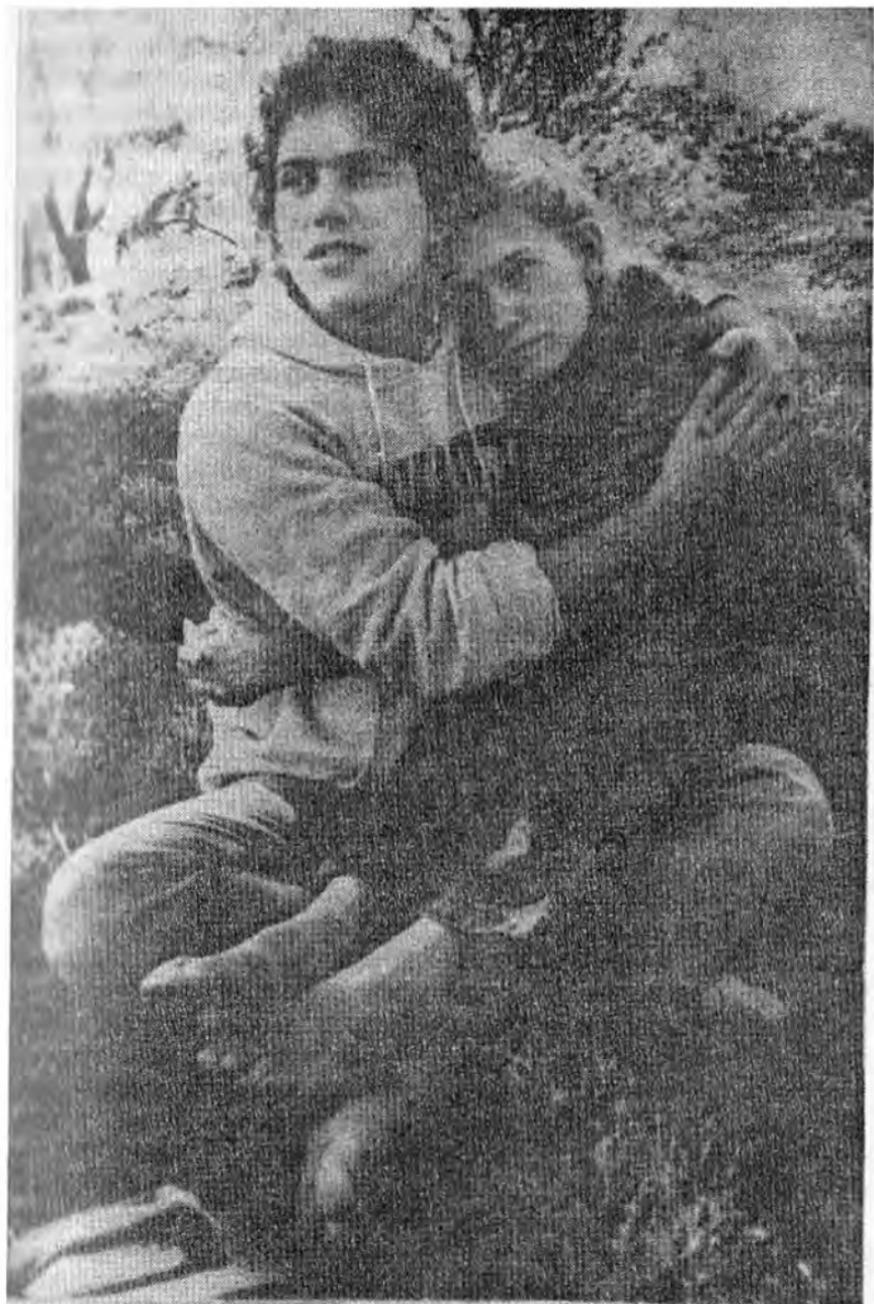
Наш сегодняшний разговор, как мы и обещали, — о дружбе, влюбленности, первом сексуальном опыте у подростков, юношей и девушек. О том, с какими трудностями сталкиваются они, вступая во «взрослые» отношения, рассказывает уже знакомый вам по предыдущим беседам сексолог академик И. С. Кон.

— В подростковом возрасте мальчики и девочки держатся обособленно, как бы не замечая друг друга. Но все-таки всегда наступает момент, когда они начинают дружить и влюбляться. Скажите, Игорь Семенович, трудно ли им дается этот переход?

Продолжение. Начало в №№ 3,4.

— Да, действительно, во все времена мальчики и девочки в подростковом возрасте существуют обособленно, и преодолеть эту психологическую дистанцию им не так просто.

В 1970 году опрашивали ленинградских школьников. Им был задан вопрос: «В общении с кем вы чувствуете себя наиболее уверенно и свободно?» Их ответы показали, что

общаться со сверстниками противоположного пола им намного напряженнее, чем со всеми остальными. Но девушки чувствуют себя в общении с юношами свободнее и увереннее, чем юноши с девушками.

На вопрос: «Возможна ли, по-вашему, настоящая дружба (без влюбленности) между юношей и девушкой?» — утвердительно отвечали свыше трех четвертей учащихся седьмых—десятых классов. Но с возрастом сомнения усиливаются; свыше половины юношей-студентов ответили на этот вопрос отрицательно. При ответах на вопрос: «Кого вы предпочли бы иметь своим другом — юношу или девушку?» — доля девушек, предпочитающих иметь друга противоположного пола, выше, чем доля юношей, причем с возрастом эта разница увеличивается.

Потребность в дружбе с человеком противоположного пола — это, в сущности, и есть потребность в любви.

В подростковых и юношеских увлечениях очень много «головного», нарочитого, придуманного. Влюбленность, ухаживание, обмен записочками, первое свидание, первый поцелуй в этом возрасте важны не столько сами по себе, сколько как знаки взросления. Как младший подросток ждет появления вторичных половых

признаков, так юноша ждет, когда же, наконец, он полюбит. Если это событие запаздывает (а никаких возрастных норм здесь не существует), он нервничает, старается замечать подлинное увлечение придуманным и т. д.

Влюбленности напоминают эпидемии: стоит появиться в классе одной паре, как влюбляются все, а в соседнем классе может быть спокойно. «Объекты» увлечений также нередко бывают общими, поскольку общение с популярной девушкой (или юношей) повышает собственный престиж у сверстников. Даже интимная близость нередко бывает только средством самоутверждения в глазах их сверстников. Отсюда — постоянная оглядка на мнение сверстников собственного пола, подражательность, хвастовство действительными, а чаще мнимыми «победами».

Кроме того, существует традиционный взгляд, что мужчина должен подходить к женщине с «позиции силы». Подросток же этой силы в себе не ощущает, а если он начинает ее изображать, чтобы быть «на уровне», это только увеличивает его затруднения. Жажда любви очень часто у мальчиков сочетается со страхом «потерять себя», «подчиниться».

Девочки, которым «сила» не предписана, свободны от

этой заботы, зато вынуждены скрывать свои увлечения, оберегая девичье достоинство и репутацию.

Передо мной — дневник школьницы из Петербурга. Его центральная тема — безответная и ранняя, тянущаяся с шестого класса, любовь к однокласснику. В восьмом классе рядом с нею возникает совсем иное чувство. «Витька — самый сильный мальчишка из нашего класса и самый лучший физкультурник. И вот у меня появилось теперь вдруг сильное желание обнять его, приклониться к нему... Такого чувства к Сашке я не испытывала. Мне хотелось быть с ним всегда рядом, но не это. Конечно, я много мечтала о ласках, но я всегда мечтала об этом, когда была одна. Когда я была с ним рядом, я совершенно забывала об этом. С Витькой — наоборот. Это чувство возникает тогда, когда мы садимся близко друг к другу или когда я прикасаюсь к его руке. Дома я о нем никогда не думаю. Сегодня, кажется, в первый раз... Что делать? Ведь это просто гадость, когда чувствуешь такое к человеку, которого несколько не любишь». А через полгода — третье, на сей раз чисто интеллектуальное увлечение. Юноша этот внешне совсем не привлекателен, но «мне очень хочется опять говорить, говорить с ним».

Нежная привязанность, чувственное влечение и потребность в дружбе, основанной на взаимном самораскрытии, сосуществуют, вызывая желание разобраться в себе, отделить главное от временно-го, наносного.

— *Существует мнение, что отношения между юношами и девушками сегодня очень упростились — все происходит очень быстро, без предварительного ухаживания. Так ли это?*

— Судя по данным анкетного опроса, проведенного в 1991 году (115 учащихся шестнадцати средних школ и восьми ПТУ Москвы и Петербурга в возрасте от двенадцати до семнадцати лет), подростки, как и раньше, начинают ухаживать и назначать свидания еще до завершения полового созревания; примерно половина их делает это, еще не достигнув двенадцати лет. К шестнадцати годам трепета уединенных встреч не испытал лишь один из пяти. Более или менее устойчивые пары образуются гораздо реже, даже среди шестнадцати-семнадцати-летних в момент исследования свыше половины постоянной пары еще не имели.

Сегодня, конечно, свободы во взаимоотношениях молодых много больше, чем раньше, но они совсем не так просты, как кажется некоторым взрослым.

Современный ритуал ухаживания проще традиционного, но так как никаких правил не существует, то никто не знает, как это сделать. Характерно, что большинство подростков задают вопросы, которые касаются не столько половой жизни, сколько вот этого ритуала ухаживания: как надо вести себя, например, во время свидания, когда можно и нужно целоваться и т. д. Озабоченность ритуальной стороной дела иногда настолько сильна, что молодые люди глухи к переживаниям друг друга и даже собственные чувства отступают перед вопросом, «правильно» ли они поступают с точки зрения принятых норм в своей среде. Ухаживание — игра по правилам, которые, с одной стороны, весьма жестки, а с другой — довольно неопределенны.

Это хорошо описано в рассказе Анатолия Конгро «Нет, мы такими не были». Его семнадцатилетний герой страстно мечтает о девушках, но не знает, как к ним подступиться. Более бойкий в этом отношении друг Гошка говорит ему, что все очень просто: пригласи девушку на танец, потом она тебя пригласит, затем попроси разрешения проводить ее домой, а у парадной спроси: «Можно поцеловать вас?» И все...

А на самом деле? Надо все время разговаривать — а о чем? Обнял девушку за плечи, рука затекла, а снять ее вроде бы неудобно. Хоть бы скорей ее дом! Вот наказание!

«В конце концов я исполнил великий Гошкин завет. Промямлил: «Можно вас поцеловать?» Она смешалась (от удивления) и сказала, как психу: «Ну кто же об этом спрашивает?!»

А?! Каков друг?! Спроси, говорит. Не спрашивают об этом! Откуда он взял, что спрашивают? Из богатого личного опыта? Или вычитал в Большой советской энциклопедии?

Я ляпнул куда-то губами мимо... Она в последний момент отвернула мордочку. Но официально можно было считать, что я первый раз поцеловал девушку. Правда, не так... и не ту... Но это меня совершенно сейчас не трогало. Я почувствовал, что все они, сколько их есть в мире, стали доступны мне». Увы, завтра все надо начинать сначала...

Герой знаменитой повести Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» Холден Колфилд очень хотел бы «быть опытным во всяких таких делах». Вот его рассуждения: «А то, по правде говоря, когда я с девчонкой, я не знаю как следует, что с ней делать... Главное, как только дойдет до этого — так девчонка, если она

не проститутка или вроде того, обязательно скажет: «Не надо, перестань». И вся беда в том, что я ее слушаюсь. Другие не слушаются. А я не могу. Я слушаюсь. Никогда не знаешь — ей и вправду не хочется, или она просто боится, или она нарочно говорит «перестань», чтобы ты был виновен, если что случится, а не она. Словом, я сразу слушаюсь. Главное, мне их всегда жалко. Понимаете, девчонки такие дуры, просто беда. Их как начнешь целовать и все такое, они сразу теряют голову».

Мне могут сказать, что для современных подростков эти переживания слишком сложны и нетипичны, у них многое стало проще. Это верно, но только отчасти.

— Большинство подростков все-таки благополучно преодолевают этот психологический барьер и начинают сексуальную жизнь много раньше, чем их родители. С какими трудностями сталкиваются они, вступая во взрослые отношения?

— Действительно, по статистике сегодня юношей, начинающих сексуальную жизнь в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет, втрое больше, чем это было в поколении их отцов, а девушек впятеро больше, чем в поколении их матерей.

Все юноши и девушки нетерпеливо ждут, когда же на-

конец их влюбленности и эротические игры и ласки завершатся такой манящей и одновременно слегка пугающей «полной близостью». Рано или поздно это происходит. Временной интервал от момента знакомства и влюбленности до вступления в интимную связь у современных молодых людей тоже значительно короче, чем было раньше, когда требовалось длительное ухаживание, помолвка и т. д.

Среди опрошенных в 1995 году шестнадцати-девятнадцатилетних россиян 21 процент юношей и 11 процентов девушек начали свою сексуальную жизнь с человеком, которого до этого вовсе не знали, 19 и 9 процентов были знакомы около недели, 15 и 15 процентов — около месяца, 12 и 16 процентов — два-три месяца. Только 22 процента юношей и 34 процента девушек были знакомы со своим избранником год или больше.

Наличие сексуального опыта в целом признали около 15 процентов девочек и 22 процента мальчиков. Почти половина сексуально искушенных подростков (34 процента девочек и 57 процентов мальчиков) первый половой акт пережили моложе пятнадцати лет, а 5 процентов девочек и 20 процентов мальчиков — в двенадцать лет и младше. По возрастным группам среди не дос-

тигших четырнадцати лет сексуально искушены 2 процента, среди четырнадцати-пятнадцатилетних — 13 процентов, среди шестнадцати-семнадцатилетних — 36 процентов.

Сексуально искушенных мальчиков во всех возрастах больше, чем девочек. Обследование 4000 школьников с седьмого по девятый класс в 1997 году показало, что в этом возрасте происходит быстрое нарастание как сексуально-эротических интересов, так и сексуальной активности.

Тем не менее психологически все не так просто. Независимо от мотивов, бытовых условий (главная трудность наших молодых людей — где найти уединенное место) и нравственной оценки первая сексуальная близость нередко напоминает экзамен. Хотя это событие многократно превосхищается и проигрывается в мечтах и ему, как правило, предшествует подготовка (ухаживание, петтинг и т. п.), оно сопряжено с психологическими трудностями. Неопытный юноша боится физиологической неудачи, отсутствия эрекции или преждевременного семяизвержения. Девушка не уверена в своей сексуальной привлекательности. Обоих могут шокировать непривычные запахи, а сперма и увлажнение влагалища иногда вос-

принимаются как «грязь». Обилие незнакомых ощущений и сама ситуация «проверки», «испытания» заставляют молодых людей больше прислушиваться к своим собственным переживаниям, чем к чувствам партнера, что отнюдь не способствует самозабвению.

Опыт мастурбации и даже краткосрочный сексуальный контакт еще не делает мальчика мужчиной. Не зная особенностей женской психофизиологии, он ждет реакций, похожих на его собственные. В еще более сложном положении находится девушка, вынужденная порой скрывать свои желания, чтобы не поставить партнера в обидное для его мужского достоинства положение «ученика».

Несмотря на эти трудности, четыре пятых опрошенных в 1995 г. юношей и больше половины девушек оценили свой первый сексуальный опыт положительно. Однако 13 процентов юношей и 24 процента девушек затруднились оценить его, а у 6 процентов юношей и 24 процентов девушек он оставил в целом неприятные воспоминания. Объясняя свою неудовлетворенность, юноши чаще всего называют неблагоприятные внешние условия, то, что им не понравился акт или что они сами действовали непра-

вильно. У женщин главная причина разочарования — отсутствие удовольствия от полового акта, чувство, что сближение произошло слишком рано, не стоило так торопиться и что это был «не тот» партнер (юноши называют последний мотив в три с половиной раза реже).

Хотя память о «первом разе» остается навсегда, это переживание не имеет рокового значения; последующий опыт, удачный или неудачный, вносит в него существенные коррективы. Однако некоторых особенно впечатлительных людей неудачный опыт может надолго оттолкнуть от сексуальной близости и даже вызвать к ней отвращение.

— *Первый сексуальный опыт приобретается в результате страстной любви или тому есть другие причины?*

— Первый сексуальный опыт не означает ни страстной любви, ни начала регулярной половой жизни. Ранние связи, как правило, безлюбовны и часто совсем лишены романтики. Почти треть сексуально активных подростков, опрошенных в 1993 году, никогда не имели друга противоположного пола. Среди опрошенных в 1995 году шестнадцати—девятнадцатилетних 35 процентов девушек и 15 процентов юношей сказали, что были влюблены в своего первого

сексуального партнера, остальные довольствовались симпатией или вообще ничего романтического не чувствовали (так ответил почти каждый четвертый юноша). У многих первая связь была случайной и сразу же прервалась. Более или менее регулярную половую жизнь в этом возрасте ведут лишь немногие.

Поскольку секс для подростка — нечто запретное и рискованное, раньше всего вовлекаются в него те, кто любит риск и самопроверку и нуждается в самоутверждении. С утверждением «Я получаю настоящее удовольствие, совершая довольно-таки рискованные поступки» согласились 58 процентов сексуально активных подростков и только 43 процента девственников. Суждение «Мне нравится постоянно испытывать себя, делая что-нибудь немного рискованное» применили к себе 65 процентов первой и 44 процента второй группы. Больше половины сексуально активных и менее трети неопытных подростков сказали: «Я часто стараюсь проверить, насколько далеко я могу зайти». 43 процента сексуально искушенных подростков сказали, что они «иногда делают что-то специально, чтобы шокировать родителей или других взрослых, просто для смеха». У девственников таких ответов на 12 процентов меньше.

Однако независимость от старших часто оборачивается рабской зависимостью от сверстников. Среди сексуально активных чаще встречаются юноши и девушки, податливые на уговоры и заразные примеры. 57 процентов из них сказали: «Иногда я позволяю другим уговорить себя сделать то, чего, как я знаю, делать не следует». Девственников с такой самохарактеристикой на 10 процентов меньше.

У сексуально активных подростков учебная успеваемость и дисциплина несколько ниже, чем у их сверстников. Планирующих продолжить учебу в вузе среди них на 10 процентов меньше, чем среди девственников.

Взрослые считают, что подростковый секс — это опасное отклонение от нормы, для подростков же это вполне нормальное явление. С мнением «Нереально думать, что молодежь удержится от занятий сексом в подростковом возрасте» полностью согласны 46 процентов мальчиков и 36 процентов девочек. 53 процента мальчиков и 36 процентов девочек не видят ничего плохого в добрых отношениях, если молодые люди любят друг друга. С суждением «К половым сношениям нужно относиться как к вполне нормальной и ожидаемой части свиданий подростков» полностью согласились 36

процентов мальчиков и 21 процент девочек (среди сексуально испробованных шестнадцатилетних — соответственно 56 и 37 процентов).

— *Есть ли причины, кроме физиологических и психологических, которые подталкивают подростков начать сексуальную жизнь?*

— Решающую роль тут играет, конечно, отношение сверстников к этому вопросу. Хотя 44 процента девочек и 39 процентов мальчиков сказали, что не знают, совпадают ли их взгляды на секс со взглядами соучеников, 35 процентов девочек и 45 процентов юношей считают, что они такие же или похожи. С возрастом эта общность взглядов увеличивается с 35 процентов у тех, кто младше четырнадцати, до 60 процентов у шестнадцати—семнадцатилетних.

Сексуальное поведение подростка сильно зависит от того, как он представляет позицию своих сверстников. Хотя подавляющее большинство подростков отрицают, что сверстники подталкивали их к тому, чтобы они рано начали половую жизнь, но на мальчиков их давление особенно сильно.

Многие подростки склонны преувеличивать сексуальную «продвинутость» своих друзей и одноклассников. Хотя только 36 процентов опрошенных в

1993 году шестнадцати—семнадцатилетних сами имели сексуальный опыт, на вопрос: «Сколько примерно твоих друзей уже имели половые сношения?» 15 процентов этой возрастной группы ответили «примерно половина», 16 процентов — «больше половины» и еще столько же — «практически все». У сексуально искушенных еще больше искажено это представление: «никто» — меньше одного процента, «меньше половины» — 21 процент, «примерно половина» — 18 процентов, «больше половины» — 26 процентов, «практически все» — 33 процента. Завышенная оценка возрастной «нормы» толкает подростка к рискованному сексуальным и прочим экспериментам: не могу же я отставать от других?!

— Но ведь у многих подростков, несмотря ни на что, нет сексуального опыта. Какие причины удерживают их от этого?

— Самой важной причиной, на которую указали 39 процентов девушек и 30 процентов юношей, была такой: «Я еще не нашел подходящего человека». У юношей на втором месте (23 процента) стоит собственная застенчивость и нерешительность (среди девушек так ответили меньше 5 процентов) и на третьем (18 процентов) — отсутствие возможности (среди девушек так ответили меньше 4 процентов). У

девушек вторая по значимости (19 процентов) причина сдержанности — чувство своей неготовности к столь ответственному шагу (среди юношей так ответили вдвое меньше) и третья (12 процентов) — нежелание быть использованной ради чьего-то удовольствия (только 0,6 процента мальчиков выбрали этот вариант). Девушки в два с половиной раза больше мальчиков озабочены проблемой возможной беременности и вдвое больше — негативной реакцией родителей.

— Сексуальное поведение нашей молодежи очень отличается от того, как ведут себя их ровесники на Западе?

— В наших данных об этом нет ничего сенсационного — они вполне сопоставимы с западными. В 1990 году половую жизнь уже начали 40 процентов шестнадцати—семнадцатилетних западногерманских юношей и 34 процента девушек. У их восточногерманских сверстников соответствующие цифры составили 47 и 59 процентов для шестнадцатилетних и 52 и 58 процентов для семнадцатилетних (девушки здесь опережали юношей). По американским данным 1993 года, средний возраст первого полового сношения составляет 16,6 года для юношей и 17,4 года для девушек; в шестнадцать лет этот опыт имеют 42 процента тинейджеров.

Тем не менее российская ситуация отличается от западной. Тип подростковой сексуальной культуры, существующий сегодня в России, очень напоминает положение, существовавшее в США и в странах Западной Европы двадцать пять лет назад. Раннее начало сексуальной жизни тогда тоже связывали с плохой учебой, конфликтами с родителями, вовлечением в преступные группы, кражами, угоном автомашин, вандализмом, насилием, курением, пьянством, употреблением наркотиков. Сама по себе сексуальная активность не была причиной антисоциального поведения, но за цифрами прослеживались контуры такого типа молодежной субкультуры, при которой и взрослое общество и сами тинейджеры видят в сексуальной жизни, курении, выпивке и баловстве с наркотиками знаки взросления, обретения самостоятельности от старших, прежде всего от родителей. Как только общество перестает запрещать юношескую сексуальность, начинает относиться к ней спокойно, помогая подросткам получить необходимые для жизни знания, отклонений в их поведении становится все меньше и даже они совсем исчезают.

Именно это происходит сейчас в Западной Европе. Сравнение сексуального пове-

дения шестнадцати—семнадцатилетних западногерманских подростков девятидесятых годов с тем, каким оно было в 1970 году, выявило несколько общих черт. Возраст начала и степень сексуального опыта подростков за последние двадцать лет изменились незначительно, зато сильно изменились установки родителей, их готовность принять сексуальность своих сыновей и дочерей. Родители стали говорить об этом с ними в семье. Это заставило юношей и девушек принять на себя большую ответственность за последствия своих поступков. Сегодняшние юноши переживают свое сексуальное взросление менее драматично и напряженно, чем двадцать лет назад.

Юношеская сексуальность сегодня гораздо сильнее связана с любовью, постоянством и верностью, чем в семидесятых годах. Девичьи сексуальные переживания становятся менее чувственными и возбуждающими, чем раньше. В США в 1995—1996 годах впервые за последние двадцать лет несколько снизилось — на 5 процентов — количество пятнадцати—девятнадцатилетних девушек и юношей, имеющих сексуальный опыт.

— *А у нас родители еще не перестроились?*

— К сожалению, в России ситуация другая. У нас нет ни

семейного, ни школьного сексуального просвещения. Согласно опросу ВЦИОМ в 1991 году, только 13 процентов родителей когда-либо говорили с детьми на эти темы. Больше двух третей опрошенных в 1993 году московских и питерских подростков сказали, что их родители никогда не говорили с ними о проблемах сексуальности, у остальных это случилось всего один-два раза.

Сами ребята спрашивать родителей стесняются или не хотят. За последний год перед опросом более двух третей девочек и мальчиков ни разу не задавали «предкам» таких вопросов. На вопрос: «Насколько совпадают твои взгляды и принципы, касающиеся секса, со взглядами и принципами твоих родителей?» свыше половины ответили: «Не знаю», а 38 процентов шестнадцати-семнадцатилетних убеждены, что их взгляды решительно расходятся с родительскими.

Так же «невинна» по части сексуального просвещения и школа. Только 17 процентов учащихся двух крупнейших столичных городов получили в школе какие-то сведения, как правило, одну-две лекции, остальные — ничего.

Аналогичную картину дал и опрос 1995 года. Шестнадцати-девятнадцатилетние юно-

ши и девушки черпают знания о сексе из книг, газет и журналов (70 процентов), разговоров с друзьями (58 процентов), кино и телевидения (45 процентов) и личного опыта (41 процент юношей и 28 процентов девушек). Родителей и других родственников назвали 14 процентов девушек и меньше 8 процентов юношей, учителей и лекторов — соответственно 8 и 5 процентов.

То, что у нас нет систематического сексуального просвещения, приводит к тому, что молодежь очень плохо знакома с противозачаточными средствами. И как следствие этого — огромное количество нежелательных беременностей.

Важная особенность подростковой и юношеской сексуальности — ее «экспериментальный» характер. Открывая свои сексуальные реакции, подросток с разных сторон исследует их. Ни в каком другом возрасте не наблюдается так много случаев отклонений, близкого к патологии поведения, как в двенадцать-пятнадцать лет.

— *Игорь Семенович, давайте в следующий раз и поговорим об отклонениях в сексуальном поведении подростков и, в частности, о гомосексуальных отношениях.*

Беседу вела
Маргарита РЮРИКОВА

ПРОБА ПЕРА

Наталья БАТУХТИНА

20 лет, г. Йошкар-Ола (Республика Марий-Эл)

ВЕТЕР ЛЮБВИ

* * *

Осколки ошибок, обрывки невзгод,
Остатки печалей и бед —
Хрустальные камешки, горестей свод,
Холодный прошлого свет.

Библиотека, сотни томов
Жизни на полках стоят.
И заглянувший уже не найдет
Недолгой дороги назад.

Забудутся лица, затихнут шаги,
И память в отпуск уйдет.
Но на воде — от камня круги
Ширятся из года в год.

Черное зеркало старых прудов,
Синяя гладь реки.
Прошлого омуты тянут на дно,
Угрюмы и глубоки.

И я потеряю право на жизнь
(Ненужный друзьям — не живет).
Заухает филин, голодная рысь
Тропинку пересечет.

Два желтых огня — две свечи в темноте.
Бесславный и глупый финал.
А жизнь — что она? Чертеж на листе,
Королевство кривых зеркал.

* * *

Я запуталась, я запуталась,
Заблудилась сама в себе.
И в безликость, как в саван, закуталась.
«Я мираж» — девиз на гербе.
Я меняла маски десятками:
Инфантильность, циничность, злость.
Не руками касалась — перчатками
Тех, с кем рядом идти довелось.
Глубоко я любила и искренне

Не живых людей — идеал.
Я страдала, я плакала — письменно,
Так, чтоб мир вокруг не замечал.
Я свой разум душила и прятала
(Не высовывайся — будь как все!),
Платье светлое грязью заляпала,
Разучилась бродить по росе...
И теперь все мое ничтожество,
Вся никчемность вышли на свет.
Бесполезно. Картина не сложится.
Одиночка я. Вот в чем секрет.

* * *

Странное состояние —
Слезы сквозь смех.
Нищему подавание —
Похвала и успех.
Пепел в руке опущенной —
Богатство мое.
Пепел любви задушенной —
Блаженное забытьё.
Тонкой холодной корочкой
Покрылась душа.
Боль — миллион иголок.
Живу не дыша.
Боюсь шевельнуться и лишнее
Словечко сказать.
Боюсь оглянуться и ищущий
— Не меня! — его взгляд поймать.
Минуты летят и месяцы
Все мимо, все как-то зря.
Любовью глаза его светятся.
К другой. И тускнеет заря.

* * *

Не спится... Не поется и не плачется,
Не верится, не ждётся. И нет сил
Ни злиться, ни смеяться, ни дурачиться.
Февраль, февраль, ну что ты натворил?
Забрал спокойных дней моих течение,
Взамен мне подарил тоску и боль.
Февраль, февраль, мое ты невезение,
Мое большое роковое заблуждение,
Нелепости и лжи нагромождение,
Февраль, февраль — любви моей пароль.

Плачь,
 глупое сердце, плачь,
 Спрячь
 свою гордость, спрячь,
 Сквозь
 боль и слезы — пой!
 Мир
 расцветает весной.
 Ты
 вновь захочешь жить,
 Лед
 родниковый пить,
 Встреч
 мимолетных ждать
 И
 во спасение лгать.
 Вновь
 будет таять снег
 И
 зазвенит твой смех,
 Вспыхнет
 огонь в ночи —
 Только
 ты не кричи...

* * *

Холодно в маленькой комнате,
 Даже стены кричат: «Забудь!»
 Вы мне сегодня напомните,
 Что надо продолжить путь,
 Что после дождя будут радуги,
 Что сменится грязь снежком,
 Что боли растают градинки
 И стыдно не будет потом...

* * *

Нужных слов не найти мне сегодня —
 Разлетается мыслей стайка.
 «Ты к поэзии непригодна» —
 Я признаюсь себе без утайки.
 Повторяются ритмы и слоги,
 Мысли в строчках — одни и те же:

А я... Я любила... Люблю — миг и вечность.
Выдержу. Ничего.

* * *

На пороге — новая ночь.
Снова мыслей липкий туман.
Я — метели и пламени дочь,
Я — на собственной шее аркан.
Я люблю не тогда и не тех,
Подпеваю не то и не в такт,
И не вовремя слышен мой смех,
Я молчу, я скучаю — не так!
Вот и снова люблю не того.
Круг замкнулся, и выхода нет.
«Подскажите, как жить без него?» —
«Молча!..» Что же, хороший совет.

* * *

Лгать глаза не умеют,
Нас они выдают,
Если губы немеют
И слова предают.
Если в горле преградой
Горький ком глупых слез,
Если боль мне — наградой,
Если жизнь — не всерьез,
Если нет мне удачи,
Ни любви, ни тепла.
Я вам лгу, что не плачу
Никогда. Никогда.

* * *

Снова в дорогу. В звенящую даль
Усталые смотрят глаза.
Снова — в дорогу. И снова печаль —
Ликом на образа.
Тусклые сполохи дальних зарниц,
Ветра соленый вкус,
Снова — неожиданной слезою с ресниц:
Мой дом без меня — пуст.
Казалось, давно привыкнуть пора:
Семнадцать дорожных лет.
Но снова со мною моя хандра
И долгих бессонниц бред...

Микеле ПЛАЧИДО:
*«Я счастлив,
что живу...»*

Поначалу мне то и дело хотелось назвать его «Коррадо», и, как выяснилось, не мне одной: на протяжении трех дней, которые Микеле Плачидо провел в Москве, все без исключения — от поклонников до руководителей Кинофестиваля — норавли «обозвать» его «комиссаром Каттани». Сам Микеле от этого не в восторге: после «Спрута» было сыграно множество других интересных ролей — увы, не известных неискушенной российской публике, — а главное, Плачидо стал режиссером, и в октябре приступит к съемкам уже четвертого фильма. Когда мы договаривались об интервью, Микеле попросил меня задавать поменьше вопросов о работе и о... бороде. «Я устал рассказывать, что в последнем фильме играю университетского профессора-гомосексуалиста и что бороду пришлось отрастить для этой роли, — признался он. — Так что давай просто поболтаем «за жизнь»...»

— *Давай, только сначала я все-таки спрошу: это правда, что бедняжку комиссара сценаристы «убили» из-за тебя?*

— Правда, в том смысле, что мне со временем стала тесна эта роль. Я почувствовал, что ко мне намертво прилипает некая этикетка, а для многопрофильного актера это — самое страшное.

Мне абсолютно не хотелось ассоциироваться только с Коррадо Каттани — ну я и попросил его «убить»...

— *Не жалко было? Знал бы ты, как все женщины рыдали!*

— (С ужасом). Что, и ты тоже?! Да-а... Разумеется, жалко, но в сложившейся ситуации невозможно было поступить по-другому.

— *А заменить тебя другим актером?*

— Это было бы уже не то, сама понимаешь.

— *Микеле, тебе пятьдесят, а это значит, что ты подошел к определенному рубежу, когда человек начинает подводить первые итоги — как в профессиональном, так и в личном смысле. Что ты говоришь самому себе, оглядываясь назад?*

— Я понял одну очень важную вещь: наша жизнь, наша судьба, бесспорно, зависит от нас, но все же есть нечто, предопределяющее путь каждого человека. У меня всегда было ощущение, будто нами кто-то управляет, как марионетками, дергает за ниточки, а мы наивно полагаем, что решаем за себя самостоятельно. Я просматриваю как фильм те полвека, которые я прожил на этой земле, и осознаю, что моя судьба почти всегда зависела не от меня, а от каких-то событий извне или от других людей. Ты хочешь знать, о чем я думаю, когда вспоминаю про-

шное? Я думаю о том, что мне необыкновенно везло, что все то, о чем я мечтал в детстве, волшебным образом сбылось. И то, о чем не мечтал, — тоже.

— *Можешь рассказать о своих детских мечтах?*

— Когда я был мальчишкой, у меня было две мечты: поэзия и театр. Мне хотелось объединить их в одном ремесле, ибо и считал, что только эти две вещи способны облагородить мир, сделать прекраснее человеческую душу. Именно поэтому я еще в детстве выбрал актерскую профессию — единственную, которая позволяет человеку подняться над собой.

— *Тебе и сейчас случается мечтать?*

— Конечно! Ведь жизнь и есть мечта. С возрастом становится же сложнее мечтать — особенно когда думаешь, что лучшие годы уже позади. Но терять эту способность ни в коем случае нельзя! Например, я спасаю себя от черных мыслей как раз мечтами. Безусловно, это совсем другие мечты, нежели в юности: сейчас я мечтаю в основном о том, какой будет моя будущая роль. Ты не подумай, что это цинизм — просто чем ближе старость, тем приземленнее мечты.

— *Кстати, о цинизме: есть мнение, что все актеры — циники. Это так?*

— Я думаю, да. По крайней мере, в большей степени, чем

обычные люди. Это объясняется тем, что у них, как правило, огромный и очень разнообразный жизненный опыт, и в практическом смысле этот опыт частенько лишает их иллюзий и романтичности. Кроме того, актер — существо, которое живет сегодняшним днем, ничего не загадывает, не программирует, и это тоже может показаться цинизмом. Хотя иногда это исключительно наносное — просто маска, помогающая жить.

— *А себя ты считаешь циничным человеком?*

— Я очень циничен по отношению к самому себе. Но не к окружающим! Я стараюсь уважительно относиться к людям, к их образу жизни, их мыслям. Если рядом со мной находится человек, которому свойственно то, что не свойственно мне, я никогда не стану насмеяться над ним или осуждать. Напротив, я его буду подбадривать! Я не помню, чтобы я хоть раз сказал кому-нибудь: «Ты живешь или думаешь неправильно — вот посмотри на меня и бери пример!»

— *Но в глубине души ты все же считаешь, наверное, что прожил свою жизнь правильно?*

— Не бывает «жизни правильной» и «жизни неправильной». Я считаю, что во многом наша жизнь как бы предопределяется нашим детством. Один

мой друг — режиссер Марко Белоккьо — однажды сказал мне очень правильную вещь (мы с ним как раз обсуждали то же самое, что и сейчас с тобой): глубинные причины того или иного поступка или даже образа жизни надо искать в отрицательном опыте и душевных травмах, перенесенных в детстве. Интересно, что мы сами ведь не понимаем, почему ведем себя так, а не иначе! Мало кто умеет заглянуть внутрь себя и объяснить природу собственных поступков.

— После «Спрута» российские женщины считают тебя воплощением образа настоящего мужчины. А какой должна быть, по-твоему, настоящая женщина?

— Мои представления о женщинах постоянно менялись. По молодости я полагал, что главное в женщине — ее внешняя привлекательность, а все остальное второстепенно и идет как бы в необязательном приложении. И только с опытом мне стало понятно, что красота уходит бесследно, и если за ней ничего не стоит, то — увы — грош ей цена! На мой взгляд, настоящая женщина должна обладать одним очень важным качеством — умением любить. В этом отношении мне глубоко запали в душу чеховские героини.

— Тебе удалось встретить свой идеал?

— Наверное, нет. Но это нормально, иначе не к чему было бы стремиться. А так я каждый день просыпаюсь с надеждой.

— Прости за вопрос: а с Виолеттой Стефанелли ты развелся не потому, что она оказалась слишком далека от твоих представлений о настоящей женщине?

— Нет! Было много других причин, о которых говорить в коротком интервью просто не имеет смысла: для этого понадобился бы как минимум двухчасовой психоаналитический сеанс. Ужиться под одной крышей двум людям с совершенно разными характерами, и тем более, если оба — актеры, очень трудно. Вообще, когда распадается брак, это всегда горько, но мы с Виолеттой сумели извлечь из нашего расставания пользу. На расстоянии мы стали лучше понимать друг друга. У нас общие дети, которых мы оба одинаково любим, и поэтому можно сказать, что наша семья осталась в целостности и сохранности, а разрушился только брак.

— Микеле, я видела, как ты общался со своими поклонниками на московских улицах, и меня приятно поразили твоя приветливость и расположенность к общению. Скажи честно, это игра или твоя истинная суть?

— Может быть, тебе это покажется парадоксом: моя

«доступность» — это и игра, и сущность моей природы одновременно. В общении с людьми всегда неизбежно присутствует элемент игры: то, как я отношусь к тому или иному человеку в разных случаях, есть как бы соблюдение неких правил. Правил игры! Например, в твоём представлении я могу быть добрым, великодушным и лояльным человеком, — и буду им с тобой! Но это нисколько не мешает мне совершить некорректный поступок в какой-то другой ситуации с каким-то другим человеком. Но, согласись, это уже что-то очень личное, очень интимное, что никоим образом не касается незнакомого человека, который приближается ко мне на улице.

— Ты считаешь себя открытым человеком или замкнутым?

— У меня много проблем, и изо дня в день приходится преодолевать тяжелые моменты. Меня спасает только то, что я научился «открываться», отдавать себя людям. Это придает мне силы, помогает идти вперед. В юности я был очень скрытным, но с годами понял, что в жизни самое важное — уметь вести диалог, уметь сосуществовать с теми, кто находится рядом.

— Я всегда считала, что мужчины не умеют говорить о своих проблемах...

— Разве то, что мы с тобой разговариваем на эту тему, не означает, что я делюсь с тобой своими проблемами? Конечно, у меня есть мысли, мании и проблемы, которые я переживаю внутри себя и никогда не смогу никому доверить. К сожалению, наше общество устроено так, что о некоторых вещах мы просто не имеем права говорить вслух, ибо они входят в категорию табу. Например, не принимается открытое проявление сексуальных и религиозных чувств. Если во время прогулки по Красной площади меня вдруг охватит религиозный экстаз, я никогда не посмею опуститься при всех на колени и прочитывать молитву, понимаешь? Меня просто неправильно поймут, хотя это не более чем открытое выражение моих чувств.

— Микеле, ты счастлив или почти счастлив?

— Ты правильно поставила вопрос. Знаешь, порой мне кажется, что мы не можем чувствовать себя полностью счастливыми потому, что мы ограничены, нам не дано до конца понять ту грандиозную загадку, которая именуется смыслом жизни. А счастлив ли я? Скажем так: я счастлив, что живу.

Беседу вела
Ася АЛЕШИНА

ВСТРЕЧИ С УЖАСОМ

ПАРАД ПОЛТЕРГЕЙСТОВ

1. Шумные духи в истории

«Вы снова начинаете все сначала, словно только что родились, ничего не зная о том, что совершалось в древние времена».

Приведенное высказывание принадлежит древнегреческому философу Платону (427–327 годы до нашей эры). В нем, конечно же, не имеют в виду исследователи полтергейста, но оно как нельзя лучше отражает поведение людей, впервые в жизни столкнувшихся с феноменом. Им кажется, что это совершенно новое явление, не имеющее аналогов в человеческой истории. В действительности же все совсем не так.

Можно достаточно смело утверждать, что сей злокозненный феномен столь же стар, как и само человечество. И это вовсе не досужее рассуждение, а вывод, основанный на том факте, что до сих пор не известно ни одного случая, когда бы носителем полтергейста было животное. Всегда – только человек! Явление как бы «сидит» в нем, оно привязано к своему носителю и нередко следует за ним при перемене места жительства и прочих передвижениях. Ведь не зря говорится: от себя не убежишь!

Историю полтергейста, видимо, следует отсчитывать с того момента, когда в прачеловеке вспыхнула первая Божья искра, одновременно выветив и окружающий мир

Продолжение. Начало в № 4.

тьмы. Началась вековая борьба сил тьмы и сил света, противостояние добра и зла. На чьей стороне оказались полтергейсты, вряд ли надо разъяснять.

ШУМНЫЕ ДУХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Большинство исследователей начинают излагать историю полтергейстов примерно с середины прошлого тысячелетия, опираясь на сведения, которые им представляются более или менее достоверными. Другие пробуют найти более ранние случаи. Возможно, самое первое из таких свидетельств принадлежит перу Тита Ливия и относится ко временам 2-й Пунической войны (218–201 годы до нашей эры), когда римляне однажды были до смерти напуганы внезапно обрушившимся на них градом бесчисленных камней, наряду с другими столь же странными дурными предзнаменованиями.

Иосиф Флавий в одном из своих трудов, написанных в конце первого века нашей эры (около 94 года), утверждает, что лично наблюдал, как сама собой опрокинулась чаша с водой, стоявшая в отдалении от одержимого во время исполнения над ним обряда изгнания бесов. О точно таком же явлении, связанном со знаменитым Аполлонием Тианским

(жил в первом столетии нашей эры), пишет его биограф Филострат.

Все это пока были только сообщения об отдельных симптомах или проявлениях полтергейста — тех, что более всего поразили воображение очевидцев или хроникеров. В последующих хрониках все чаще встречаются свидетельства о более разнообразных и изощренных проделках феномена, однако в ряде случаев описания ограничиваются указанием на какой-либо один способ досаждать людям, например камнебросанием. Это не исключает других проявлений, которые по тем или иным причинам просто не были упомянуты.

Двинемся дальше. В Италии один из священнослужителей, по совместительству исполнявший обязанности королевского врача, в 530 году стал жертвой «дьявольского наваждения»: в его собственном доме на него постоянно обрушивался град камней! Коллега по вере окропил дом несчастного святой водой, и камнепад исчез. Это первый дошедший до нас из глубины веков пример борьбы с полтергейстом, причем успешно закончившийся, что не всегда бывает.

Многие христианские святые сетовали, что им сильно досаждали дьяволы, бросая в них камнями или извлекая

звуки из стен их келий. Однообразные жалобы, стереотипность проявлений говорит о том, что святые отцы веками и тысячами годами сталкивались с одним и тем же явлением.

Примерно в 700 году шумные духи оккупировали дом английского миссионера Уиллиброрда (658—739) в городе Уаттенбах, Голландия. Неведомо как и кем прямо из рук выхватывалась пища, одежда, другие предметы и вещи. Все это швырялось в огонь, который необъяснимо вспыхивал то тут, то там. Однажды глава семейства с супругой, утомленные борьбой с такой напастью, уснули, не в силах противиться дремоте. Свое дитя они предусмотрительно уложили между собой. Но проснулись от истошного вопля ребенка, который был брошен в пламя неведомой силой. Его удалось выхватить прямо из огня. Никто из священников так и не смог побороть это зло. Пришлось вмешаться епископу. Он прежде всего рекомендовал вынести из дома все вещи: святой отец не исключал пожара. Он прислал освященную лично им воду, велел систематически окроплять ею вынесенную утварь и сам «нехороший» дом. Тем не менее самовозгорания продолжались, огонь почему-то вспыхивал там, где стояла супружеская кровать. Он столь усердно атаковал пустой дом, что в конце

концов жилище миссионера сгорело. На том же месте было выстроено другое, освящено святой водой, после чего прежние ужасы ушли в прошлое.

В 856—858 годах в немецком городе Кембдене, вблизи Бингена-на-Рейне, в одном из домов на его обитателей обрушился град камней, их беспокоили громкие стуки, раздавался оглушительный шум, возникали самовозгорания. Присутствующие слышали какой-то неземной, по их мнению, голос, обвинявший священника в интригах, а прихожан — в тайных злодеяниях. Все, что предпринималось для изгнания дьявола, который только и мог, как тогда думали, творить все эти безобразия, успеха не имело. Дом в конце концов сгорел в пламени пожара.

Имеется сообщение о некоем Рудольфе из Фульды, который еще в 858 году общался с шумным духом при помощи условных стуков, что люди не раз делали и впоследствии. Но этот случай — первый из зарегистрированных подобного рода.

Следующий случай происходит на 1135 год и произошел во Франции, в городке Ле-Манс, в доме городского старосты Николая, у которого квартировал епископ Гюго. Громкие стуки и ужасающий шум пугали не только обитателей дома, но и соседей. На

людей обрушивался камнепад. Из стен выламывались огромные камни, да с такой силой, что весь дом приходил в движение. Посуда и прочая кухонная утварь невидимо кем переставлялись с места на место. Сами собой зажигались свечи. Мясо, принесенное в дом, оказывалось посыпанным отрубями, золой или сажей. Когда жена старосты Амика приготовилась прясть, пряжу, к удивлению собравшихся, нашли намотанной вокруг лавки.

Приглашенный священник освятил дом и оградил всех крестом, после чего шумные духи сменили тактику. В течение двух ночей подряд слышался жалобный девичий голос, раздавались вздохи, казалось, идущие из самых глубин чьей-то несчастной души. Голос сообщил, что его обладательницу зовут Гранье. Вот ее первая адресованная главным образом старосте речь:

«Ах! Откуда я пришла! Из какой далекой страны, через какие бури, опасности, снежные сугробы! Какой холод и зной перенесла, прежде чем прибыть сюда! Теперь я не могу причинить всем вреда, но приготовьтесь встретить целый сонм злых духов, что уже явились сюда с тем, чтобы вредить всем. Отслужите за меня заупокойную литургию, а ты, любезная невестка, раздай ради меня одежду бедным».

По-видимому, несколько позже шумные духи оккупировали хижину святого Годрика (умер в 1170 году), поэта двенадцатого века. Его скромное жилище осыпалось градом камней, короб с хлебом раз за разом срывался с места, целясь в хозяина, сосуд с вином, приготовленным для мессы, опрокидывался над его головой. В конце концов поэт подвергся обстрелу всем тем, что было способно взлетать в его бедной хижине.

Очень странная вспышка полтергейста имела место в 1184 году в английском городе Пембруке. Она началась в доме некоего Стивена Вирьета и позднее продолжилась в жилище Уильяма Нота. В людей неведомо кто бросал комья грязи и всякие предметы. Было похоже, что все это делается главным образом с целью оскорбить и унижить, а не для того, чтобы нанести телесные повреждения. В доме Нота на белье и одежде хозяина и гостей возникали прорехи и дыры — к великому сожалению, противостоять этой разорительной напасти оказалось нельзя, ничто не помогало. А в доме Вирьета раздавался голос, и когда люди вступали с ним в перебранку, он при всех начинал разглагольствовать, кто чем занимался чуть ли не с рождения, хотя кое-кто из обсуждаемых меньше всего хотел, чтобы о некоторых об-

стоятельствах их жизни знали посторонние.

Примерно в 1190 году в английском городе Дегурте, графство Суффолк, в доме сэра Осборна долгое время обитал дух, говорящий голосом маленькой девочки. Она объявила, что ее зовут Малекин, и рассказала, что ее мать и брат превратили их дом в постоянный двор. Они постоянно ее бранили, а потому она покинула их и осмелилась общаться с людьми.

Когда обитатели дома впервые услышали неведомо откуда звучащий голос, то были крайне озадачены и напуганы, но со временем привыкли и стали разговаривать с ним, задавая самые разные вопросы. Дух делал и говорил такое, что вызывало всеобщее удивление. Он часто требовал еду и питье, которые, будучи поставлены в условленное место, бесследно исчезали. Иногда голос принародно разоблачал тайные деяния других людей.

Дух разговаривал по-английски, на местном диалекте, но иногда и по-латыни, обсуждая с духовником хозяина Священное писание. Его было можно услышать и осязать, но не увидеть. Лишь однажды девочка, прислуживающая за столом, увидела обладательницу голоса сзади себя — то был крошечный ребенок в белом одеянии.

Малекин от имени духа, как впоследствии Барабашка и

другие представители этого лукавого племени, постоянно вешала «лапшу» на уши доверчиво внимавшим ей людям. Она призналась, что родилась в «Ланагаме». Как-то, рассказывала Малекин, мать взяла ее с собой в поле — пришла пора убирать урожай — и оставила на время одну. И вот тут-то какая-то фея схватила ее и унесла. С тех пор она вот уже семь лет живет среди родичей своей похитительницы. Еще через семь лет возвратится к людям. На ней, как и на ее подругах по несчастью, надета шапка-невидимка...

Тронемся далее. Примерно в 1212 году во французском городе Эпинале, в доме одного из его жителей по имени Гюго, в течение полугода — от Рождества и до Иванова дня (24 июня) — обитал некий дух, отнюдь не скрывавший своего присутствия. Он отличался тем, что много и подолгу разговаривал, был на редкость услужливым и никогда никому не причинял вреда. Люди видели результаты его деятельности, но ни разу — его самого. Дух рассказал, что он родом из деревни Кликсентейн, что в семи лье (около 34 км. — И. В.) от Эпиналя.

Вот некоторые из его деяний. Однажды хозяин купил на обед рыбу. Разделявали ее обычно в саду. Из дома она исчезла, но вскоре ее нашли под деревьями аккуратно раз-

деланной. А как-то, когда слуга не успел, ввиду крайней занятости, оседлать для хозяина коня, его распоряжение выполнил дух. Когда Гюго вздумал пустить себе кровь, он попросил дочь приготовить повязку, но та замешкалась. Дух тут же разорвал на полосы новую рубашу хозяина для перевязи. Служанка развесила в саду белье для просушки. Когда оно высохло, дух аккуратно снял его, снес в дом и сложил так искусно, как это вряд ли смогла бы сделать самая искусная хозяйка. Как бы в благодарность за услужливость дух попросил Стефана, сына Гюго, пожертвовать от его имени один пфенниг в честь покровителя города. Стефан предложил духу старый провансальский, от которого тот отказался: ему требовался новый тулузский. Когда желание духа было исполнено, монета исчезла. Следующей ночью в церкви покровителя города Эпиналя слышали, будто из нее кто-то выходил. Не тот ли добрый и услужливый дух?

...17 декабря 1323 года в городке Алес, что милях в со- рока от Авиньона, перешел в мир иной купец Ги де Торно. Но, как оказалось, не окончательно: что-то продолжало привязывать какую-то часть его сущности к грешной земле. В доме, где он жил и умер, стал раздаваться голос покойного! Первыми его услышали

вдова и домочадцы усопшего, вскоре к ним присоединились сотни местных жителей. Слухи о необыкновенном явлении распространились по всей округе и достигли папы авиньонского Иоанна XXII¹. Тот распорядился выяснить, в чем дело, и создал специальную комиссию во главе с аббатом-бenedиктинцем Жаном Гоби.

25 декабря 1323 года, в праздник Рождества Христова, брат Жан и трое монахов-бenedиктинцев, сопровождаемые более чем сотней самых уважаемых горожан, явились в дом вдовы. Чтобы исключить обман, члены комиссии тщательно обыскали дом, вплоть до чердака, сад и даже все соседние строения. В уже проверенных местах оставили наблюдать достойных доверия людей, а из дома удалили всех его обитателей, за исключением вдовы. В двух особо подозрительных помещениях — на чердаке и над комнатой, где слышался голос, — также поставили наблюдателей. Затем председатель комиссии и три ее члена, прихватив с собой некую уважаемую пожилую особу, вошли в спальню вдовы. Закрыв двери, спросили хозяйку, вблизи какой из кроватей чаще всего раздается голос. Та

¹В те времена — времена великого раскола — папская власть разделилась на авиньонскую и римскую.

ответила, что возле той, в которой умер ее муж.

Члены комиссии сели на кровать покойного, вдова расположилась на своей — рядом с той самой пожилой особой, призванной следить за ней на случай каких-либо шалостей или трюков. Едва монахи прочли молитву, как им показалось, что нечто невидимое прошло перед ними. Оно приблизилось к кровати вдовы со звуком, похожим на шелест метлы. Вдова в ужасе вскрикнула: «Оно здесь!» Монахи были потрясены не менее, но брат Жан нашел в себе силы приказать жене купца задать духу вопрос, действительно ли он говорит от имени ее мужа. Тотчас же откуда-то из середины комнаты отозвался жалобный тоненький голосок: «Да, это я».

Брат Жан собрал все свое мужество и, осенив духа крестным знаменем, стал задавать ему вопросы. Дух нес в ответ обычную в таких случаях чушь, перемежая ее достоверными фактами: он был хорошим духом, но за грехи обречен на заточение в стенах собственного дома. Его самый тяжкий грех — прелюбодеяние. Однако силою молитв наказание с него может быть снято, для чего следует отслужить ровно сто месс. А чтобы председатель комиссии не сомневался в истинности сказанного, дух поставил всех в изве-

стность о том, о чем знал лишь один председатель: у того под рясой была спрятана дарохранительница — как оберег от дьявольского искушения, о чем брат Жан не сказал никому.

Как следует из других первоисточников, дух покойного купца все еще продолжал удивлять людей своим присутствием по крайней мере до 23 апреля 1324 года. Снарядил свою собственную комиссию и король, и она полностью подтвердила выводы, сделанные папской. Интересно, что дух отвечал на том же языке или диалекте, на котором задавались вопросы спрашивающими. Иногда он являлся в видимом образе, объясняя, что это его ангел-хранитель. Когда же спросили, как он обычно выглядит, ответил, что принимает образ голубя. Попросили доказать. «Охотно!» — ответил дух, и тут же вся комната была усеяна белыми перьями...

НЕВИДИМКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ НАШЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Автор позволил себе роскошь описать почти все случаи ранее середины второго тысячелетия — их известно не так много. Понятно, что в отношении более поздних вспышек подобный способ изложения неприемлем, да и вряд ли целесообразен. Поэтому я ог-

раничусь тем, что приведу лишь некоторые из наиболее типичных или выдающихся случаев, другие же вспышки опишу при изложении тех или иных особенностей феномена в последующих разделах книги.

Пожалуй, самый ранний из достаточно полно представленных случаев произошел в 1526 году во Франции. Он описан по свежим следам, что важно, очевидцем и непосредственным участником событий (к тому же образованным и просвещенным человеком, занимавшим немалый пост), священником короля Франциска I Адрианом Монталембером. В 1528 году в Париже была издана его книга «Удивительная история духа, появившегося недавно в женском монастыре святого Петра в Лионе». Вот что в ней говорится.

В том древнем монастыре до 1516 года порядка не было, и монахини, особенно молодые, жили кому как вздумается. Самым нескромным поведением отличалась одна из них, Алиса Телье, которая была довольно хороша собой. Она заведовала ризницей.

В 1516 году разгульной жизни монахинь пришел конец: в монастыре начались преобразования. Алиса, не в силах их вынести, похитила украшения из вверенной ей ризницы и ушла прочь, с тем чтобы и дальше предаваться

различным удовольствиям. Но обессиленное тайными пороками и грехами тело в конце концов перестало служить ей, и в 1524 году она скончалась в ужасных мучениях. Ее похоронили в какой-то деревушке без молитв и обрядов, как самое презренное существо. Вскоре о ней забыли. Но, как оказалось, не все.

В том же монастыре жила молодая монахиня Антуанетта Гролле, набожная и добродетельная. Ее отдали туда еще девочкой, и она успела застать Алису. Но когда Антуанетте исполнилось восемнадцать, с ней и вокруг нее стали происходить всякие странности.

В начале 1526 года ночью девушке показалось, что кто-то приподнял ее чепчик, осенил крестным знамением и поцеловал в губы. Она встала, огляделась, ничего не заметила и решила, что ей это только приснилось.

Однако несколько дней спустя вблизи нее стали раздаваться какие-то стуки. Они возникали у ее ног. Казалось, кто-то ударял концом палки прямо под полом или ступеньками лестницы, над которыми она проходила. Похоже, звуки исходили из самой глубины досок или даже откуда-то ниже. Они раздавались во время службы, при разговоре о Боге, будь то в церкви или в другом месте. Но слышались только в присутствии Антуа-

нетты, сопровождая ее день и ночь, где бы она ни была.

Слух об этих чудесах быстро разнесся по всему городу, к монастырю стекались толпы любопытных. Изумленные монахини заинтересовались у Антуанетты, что она обо всем этом думает. Девушка ответила, что, возможно, стуки как-то связаны с сестрой Алисой, поскольку та после кончины часто являлась ей в сновидениях. По-видимому, к этому времени монахини как-то научились общаться со стучащим духом.

Как только прозвучало имя сестры Алисы, спросили духа, кого он представляет. Тот ответил, что он и есть дух Алисы, дав тому явное доказательство — какое, не сказано. Тогда спросили, не желает ли дух, чтобы его земные останки были перезахоронены в монастыре. Последовал утвердительный ответ. Послали за останками. По мере того как повозка с ними подъезжала к монастырю, стуки вокруг Антуанетты усиливались, а когда скорбный груз приблизился к дверям церкви, дух пришел в исступление — громкость звуков стала почти непереносимой!

Епископ Лионский и Монталембер, духовник короля, приехали в монастырь 22 февраля, в пятницу, когда был день святого Петра, чье имя носил монастырь.

Когда все собрались, ввели Антуанетту, затем внесли гроб с останками сестры Алисы, и епископ начал действовать; при этом «все присутствующие, горя желанием услышать ответы духа, договорились соблюдать полную тишину. Никто не издавал ни звука, взгляды всех с напряженным вниманием устремились на Антуанетту». Заранее заготовленные вопросы задавал епископ, записывая, что отвечал дух. Вот содержание этой высокоученой беседы:

«Скажи мне, действительно ли ты душа давно умершей сестры Алисы?

— Да.

— Твоему ли телу принадлежат принесенные сюда останки?

— Да.

— Расставшись с телом, сразу ли ты стала следовать за Антуанеттой?

— Да.

— Не сопровождает ли тебя какой-нибудь ангел?

— Да.

— Это ангел-хранитель?

— Да.

— Как его имя?

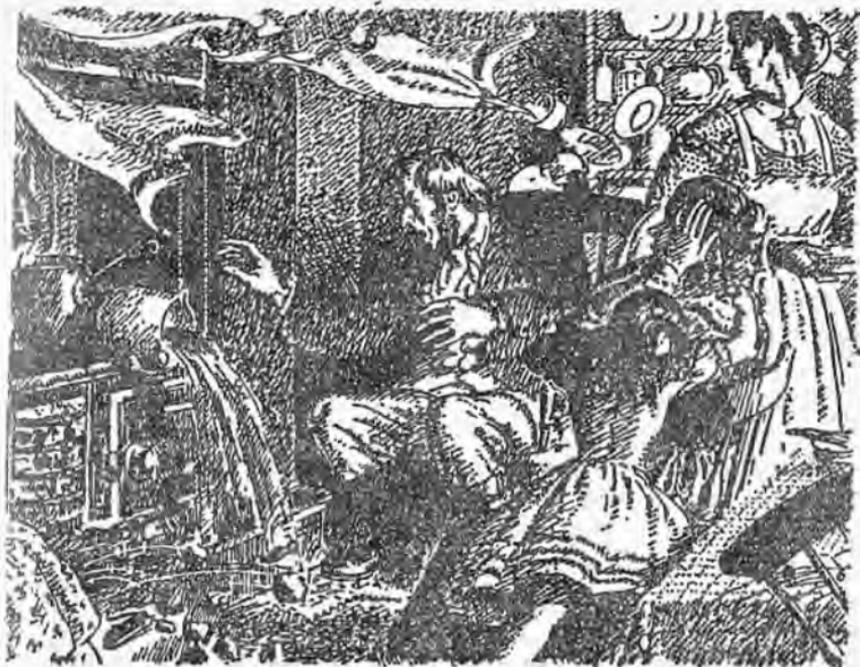
Нет ответа.

— Не расстался ли он с тобой после того, как ты умерла?

— Нет.

— Не покидал ли он тебя иногда?

— Нет.

*Полтергейст «наводит порядок» на кухне.
Старинный рисунок.*

— Укрепляет ли и утешает ли тебя твой ангел в твоих скорбях и печалях?

— Да.

— Видишь ли ты других ангелов?

— Да.

— Нет ли с тобой злого ангела?

Нет ответа.

— Видишь ли ты дьявола?

— Да.

— Существует ли чистилище, в котором обитают осужденные на то Божьим правосудием души?

— Да.

— Встречались ли тебе в чистилище души тех, кого ты знала при жизни?

— Да.

— Есть ли на этом свете горе и печали, сравнимые с муками чистилища?

Нет ответа.

— Давался ли тебе отдых в Великую пятницу, в память страстей Господних?

— Да.

— Имела ли ты отдых в Пасху, в память светлого Воскресения?

— Да.

— А в Троицын день?

— Да.

— Знаешь ли ты, когда освободишься от своих мук?

— Нет.

— Можешь ли ты освободиться через посты?

- Да.
- А через молитвы?
- Да.
- Через подаяния?
- Да.
- Через паломничество?
- Да.

— Имеет ли папа силу освободить тебя своей папской властью?

— Да».

Окончив расследование, епископ обратился к духу Алисы с такими словами: «Сестра моя! Это почтенное и благочестивое общество собралось с тем, чтобы молить Создателя — да положит он конец твоим скорбям и страданиям, да благоугодно будет ему принять тебя в сонм блаженных ангелов и святых в раю». Когда он произносил эти слова, раздавались очень громкие стуки. Затем епископ проеил каждую из монахинь простить несчастную и сам отпустил ей тяжкие грехи, после чего все разошлись с миром.

Монталембер, продолжая следить за развитием событий, время от времени бывал в монастыре. Он еще не раз слышал стуки: «Они раздавались и по моему требованию — столько раз, сколько я заказывал». Дух сестры Алисы всегда знал, когда он придет, и оповещал об этом неистовыми стуками. Правда, теперь уже они раздавались в воздухе. Однажды от радости дух даже поднял Антуанетту! Монталем-

бер попросил сестру Алису простучать девять раз, если она, будучи в чистилище, не испытывает страданий. В подтверждение раздалось ровно девять стуков.

Последний акт этой давней драмы состоялся 21 марта. Все монахи собрались за столом и едва принялись за чтение молитв, как раздалось тридцать три мощных удара. Это означало, рассудили слышавшие, что тридцатитрехлетний срок был сокращен до тридцати трех дней. Как бы то ни было, но с тех пор дух перестал преследовать сестру Антуанетту и удивлять окружающих.

Однако шумные духи отнюдь не успокоились. Они все продолжали изумлять человечество и самых выдающихся его представителей. Ими заинтересовался и знаменитый английский физик и химик Роберт Бойль, один из основателей и самых почетных членов Королевского общества Великобритании. В 1642–1644 годах Бойль работал в Женеве, где познакомился со священником-кальвинистом Франциском Перро, который поведал о необычных событиях, случившихся в его доме в 1612 году, и ознакомил ученого с дневниковыми записями, сделанными в то время. Бойль был настолько поражен рассказом старого священника, что посчитал необходимым опубликовать дневник.

Итак, те давние события разворачивались во французском городе Масконе, Бургундия, в доме приходского священника Франциска Перро, убежденного кальвиниста; его дедушка стал кальвинистом под влиянием самого Кальвина.

14 сентября 1612 года Перро покинул дом, уехав по делам. Когда вернулся через пять дней, нашел жену и служанку в состоянии, близком к ужасу. Супруга священника рассказала, что в ночь на 15 сентября она внезапно проснулась от того, что занавеска ее кровати вдруг с громким шумом бешено отдернулась. Служанка, спавшая в той же комнате, тоже проснулась и встала посмотреть, что случилось, но ничего не обнаружила: дверь и все окна закрыты на засовы.

Следующей ночью, едва они легли спать, как почувствовали, что с них стаскиваются одеяла. Служанка встала, хотела выйти из комнаты, отодвинула засов, но дверь не открывалась: казалось, кто-то давит на нее снаружи. Пришлось громко позвать на помощь другого слугу, который легко открыл дверь. Девушка зажгла свечу, прошла на кухню, где, к ее удивлению, оказались разбросаны кастрюли и чайники.

Выслушав рассказ жены, священник задумался. А вдруг все это проделки каких-то злых

шутников? Он тщательно осмотрел каждый угол дома, запер на засовы все окна и двери и, утомленный дорогой, лег спать раньше обычного. Но уснуть ему так и не удалось. Едва он очутился в постели, как на кухне послышался страшный шум, будто кто-то с силой швырял дрова, а также громкие удары в стены. Во все стороны разбрасывалась посуда. Перро встал, еще раз лично обследовал все закоулки дома, но вновь не нашел ничего подозрительного. «Тогда, — пишет Перро, — я понял, что это мог вытворять только домашний дух, и остаток ночи провел в таком удивлении, какое человек едва ли может себе вообразить».

На следующий день, ранним утром, священник поставил в известность о происшедшем епископа, а также королевского нотариуса и прокуратора города Маскона Франсуа Торню. Вечером того же дня все они прибыли в «нехороший» дом, чтобы лично засвидетельствовать странности, но... ничего не произошло. Пришли повторно, и в присутствии самого прокуратора около девяти часов вечера 20 сентября дух открыто заявил о себе громким и пронзительным свистом, повторенным несколько раз. Затем зазвучал голос, который раздавался в трех-четыре шагах от слушателей. Послышались первые

слова псалма, короткая мелодия из пяти нот, которую вывистывают птицы, когда их учат петь. После этого голос произнес слова «священник, священник» и повторил их много раз.

Далее, сообщает Перро, дух выразил готовность обратиться в ангела света и стал очень громко читать разные молитвы, но почему-то ни одну не довел до конца. Затем он рассказал уйму всяких историй, которые, скорее всего, были правдивыми. Священник пришел к этой мысли потому, что все сообщенное духом прилюдно о его семье соответствовало действительности. Невидимка рассказал, что отец Перро был отравлен, назвал имя того, кто это сделал и почему, место и способ отравления. Еще он поведал о женах, которые убили своих мужей, о соседях, от коих следует держаться подальше, и о многом другом, что выглядело весьма правдоподобно.

Перро очень живо описывает последний визит королевского нотариуса в свой дом в те дни: «Господин Торню пришел ко мне домой около полудня, справился, все ли еще дьявол у меня, и начал подавать свистки разной тональности, а дьявол каждый раз отвечал свистом той же тональности. Затем дьявол бросил в него камень, который упал у его ног, не причинив никакого

вреда. Торню поднял камень и, пометив его углем, бросил за дом, в глубину заднего двора, прилегающего к городской стене с одной стороны и к реке Саон с другой, но дьявол швырнул ему камень обратно, причем это был все тот же камень, о чем свидетельствовала отметка углем. Подняв камень, Торню почувствовал, что он очень горячий, и сказал, что, по его мнению, камень успел побывать в аду, поскольку, когда он держал его в руках первый раз, камень был холодным».

Свыше трехсот лет спустя, в 1928 году, известный американский исследователь неведомого Айвен Сандерсон повторил эксперимент господина Торню. Это было на Суматре, пишет Сандерсон в недавно изданной на русском языке книге «Твари». Он находился в гостях, все сидели на веранде: «Вдруг из темноты перед нами появился небольшой блестящий камешек, который словно парил в воздухе. Он долетел до стены, перевернулся и мягко упал на пол. Потом прилетел другой камень, за ним еще и еще. Хозяин предложил нам взять несколько камней и пометить их мелом, губной помадой, краской — чем угодно — и забросить подальше в сад. Мы аккуратно пометили камни и закинули их в эти непроходимые заросли. Должно быть, мы выбросили камней

десять — двенадцать. Через минуту все они были на веранде! Никто за столь короткое время, будь у него даже мощный фонарь и исключительное зрение, не смог бы разыскать в густых зарослях маленькие камешки и забросить их один за одним точно на веранду. И тем не менее все они вернулись, и на каждом была наша метка!»

Но возвратимся в семнадцатое столетие, когда в июле 1666 года в доме приходского священника Андреаса Гюнтера, поселившегося в городе Кабсдорфе, завелся дьявол. Не прошло и полугода жизни на новом месте, как начались пугающие странности.

В ночь на четверг обозначились первые признаки свалившегося на дом несчастья. Жнецы и работники спали на чердаке, когда в них стали лететь камни, известка, земля и глина. Потом то одного, то другого кто-то стал дергать за волосы. Тогда они вскочили, зажгли свечу, позвали на помощь соседей, думая, что забрались воры. Обыскали со свечой все углы, но ничего не нашли. Забрасывание же их камнями и прочим все продолжалось. Жнецы и работники сообразили, что дело нечисто, бежали из дома и стали дожидаться утра на улице, так как злой дух не давал им покоя в доме и гонял из комнаты в комнату. Утром встревожен-

ные работники послали гонца за отсутствовавшим хозяином.

В пятницу и субботу дьявол все продолжал куролесить, уже на глазах священника, в том числе и в его комнате. Первое время он бедокурил лишь с вечера до полуночи, но вскоре принялся пакостить и днем: «Раздавались страшные стуки и удары, — пишет Гюнтер, — слышался ужасный шум. После вечерней молитвы стуки, шум и бросание камней начались с такой силой, что сбежались несколько сот человек. Они видели и слышали все, что происходило как в доме, так и снаружи. Все были в страхе. Те, кто хотел бы пробраться в дом, не смели или не могли войти из-за бросаемых неведомо как камней. Я собрался с духом, вышел из дома и, взяв за руки нескольких христиан-свидетелей, ввел их в дом. Они просили меня удалить из него детей, чтобы не было беды, я же ответил: «Нет, дети должны помогать мне молиться — они как бы мои ангелы». Едва успел я произнести эти слова, как большой камень с такой силой ударил в наружную дверь, что она распахнулась. Я вышел во двор и приказал дьяволу именем Иисуса Христа не беспокоить меня. Тогда другой камень ударил в дверь одной из комнат так, что она тоже распахнулась. После этого ужасы стали еще сильнее. Дьявол вырывал камни из мостовой и

бросался ими. Куры, утки, гуси с криками металась по всему двору, нигде не находя покоя. Было брошено так много яиц, что стены казались выкрашенными. Разбрасывалось все, что лежало в комнатах и кладовых, — разные домашние вещи и одежда. Были сильно повреждены окна, двери, кухонная печь, посуда и многое другое. Но самым невыносимым был постоянный страх».

Мужественный священник подробно описывает и много других странных и жутких событий: «Если бы я стал рассказывать все, что было, мне пришлось бы написать большую книгу». Жаль, что ему не встретился человек, подобный Роберту Бойлю, который бы убедил его сделать это. Но все же кое-какие события Гюнтер отразил в автобиографии.

Однажды к нему приехал старший брат, привезя с собой человека, занимавшегося заклинаниями. Он открыл крышку погреба, откуда с особой силой вылетали камни, и стал заклинать дьявола, но тут же получил сильный удар камнем: «В гневе схватил он камень, сунул в котомку и со страшными угрозами удалился. Когда дошел до своего дома, вместо камня нашел в сумке куриный помет».

«Все это можно бы перенести, — продолжает священник, — все это были еще пустяки. Но я хочу рассказать еще о

нескольких событиях, которые повергли меня в смертельный ужас. Раз, в ночь на воскресенье, утомленный длинной проповедью и бессонными ночами, я прилег отдохнуть, приказав другим усердно молиться и петь псалмы. Когда они на время прервали молитву и стали говорить о чем-то другом, рядом со столом с грохотом упал лемех от плуга. На стол же, на котором лежали Евангелие, молитвенники и книги церковных песнопений, упал большой камень и тут же, со страшным треском разбив окно, вылетел во двор. От ужаса все задрожали».

Священник вновь призвал всех молиться, но дьявол все бросал и бросал на пол свечу, так что она гасла. В конце концов ее удалось зажечь, несмотря на то, что на нее «дул сильный ветер». Однако броски и стуки не прекращались: «Некоторые из моих слушателей в великом страхе спрятались за печкой, но там их забросало яйцами. Опять я набрался смелости и именем Господа спросил дьявола, что ему надо и почему он причиняет нам столько бед. Затем приказал ему удалиться, вскочил с пола, широко открыл окна и двери, вышел вместе со всеми во двор, неся в руках зажженные свечи и громко распевая «Наша твердыня Господь». Тогда был брошен мне под ноги изразец от печи, не

причинив, однако, вреда. Я поднял его и вдребезги разбил о землю. После того наступила тишина и начало брезжить утро».

В заключение священник приводит следующее донельзя удивившее его наблюдение: «Но самым странным было то, что ни мне, ни жене, ни детям, ни другим верующим христианам не было причинено особого вреда, хотя часто мы испытывали боль, даже несколько капель крови иногда падало из пораженного места. В нас летели большие камни и другие опасные предметы, но удар их производил впечатление прикосновения губки. Дурные же люди переносили его весьма чувствительно».

В семнадцатом веке прорделки шумных духов были не менее разнообразны. Злокозненный феномен продолжал терзать представителей всех сословий и профессий — судей, священников, торговцев и даже почтенных профессоров. Последнее наблюдалось в 1721 году в доме почтенного немецкого востоковеда, профессора Шупарта, в Гробене, Германия. В домочадцев профессора, не исключая и его самого, постоянно швырялись камни и прочие предметы. Некоторые из булыжников весили свыше четырех килограммов и так досаждали бедному ученому, что тот свыше месяца не раздевался и не спал в кровати.

Его жену что-то постоянно било, щупало, щипало и сбивало с ног. Профессор приглашал свидетелей удостовериться в происходящем. И однажды около дюжины людей стали свидетелями яростной атаки на самого профессора: какие-то невидимые руки вдруг принялись причинять ему невыносимую боль!

Во Франции, в одном из местечек, в доме и магазине, которыми владел один и тот же хозяин, в 1734 году началось необъяснимое камнебросание. Специально назначенная комиссия зафиксировала бросаемые неведомо кем внутри и вне дома камни, но не обнаружила причин странного феномена.

В Амьене в 1746 году вспыхнул полтергейст, длившийся с перерывами целых 14 лет! Очень многие, в том числе и видные сановники, слышали непонятные шумы, видели бросаемые камни. Эта вспышка — одна из самых продолжительных в истории явления.

Иногда шумные духи сосредоточиваются на чем-либо одном. Так, в тридцатых годах прошлого века в Англии началась прямо-таки эпидемия самопроизвольного «срабатывания» механических звонков и сигнальных колокольчиков. Они звонили, к недоумению хозяев, сами собой. Искали шутников, злоумышленников, но щет-

но. Бывало, колокольчики бились столь неистово, что ни в каком из «следственных экспериментов» это не удавалось воспроизвести!

Самый первый случай имел место в доме, принадлежащем некоему Д. Эмуэлю. Там в 1830—1831 годах в течение восемнадцати месяцев «часто и подолгу» самопроизвольно звонили механические сигнальные колокольчики. Длительные и настойчивые поиски естественных объяснений остались безуспешными. Было замечено только, что события по времени совпадали с пребыванием в доме одной молодой особы. Очевидцы и их окружение испытывали ужас, испуг, сильное возбуждение. Детям объявили, что «колокольчики больны». Взрослые искали более правдоподобных объяснений. Хозяин дома, «человек очень образованный, основательно мыслящий и неутомимый в анализе, пробовал разные опыты с электрометром и другими проверочными средствами и советовался по этому предмету со многими учеными людьми, но все это не привело ни к чему». С отъездом молодой особы звон прекратился.

Один из наиболее знаменитых и выразительных полтергейстов прошлого века разразился в семье американского священника Элиакима Фелпса из небольшого городка

Стратфорд, штат Коннектикут. Вспышка началась в воскресенье, 10 марта 1850 года и закончилась 1 октября 1851-го. Фелпс, которому тогда было уже около шестидесяти, женился на вдове с четырьмя детьми: девочками шестнадцати и шести лет и мальчиками одиннадцати и трех лет. Он интересовался спиритизмом, ясновидением и даже практиковал «месмерическое» лечение, то есть выступал в качестве экстрасенса. Вскоре после первого проведенного в доме спиритического сеанса с участием домашних начались несусветные странности. Это был один из первых случаев, когда сеанс, как не раз бывало впоследствии, спровоцировал полтергейст.

10 марта Фелпсы, в полном составе возвратившись с воскресного богослужения, обнаружили в доме страшный беспорядок: в комнатах разбросаны вещи, опрокинута или передвинута мебель. Стали выяснять причины, обыскивать и обследовать все закоулки дома. Вот свидетельство современника тех далеких событий:

«Пока дом Фелпса подвергался тщательному осмотру от погреба и до чердака, в одной из комнат таинственным образом появилось одиннадцать сделанных из одежды чуел ангельской красоты. Они были так грациозно расположены, что казались живыми. Кроме

одной, все фигуры были женскими, большинство — в молитвенной позе, с Библией в руках, указывая на различные тексты с очевидным намерением подвести под Священное писание наблюдаемые странности. Некоторые из фигур стояли на коленях около кроватей, другие — со склоненными головами, в позах, преисполненных самого глубокого смирения. В центре группы располагался карлик, одетый весьма причудливым образом, а сверху висела фигура, которая, казалось, летала по воздуху».

Однако чучелами, изящными и столь живописными, дело не ограничилось. Со временем оно приняло совсем дурной оборот: по дому невидимо разбрасывались всякие предметы и вещи, бились вдребезги оконные стекла — число разбитых превышало семьдесят, много вещей было попорчено, появлялись таинственные надписи и записки, слышались стуки. Это и многое другое повторялось очень часто и с необычайной силой несколько дней подряд, а после краткого затишья возобновлялось вновь в продолжение почти восемнадцати месяцев.

Иногда люди видели, как стул сам собой отрывался от пола и тут же ударялся о него с такой силой, что сотрясался весь дом. Большой металлический подсвечник был невидимо

снят с каминя и поставлен на пол, где стал биться о него с такой яростью, что сломался. Щетка, лежавшая на камине, полетела в окно и разбила стекло, то же сделал стоявший на полке стакан. От большого зеркала отделился обломок кирпича и с силой упал на пол. Откуда-то с потолка падали записки. Прямо на глазах изумленного семейства из узоров ковра «вырастала» репа с покрытыми какими-то иероглифами листьями, другая репа падала с потолка. Каминная лопата и щипцы, вместе с железной подставкой для них, выползли на середину комнаты и пустились в пляс. Большой обеденный стол поднялся в воздух на полметра. Горевшая на камине лампа спустилась на пол, пересекла комнату и подожгла лежавшие на кровати бумаги. За обедом ложки и вилки вылетали из тарелок, а однажды несколько ложек были согнуты пополам. Все это лишь незначительная часть того, чему оказались свидетелями семейство Фелпсов и те, кто навещал их.

Поскольку жизнь в доме стала невыносимой, Фелпс прислушался к совету установить связь с шумным духом при помощи закодированных стуков. Таким образом он узнал, чего же от него добивались. Требование было исполнено, и 1 октября 1851 года шумные духи навсегда покину-

ли чем-то приглянувшийся им дом Фелпсов.

Невидимки продолжали и продолжают досаждают землянам и в текущем столетии. Их выходки не стали менее разнообразными, но люди успели распознать некоторые особенности поведения феномена. Однако от этого жертвам полтергейста легче не стало — явление редкое, и с ним встречаются не каждый день. Вот что произошло в одной немецкой семье вскоре после второй мировой войны.

В 1945 году бездетные супруги Шрей удочерили двух девочек, чьи родители погибли при бомбежке в конце войны. В июле 1946 года беженцы поселились в баварской деревне Лаутер. Первое время все было хорошо, но потом со старшей из приемных дочерей, Эдит, произошло неладное: она вдруг стала злобной, неуправляемой, раздражительной. К осени она начала впадать в какое-то полубессознательное состояние. В то же время в самых разных и неподходящих для испражнений частях дома стали появляться невероятно большие кучи кала и огромные лужи мочи. Они возникали вроде бы из ничего. Правда, вначале родители думали, что это проделки дочерей, но кучи и лужи продолжали множиться, становясь с каждым разом все

больше и больше, что превышало все мыслимые возможности человека.

Вскоре и младшая, Ирма, стала впадать в такое же состояние, а в доме началась чужая и вовсе несусветная: помидоры и овощи вылетали из закрытых кладовок, письменные принадлежности, бритвенные лезвия и даже тяжелые металлические ящики обнаруживались разбитыми на мелкие кусочки. Затем невидимки принялись за девочек. У них чем-то типа тупых ножниц были отрезаны длинные косы, на головах стали появляться раны. Однажды они оказались столь серьезны, что Ирму пришлось госпитализировать. Лечащие врачи, выслушав родителей, сообразили, что это, видимо, полтергейст, и связались с немецким парапсихологом Гансом Бендером. Тот посетил «нехороший» дом и убедился, что семья стала жертвой феномена. Но помочь ничем не смог, однако успокоил: все само собой пройдет, как только девочки достигнут возраста половой зрелости. Так оно и случилось. Чего только не испытали родители, пока все не кончилось!

Пожалуй, на этом обзор зарубежных полтергейстов можно закончить. Во второй части этой главы мы познакомимся с отечественными шумными духами.

Продолжение следует

ИЩУ ДРУГА

Этот выпуск мы начнем с письма 14-летней Ани, которая, будучи девушкой сообразительной, проявила инициативу: вместе со своей подругой они в складчину выписали несколько изданий для подростков, в том числе и «Мы», и теперь, хотя и имеют каждый журнал, как говорится, «один на двоих», могут прочитать много интересных материалов, подготовленных для них редакторами. Мы всячески одобряем такую сообразительность и хотим напомнить нашим читателям, что подписаться на «Мы» можно с любого месяца, а в конце года — на весь следующий год, да еще и по льготной цене. Не упустите свою выгоду!

Аня увлекается туризмом, любит природу, собирает гербарий, обожает читать детективы и романы про любовь, а также, конечно, слушать музыку — начиная с «Иванушек» через «Ase of Base» и «Yaki Da» вплоть до «Skorptions». «В людях я люблю верность и честность и поэтому не люблю лгунов. Считаю, что внешний облик человека не так важен, главное — его внутренний мир, его душа. Я симпатичная и несколько не комплекую из-за своей внешности, но знаю много людей, страдающих из-за того, что они чем-то непохожи на других. Я бы хотела им помочь!» Ане можно написать по адресу: ул. 40 лет Октября, д. 48, кв. 14, г. Канск Красноярского края, 663604.

18-летняя Жанна, если судить по ее имени, должна бы быть поклонницей Владимира Преснякова, обессмертившего в своем незабвенном хите некую стюардессу, — но не тут-то было! Она вовсе поклонница Наташи Королевой. Любит песни под гитару, собирает анекдоты и то, что она красиво обозвала «разными приколами». Жанна обещает, что тот, кто ей напишет, об этом не пожалеет.

Тлегенова Жанна, п. Кирово, АО «Магнитное», Агаповский р-н Челябинской обл., 157431.

Подумать только — опять Жанна и опять не поклонница Преснякова, а очаровательных «нанашек» (впрочем, она еще и депешистка). Ждет писем от юношей в возрасте до 17 лет (самой ей 14), но будет рада и письмам от девушек. «Я обладательница зеленых глаз, светлых волос, высокого роста, люблю спорт, боевики и ужастики».

Гущина Жанна, ул. Набережная, 8-1, д. Шадрино Городецкого р-на Нижегородской обл., 606444.

Юноши не старше 17 лет, которым нравится группа «Петлюра», могут написать 16-летней Лене.

Лена, ул. Блюхера, д. 15/3, кв. 1, г. Уфа, Башкортостан, 450075.

А из следующего конверта выпала фотография симпатичного молодого человека 16 лет (напечатать не можем — маленькая и с «уголком»), который сообщил о себе, что по гороскопу он Телец и желает переписываться с девушками, которые родились в мае или январе, которым сравнялось 16 лет и которые в этом цветущем возрасте не обзавелись вредными привычками.

Шешуков Федор, ул. Южная, д. 15, п. Тугулым Свердловской обл., 623650.

17-летняя Таня прислала нам, как она выразилась, «краткое описание своей биографии», к которой она отнесла натуральный блондинистый цвет волос, серые глаза и любовь к романам ужасов. Жаль только, что Таня не читает толковых словарей — очень ей советуем туда заглянуть и узнать, что означает слово «биография», а то вот так где-нибудь захочешь сказать красиво, а получится смешно. А так она девушка ничего — верит в большую дружбу и светлую любовь, которую хочет найти с помощью нашего журнала, так

как писем ждет только от представителей мужской части населения. «Я не пью, не курю, не балуюсь наркотиками, считаю, что это самое плохое, что можно взять от жизни. А от жизни надо брать только самое хорошее!» Нам кажется — вполне разумная мысль.

Татьяна, ул. Алексеева, д. 23, п. Колубакино Рузского р-на Московской обл., 143134.

На напечатанном здесь фото изображена 18-летняя Анастасия, у которой мечта — найти своего двойника. Ну что ж — мечта как мечта...

Анастасия, ул. Советская, д. 27, кв. 29, г. Камышлов Свердловской обл., 623530.

Еще одна Анастасия написала нам о том, что мечтает познакомиться с хорошим парнем, а то ей в жизни попадаются только всякие подонки.

Ей 16 лет, она сочиняет стихи, о себе написала — «я умна и легкомысленна, люблю приключения».

Анастасия, ул. Летчика Бабушкина, д. 29, корп. 4, кв. 61; Москва, 129281.

20-летний Борис принял важное для себя решение: девушку искать себе он не будет, а будет ждать, пока девушка найдет его. А что? Так тоже можно. Боря увлекается автотехникой, играет на гитаре, относит себя к не вымершему пока племени романтиков, черноволосый и сероглазый, знак Зодиака — Телец. Пишите ему, девушки 17–21 года.

Яковлев Борис, д. Сургуты Северного р-на Новосибирской обл., 632393.

«Меня зовут Дима, мне 17 лет, хотел бы переписываться с девчонками 15–18 лет. Люблю приколы, веселую музыку, спорт, увлекаюсь тяжелой атлетикой, учусь играть на гитаре».

Дима, Красный пер., д. 11, кв. 71, г. Александров Владимирской обл., 601600.

Две подруги Таня и Маша написали нам слезное письмо, поведав о том, что их увлечение — разводить дома лягушек и ужей и что это их хобби мало кто понимает и одобряет. Поэтому они ищут

тех, кто может понять это их любимое занятие и дать какую-нибудь полезную информацию о том, как разводить дома такого рода животных.

Таня, 1-й микрорайон, д. 40, кв. 87, г. Кедровый Томской обл., 636615.

15-летняя Люда, которая утверждает, что она «немного со странностями, потому что по знаку Зодиака Водолей», хотела бы переписываться с парнями, которые учатся в военных училищах, Водолеями и Стрельцами, а также с теми ребятами, которые пишут стихи.

Люда, ул. Трусовых, 16/2, с. Вознесенка Жуванского р-на, Башкортостан, 452541.

Прятели из города Озерска обратились к нам со следующими строками: «Неразлучным друзьям Макс и Илье не везет с девушками. Хотим переписываться с прекрасной половиной человечества. Макс 14 лет, занимается баскетболом и вообще классный парень! Илье тоже 14 лет, увлекается астрономией и компьютерами. Если хотите узнать побольше — обязательно напишите!»

Макс и Илья, б-р Гайдара, 26–41, г. Озерск Челябинской обл., 456785 (на конвертах ребята просили писать или «в руки Макс», или, соответственно,

«в руки Илье» — видно, боятся подражаться из-за писем).

«Я девочка, любящая рассуждать на любые темы, особенно о любви. Люблю философствовать, люблю учить подруг жизни, открывать им глаза на многие вещи. Хочу найти подруг и друзей, близких мне по духу. Обожаю группу «Иванушки», хотя понимаю, что это временное чувство. Я веселая, общительная, рассудительная, пишу статьи в газету». Учительнице жизни, кстати, 16 лет.

Сайфуллина Гульназ, ул. 70 лет Октября, 22—54, г. Муравленко Ямало-Ненецкого АО, 626681.

Кате 15 лет. Первое, о чем она попросила своих будущих корреспондентов, — это называть ее Рина (от имени Екатерина). Живет она в городе Тюмени, которым не очень довольна, интересуется психологией, литературой и анекдотами. «У меня сейчас не лучший период в жизни, и мне очень хотелось бы опереться на чье-нибудь плечо...»

Катя (Рина), ул. Мельникайте, д. 95А, кв. 63, г. Тюмень, 625026.

Знаете, ребята, что мы заметили, читая нашу почту за последние несколько месяцев? Что меньше стало сдвинутых фанатов, которые пишут только о своей безумной любви к тому или иному музыканту. Музыка, конечно, любят все, и при-

чем самую разную, но вот такого потока писем, как мы получали раньше от неумеренно-агрессивных цоemanов или ласковых шатуновообожателей, теперь уже нет. И слава Богу: в жизни есть еще много всего интересного, кроме как балдеть под записи своего кумира и как к иконе прикладываться к его фоткам. Лучше всего сочетать приятное с полезным. Но вот общения на тему любимого певца или группы кое-кто хочет. Вот их адреса. Пишите по ним те, чей кумир...

...Влад Сташевский:

Ярочкина Татьяна (16 лет), ул. Калинина, с. Чулым Здвинского р-на Новосибирской обл., 632344.

...группа «Восток»:

Фан-клуб группы «Восток», а/я 696, Москва, 121351.

...Майкл Джексон:

Ирина (15 лет), б-р Л. Новоселовой, д. 12, кв. 141, г. Одинцово Московской обл., 143000.

Фан-клуб Майкла Джексона, а/я 7, г. Красный Луч Луганской обл., Украина, 349300.

...группа «Иванушки International»:

Ярош Оксана (16 лет), ул. Чехова, д. 48, кв. 2, г. Ялуторовск Тюменской обл., 627030 (сюда также могут написать поклонники группы «Петлюра»).

Озерова Юлия (представляет фан-клуб группы «Иванушки»), ул. Ткацкая, д. 48, кв. 37, Москва, 105058.

...группа «На-На»:

Селезнева Люба (14 лет), ул. Энергетиков, д. 12, кв. 93, г. Курчатов Курской обл., 307380; в этом же городе проживает Любина подружка Лена (тоже 14 лет), ул. Набережная, д. 7, кв. 110.

Максимова Оля (14 лет), Парковый пр., д. 1, кв. 125, г. Пермь-97, 614097.

Ильина Марина (17 лет), ул. Центральная, д. 10, кв. 288, г. Саратов, 410044.

...Татьяна Буланова:

Смирнова Лена (16 лет), ул. Южная, д. 6, кв. 1, п. Судиславль Костромской обл., 157860.

...группа «Pet Shop Boys»:

Татьяна (17 лет), ул. Толстого, 26/1, с. Щербакты Павлодарской обл., Казахстан, 638010.

...группа «Metallica»:

Юля (14 лет), ул. Циолковского, д. 15, кв. 109, г. Тюмень, 625002 (ей могут написать юноши-поклонники и других металлических и панк-групп).

15-летний Миша ждет писем от девушек. Про себя сообщил только, что увлекается спортом и любит животных.

Миша, ул. Комсомольская, д. 55, с. Телемба Еравненского р-на, Бурятия, 671444.

Ирина живет в очень красивом месте, где есть вроде бы все — и речка, и холмы, и тайга, но вот незадача: в этой деревне много девчат и мало парней. А ей хотелось бы расширить

свое знакомство с этим загадочным мужским полом. Наверное, найдутся ребята, которые захотят написать голубоглазой блондинке 17 лет.

Гынгазова Ирина, ул. Науки, д. 7, кв. 2, г. Колташево, НГСС, Томская обл., 636420.

Две девушки решили организовать фан-клуб молодого киноактера Ди Каприо и надеются, что найдут единомышленников среди читателей нашего журнала.

Фан-клуб Л. Ди Каприо, а/я 1840, г. Ижевск, Удмуртия, 426000.

«Для любимого дружка — и сережку из ушка», гласит поговорка. А вот в этом случае ничего из ушка доставать не надо — вот они, Сережки, да еще парочка! Двое друзей-тезок, Сережек 17 лет, хотели бы переписываться с девушками. Про внешность написали — «не обижены», увлекаются музыкой, танцами, астрологией и магией.

Чечеткин Сергей, п. Формальный, Бобровский с/с Кинельского р-на Самарской обл., 446404.

Девушка Алена сообщила нам, что в будущем собирается пойти учиться в военную академию — наверное, генералом будет. Так что, ребята, не упустите выгодную партию. Раньше как про большую удачу говорили — «женился на гене-

ральской дочери», а тут-то представляете какие перспективы?! Девушка, правда, написала, что предпочитает хорошее общество. Дерзайте, ребята-хорошисты.

Бережная Алена (15 лет), ул. Шевченко, д. 3, с. Красногригорьевка Никопольского р-на Днепропетровской обл., Украина, 322938.

«Мне 19 лет. Появилась потребность найти друга по увлечению. Я фанат рэйва, техно, хардкора, неплохо танцую брэйк, бэп. Хотелось бы, конечно, познакомиться с девчонкой, которая может делать брэйк, но мне такие пока не попадались. Сейчас я прохожу службу на Дальнем Востоке».

Виталий П., в/ч 73960, г. Ванино Хабаровского края. 682860.

«С помощью «Мы» хотела бы найти друзей по переписке. Зовут меня Лена. Иногда бывает так, что вокруг много знакомых тебе людей – а настоящих друзей нет. А как хочется найти таких! Сама я готова стать верным другом любому, кому одиноко или просто не с кем поговорить. Мне 17 лет, круг увлечений достаточно велик, преклоняюсь перед любого рода искусством...»

Елена Б., ул. 1905 года, д. 3, г. Воткинск, Удмуртия, 427410.

ВАШИХ ПИСЕМ ЖДУТ:

Люда М. (16 лет), ул. Долиновская, д. 55Б, ст. Старовеличковская Калининского р-на Краснодарского края, 353793. Ждет писем от юношей по имени Сергей.

Коровина Алена (14 лет), с. Соколово Каргапольского р-на Курганской обл., 641907. Девушка обожает тигров, но считает, что сможет укротить и любого парня.

Косенков Дмитрий (22 года), с. Подгорное (Ниланды) Октябрьского р-на, г. Усть-Каменогорск, Казахстан, 492045. В прошлом житель «мест не столь удаленных, а ныне свободный гражданин с массой увлечений (от автотехники до бокса и каратэ) и твердым желанием не возвращаться к прошлой жизни.

Лола (15 лет), ул. Вислевского, д. 8, с. Лосево Павловского р-на Воронежской обл., 396431. Девушка серьезная, но не «ботаничка», мечтает получить письма от юношей по имени Владик, Дима, Андрей.

Челмакина Лена (16 лет), ул. Уральская, д. 1, кв. 30, г. Миасс Челябинской обл., 456316. Хотела бы найти ребят-однофамильцев в других городах, а также переписываться с теми, кто родился 18 сентября 1982 года.

**ЖЕЛАЕМ УСПЕХОВ!
ЖДЕМ НОВЫХ ПИСЕМ!**

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

При всей своей кажущейся архаичности телега наша как вид транспорта вполне конкурентоспособна. И надежна, кстати. Чего зачастую не скажешь о тех же автомобилях. Да и с поездами вечно разные заморочки: то два девятых вагона к составу прицепят, то Анна Каренина какая-нибудь под него бросится, то еще что... Зато писателям раздолье, сюжетов – тьма, и один другого увлекательнее. Но то, что мы узнали от петербуржца Константина Мелихана, единодушно было признано хитом.

Константин МЕЛИХАН

ТОННЕЛЬ

Поезд остановился прямо в тоннеле. Причем первый вагон уже вышел из тоннеля, а последний еще не вошел.

Неожиданная остановка огорчила всех, кроме пассажира из последнего вагона. И не потому, что в его вагоне было светлей, чем в других, а потому что недалеко от тоннеля жил его отец. Каждый отпуск проезжал пассажир через этот тоннель, но отца не видел уже много лет, так как остановки здесь поезд не делал.

Пассажир высунулся из окошка и окликнул проводника, который разгуливал вдоль поезда:

– Что случилось?

– Да при выходе из тоннеля рельс лопнул.

– А скоро поедем?

– Да не раньше, чем через четыре часа, – сказал проводник и двинулся обратно, на другой конец тоннеля.

Прямо напротив последнего вагона находилась телефонная будка. Пассажир сошел с поезда и позвонил отцу. Ему ответили, что отец на работе, и дали номер рабочего телефона. Пассажир позвонил на работу.

– Сынок?! – почему-то сразу узнал его отец.

– Я, батя! На целых четыре часа.

– Какая жалость! – расстроился отец. – У меня до конца работы как раз четыре часа.

– А нельзя отпроситься?

– Нельзя, – ответил отец. – Работа срочная. Ну да я что-нибудь соображу.

Пассажир повесил трубку. Проводник как раз возвращался из тоннеля.

– Едем через два часа, – объявил он.

– Как – через два?! – ахнул пассажир. – Вы же обещали: через четыре!

– Так ремонтник думал: за четыре отремонтирует, – а теперь говорит: за два, – объяснил проводник и двинулся обратно, на другой конец тоннеля.

Пассажир бросился к телефону:

– Отец! Тут, понимаешь, какое дело: не четыре часа у меня, а два!

– Какая досада! – огорчился отец. – Ну да ничего, поднажму маленько – может, за час управлюсь.

Пассажир повесил трубку. Из тоннеля, насвистывая, вышел проводник:

– Такой ремонтник попался хороший! За час, говорит, сделаю!

Пассажир бросился к телефону:

– Отец! Извиняй! Не два часа у меня, а час!

– Вот незадача-то! – приуныл отец. – В полчаса я, конечно, не уложусь.

Пассажир повесил трубку. Из тоннеля как раз возвращался проводник:

– Ну, анекдот! Там, работы, оказывается, на полчаса.

– Что ж он голову-то морочит?! – закричал пассажир и бросился к телефону. – Отец! А за десять минут не сделаешь?

– Сделаю, сынок! Костями лягу, но сделаю!

Пассажир повесил трубку. Из тоннеля, играя прутиком, вышел проводник:

– Ну и трепач этот ремонтник! «Столько работы, столько работы!» А там делов-то на десять минут.

– Вот гад! – прошептал пассажир и набрал номер. – Отец, слышь? Ничего у нас не выйдет. Там гад один обещал стоянку четыре часа, а теперь говорит: десять минут.

– Действительно – гад, – согласился отец. – Ну да не отчаивайся: сейчас кончу!

– Все по вагонам! – донесся из тоннеля голос проводника.

– Прощай, отец! – крикнул пассажир. – Не дали нам с тобой встретиться!

– погоди, сынок! – шумно дыша, закричал отец. – Я уже освободился! Не вешай трубку!

Но пассажир уже вскочил в вагон.

При выезде из тоннеля он заметил будку путевого обходчика, а в её окне – старика. Он вытирал кепкой мокрое лицо и радостно кричал в телефонную трубку:

– Освободился я, сынок! Освободился!

Но стук колес заглушил его слова...

Вот оно, свершилось!

Очнувшееся от зимней спячки Северное полушарие планеты бурлит и клоочет. Неодушевленные предметы приобретают свойства одушевленных, и даже наша телега выбросила в самых неожиданных местах зеленые ростки. О поэтах и говорить нечего; эти как с ума посходили. Впрочем, сходить весной с ума поэтам положено по штату, и мы на это дело традиционно смотрим сквозь пальцы. Более того, предоставляем им печатную площадь в режиме наибольшего благоприятствования. Пусть порезвятся, дело молодое. Как-никак весна...

Алексей ДОБРЫНИН

ВЕСЕННЕЕ

Все ясней весны приметы,
Солнце светит веселей.
Тараканы и поэты
Выползают из щелей.

Ежегодный происходит
В их природе перелом:
Таракан усами водит,
А поэт – своим пером.

Возликуйте те и эти,
Под лучами грея плоть.
Всем вам место есть на свете,
Всякой твари рад Господь.

ВЕСНА

Над землей парил кирпич,
словно лебедь, сизокрыл.
Тут Слюньков Антон Ильич
дверь балконную открыл.

Догорал «Опал» в усах,
как зари вечерней блик.
Вдруг раздался в небесах
кирпича призывный крик.

Точно в воду – волнорез,
он вонзился в тишину.
То – кирпич в простор небес
звал кирпичную жену.

Тут Слюньков Антон Ильич
с непокрытой головой,
чтоб расслышать этот клич,
шаг свой сделал – роковой.

Он покинул отчий кров
шагом в сторону перил.
Тут кирпич свой томный зов
безнадежно повторил.

В нем слились мольба и страсть,
гордость с горечью вины.
И – кирпичиха взвилась,
разрушая плен стены.

Кирпичи к плечу плечо
устремилась в небосклон.
И с Антоном Ильичом
рухнул треснувший балкон.

Плыл, над городом кружа,
с нежной самкою кирпич.
А с шестого этажа
падал вниз Антон Ильич.

И взгрустнулося ему
в полуметре от земли.
Что-то вспомнилась «Муму»
и напелись «Журавли».

Двор был солнечен и пуст.
Вот твой сын – прими, Земля!
Но с его иссохших уст
в этот миг слетело: «Бля-а!..»

И, взмахнувши парой рук,
вдруг взлетел Антон Слюньков,
совершил прощальный круг,
прянул ввысь – и был таков.

Брачный сладостный сезон
повсеместно наступал.
Тлея упавший на газон
недокуренный «Опал»...

Сергей САТИН

ВЕСЕННЯЯ КОРОВЬЯ ПЕСНЯ

Птички, листики, бабочки, мушки,
кукурузка, пшеничка и рожь,
разбитные коровки-резвушки
и другие пернатые тож...

Как же все же хорош ты весной,
край родной пореформенный наш!
Даже пьяный главбух под сосною
совершенно не портит пейзаж.

Все вокруг очаровано маем,
от козювок до злобных собак.
Уж на что наш пастух невменяем –
а и тот подобрел и размяк.

Улыбается нынче лучисто –
и так нежно, так ласково нам:

«Эй, говядина, мать твою в триста,
в Бога, в душу и в трам-тарарам!..»
Так и тянет пуститься вприпрыжку,
пасть от счастья на чью-нибудь грудь;
на жучка или малую мышку
шутки ради лепешку какнуть.

Состоянье – как съела нитрата:
кровь бурлит, и в глазах пелена,
и все тянет, все тянет куда-то...
В общем, факт налицо: влюблена.

Вот он бродит, предмет моей страсти –
одноглазый бугай Пиночет.
На мое задушевное «Здрасьте!»
он роняет угрюмо: «Привет!..»

Он, конечно, сурьезный мужчина,
но и я ведь еще – ого-го!
Не пойму я никак, в чем причина
равнодушья такого его.

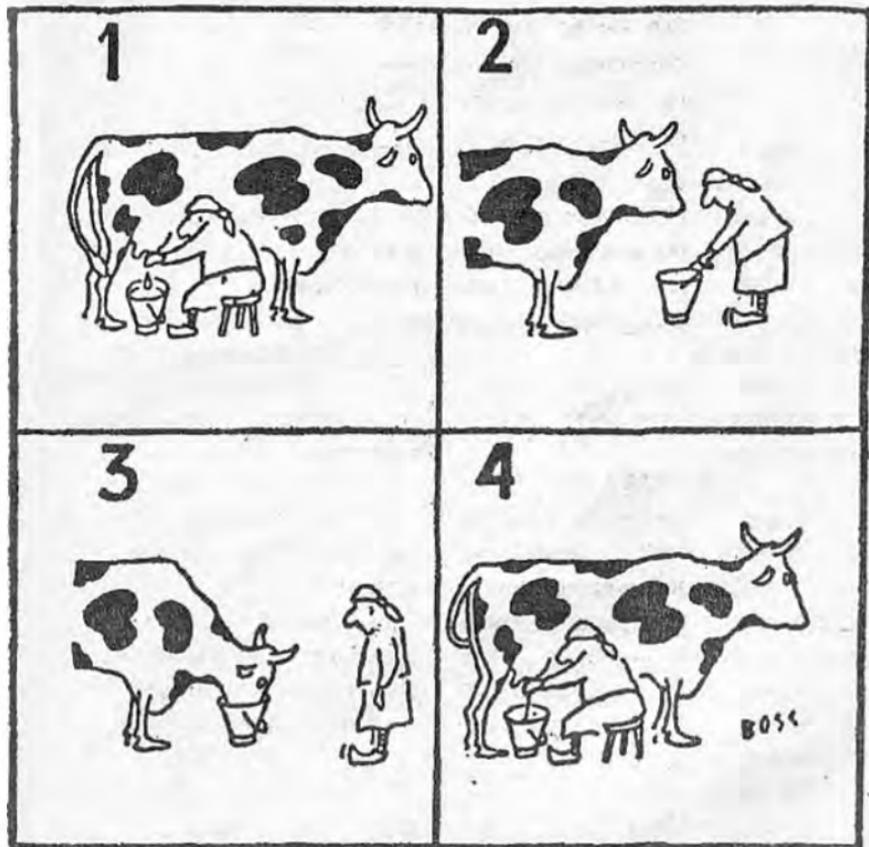
До чего же обидно и горько!
Я, как травка, стелюсь перед ним –
а он утром комолую Зорьку
осчастливил вниманьем своим.

У меня, чай, и шарм, и фигура,
и в манерах вульгарности нет,
а что Зорька – набитая дура –
для баранов и тех не секрет.

Я ж в сравнении с ней – герцогиня.
А огня-то во мне! А огня!!..
Пиночет! Пиночетушка! Пиня!
Ну заметь ты, касатик, меня!

Я ведь через тебя, паразита,
скоро вовсе откину копыта!
Вон и пульс начинает слабеть,
и надои упали на треть...

Словом, братцы, какое здоровье,
если рядышком нет бугая!
Ох, ты, доля ты, доля коровья!
Ох ты, женская доля моя!

Петербургский писатель иронического склада Эдуард Дворкин известен как человек, собравший уникальную коллекцию типов наших современников. Но подлинный шедевр в его галерее – это, безусловно, некто Иванцов. С некоторыми фактами из жизни и деятельности Иванцова мы, с любезного согласия его добровольного биографа, намерены вас сегодня ознакомить.

ЭДУАРД ДВОРКИН

ИЗ КНИГИ «СТО РАССКАЗОВ ОБ ИВАНЦОВЕ»

КТО ОН ТАКОЙ

Об Иванцове нам известно мало, хотя вполне достаточно.

Человек он молодой. Правда, не очень.

У него густая борода, которую он регулярно бреет.

Он охотно берется за любую работу, так как знает, что все равно с ней не справится.

Он холост, потому что женится редко.

С ним никогда ничего не случается, но вечно что-нибудь происходит.

ДОРОГА

К вечеру пошел снег и видимость резко ухудшилась.

Иванцов не спускал глаз с дороги, его руки крепко сжимали баранку.

Неожиданно баранка в его сильных руках подалась и разломилась надвое.

Он запил ее кефиром, вышел из чайной и сел в подошедший автобус.

АЗАРТ

Иванцов весь вечер играл

в карты с соседом-композитором.

Оба вошли в азарт и делали крупные ставки.

Композитору не везло – он проиграл большую сумму денег, часы, пиджак.

Ночью композитор проиграл Иванцову свою новую симфонию.

ИЗВЕСТИЕ

– Курикалов утонул! – сообщили Иванцову.

– Тяжелый был человек, – вздохнул Иванцов.

УБЕЖДЕННОСТЬ

– Продолжаешь настаивать на своем? – спросили у Иванцова.

– Да, – твердо ответил Иванцов, – настаивал и настаиваю исключительно на лимонных корочках.

УМЕНИЕ

Иванцов умеет изменять свою внешность.

Достаточно ему с головой накрыться несколькими простынями, и его уже никто не узнает.

МАТРОС

Иванцов грузил на баржу турнепс и опрокинул несколько ящиков.

Капитан судна поскользнулся и чуть не упал.

– Что это такое!? – с негодованием закричал он, указывая на палубу, усеянную крупными корнеплодами.

– Это – корма, – с достоинством ответил Иванцов.

ОФИЦИАНТ

– Борщ есть? – спросили у Иванцова.

– Я бы не стал, – честно ответил он.

ЗООМАГАЗИН

– У вас бывают голуби? – спросила молоденькая покупа-

тельница и выжидающе посмотрела на Иванцова.

«Какие глаза! – подумал Иванцов. – Голубые-голубые...»

– Не бывает голубей, – сказал он в пространство и сыпанул корма рыбкам.

ЛЕСОРУБЫ

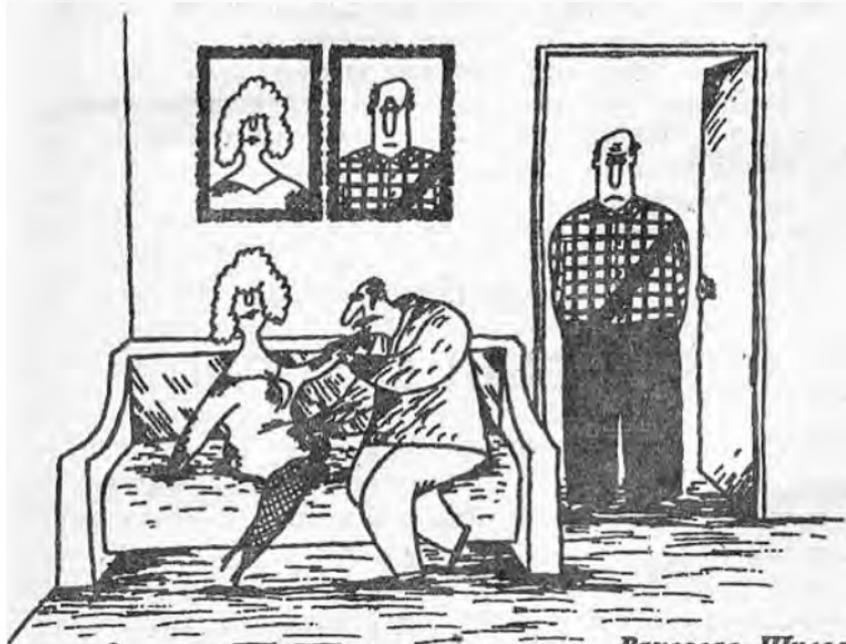
– Я спилю дуб, – вызвался Петров.

– Я – березу, – выбрал Сидоров.

– Ну а я, пожалуй, сосну, – сказал Иванцов и, зевая, побрел в глубь леса.

КОМПРОМИСС

– Давай любить друг друга, как Ромео и Джульетта, – предложил Иванцов жене.

Вячеслав Шилов

– Нет, давай лучше, как Тристан и Изольда, – не согласилась та.

Спорили они, спорили, а потом решили, что любить друг друга вовсе не обязательно.

РЕБЕНОК

– Назовем нашего ребенка Ниной, – предложила Иванцова жена.

– Ни в коем случае! – отрубил Иванцов.

И настоял на своем. Ребенка назвали Афанасием.

НЕДОУМЕНИЕ

Иванцов долго вывязывал у зеркала узел галстука.

– Хватит, пошли! – потребовала жена.

Иванцов тут же начал рассказывать пошлый анекдот.

– Хватит, не пошли! – потребовала жена.

– Тебя не поймешь, – пожал плечами Иванцов, – сама не знаешь, чего хочешь!

ПИРОГ

Жена поручила Иванцову испечь пирог и ушла на работу.

– Успею, – подумал Иванцов и принялся обдумывать сложный заграничный тест.

Через некоторое время жена позвонила по телефону.

– Что делаешь? – спросила она.

– Вожусь с тестом, – честно ответил ей Иванцов.

Не то чтобы пролив Ла-Манш был для нашей телеги жизни серьезной преградой, но к чему лишний риск! Поэтому мы смиренно ждали, когда под проливом закончат рыть тоннель, и лишь тогда засобирались в Англию. А тут и попутчик подвернулся – Олег Петров. Олег, правда, летел самолетом, да и в Англии мы с ним разминулись, зато уж потом, по возвращении, он подробно отчитался обо всем. На наш взгляд, очень познавательная получилась поездка.

Олег ПЕТРОВ

КАК Я БЫЛ В АНГЛИИ

Что в Англии сразу бросается в глаза, так это пресловутый английский туман. Из-за тумана здесь ничего другого в глаза не бросается, пока сам на это не наткнешься. Наш самолет практически сразу наткнулся на посадочную полосу, но вообще-то найти в тумане лондонский аэропорт – дело настолько хитрое, что ему и название такое дали – Хитроу.

Что и говорить, климат здесь на редкость сырой, туманный, слякотный. Из рестораника на первом этаже отеля, где мы остановились, всю ночь раздавались крики: «Для нашего гостя из солнечного Санкт-Петербурга звучит зажигательная песня «Казачок».

Главная торговая улица Лондона называется Пикадилли. Многие наши туристы пикадилли сюда поглазеть на витрины магазинов да так ни с чем и укадилли. Выйдя на центральную площадь, я спросил полицейского, как она называется. «Трафальгарская», – ответил он. «Ага! – подумал я. – Вот как по-английски слово «красная».

Любопытно, что всех английских полицейских зовут бобби. Другие клички типа ваньки, жорики, семен семенычи как-то тут не прижились. У полицейских нет огнестрельного оружия – только резиновые дубинки – поэтому они ни во что не вмешиваются – бродят себе, как ежики в тумане, а преступников ловят неформалы вроде Шерлока Холмса и отца Брауна.

Наподобие Москвы-реки, в Лондоне есть Лондон-река, которую для краткости называют просто Темзой. В Затемзоречье

находится знаменитый Гайд-парк. ГПКиО по-нашему. Знаменит он тем, что здесь разрешают выступать всем желающим, кроме Жириновского.

Между прочим, в Лондоне каждый восьмой – Джек; среди Джеков каждый пятый – Лондон. А еще на английских улицах полно панков. А кто не панки – сидят дома. Кроме своего дома, англичане иногда ходят в Сити на работу и в клуб. Сейчас в Англии уже довольно много клубов, а вот домов культуры я у них что-то не встречал. И хотя англичан считают спортсменами, многие из них не умеют плавать. Поэтому для связи с материком они прорыли тоннель.

Кроме того, о них ходит слава как о больших чудаках и оригиналах. Один английский чудака-миллионер построил себе в пригороде хижину безо всяких удобств и живет там в свое удовольствие. А один чудака-нищий построил там же роскошную виллу и тоже живет.

А еще англичане славятся своей невозмутимостью. При мне одну пожилую леди переехали автобусом, но не смогли выдать из старушки ни слова.

Автобусы здесь, кстати, двухэтажные. Честно говоря, ездить на них страшновато. Автобус двухэтажный, высокий, и водитель наверняка не достает до педалей. Но местным нравится. На Лондонском автозаводе имени Оливера Кромвеля, говорят, уже проходит испытание трехэтажный автобус с верандой, мансардой и балконами.

Понятное дело, главный человек в Англии – королева. Живет она в Букингемском дворце, так как своего у нее почему-то нет, и по праздникам выезжает из него в город в карете, запряженной ливерпульской четверкой.

Кроме королевы, англичане любят собак, скачки, футбол и пиво. Раньше, когда англичанин заказывал пиво, он говорил: «Мне одну пинту». Теперь, когда, подлаживаясь под «Общий рынок», пинты заменили на литры, он говорит: «Мне 0,568 литра...»

Вообще, с вступлением Англии в «Общий рынок» в стране стало заметно больше товаров в магазинах, но все они за валюту, поэтому их мало кто покупает. Да и это изобилие оказалось обманчивым – кардана к «Запорожцу», за которым я, собственно, сюда и приехал, я так и не купил.

Из газеты «КРАСНАЯ БУРДА» (Екатеринбург)

АНГЕЛЫ НЕ ТО, КЕМ ОНИ КАЖУТСЯ

Анжело Бадаламенти – фигура феноменальная для поп-музыки. В шестьдесят с хвостиком он остается одним из самых модных композиторов, пишущих для кино, при том, что он стал известен не столь давно – с середины восьмидесятых. Его томно-зловещие мелодии из фильмов Линча существуют в пространстве, параллельном и року, и классике. Одновременно он работает и с никому не известными авангардистами и с поп-звездами – границы между жанрами существуют не для него. Американец итальянского происхождения с внешностью «крестного отца», Бадаламенти, возможно, последний значительный композитор тысячелетия.

Энди Бадале – один из его псевдонимов – родился в Нью-

Джерси аж в 1937 году. Музыкой он занимался с самого детства, сначала в школе Истмэна, в Рочестере, штат Нью-Йорк, затем уже собственно в Нью-Йорке, в Манхэттенской школе – и там, и там по классу валторны и фортепиано. Анжело играл на фоно в местном джаз-бэнде «Andy Badale and the Nashville Beer Garden Band», имевшем весьма умеренный успех в пятидесятые – шестидесятые годы; периодически записывал джинглы для радио и не помышлял ни о какой славе. Он сочинял песни для местных артистов весьма мелкого пошиба, вроде Мел Тиллис и Ширли Бэсси, давно канувших в Лету, хотя в его активе уже тогда было несколько песен, написанных для Джорджа Бенсона. В начале семидесятых он (под

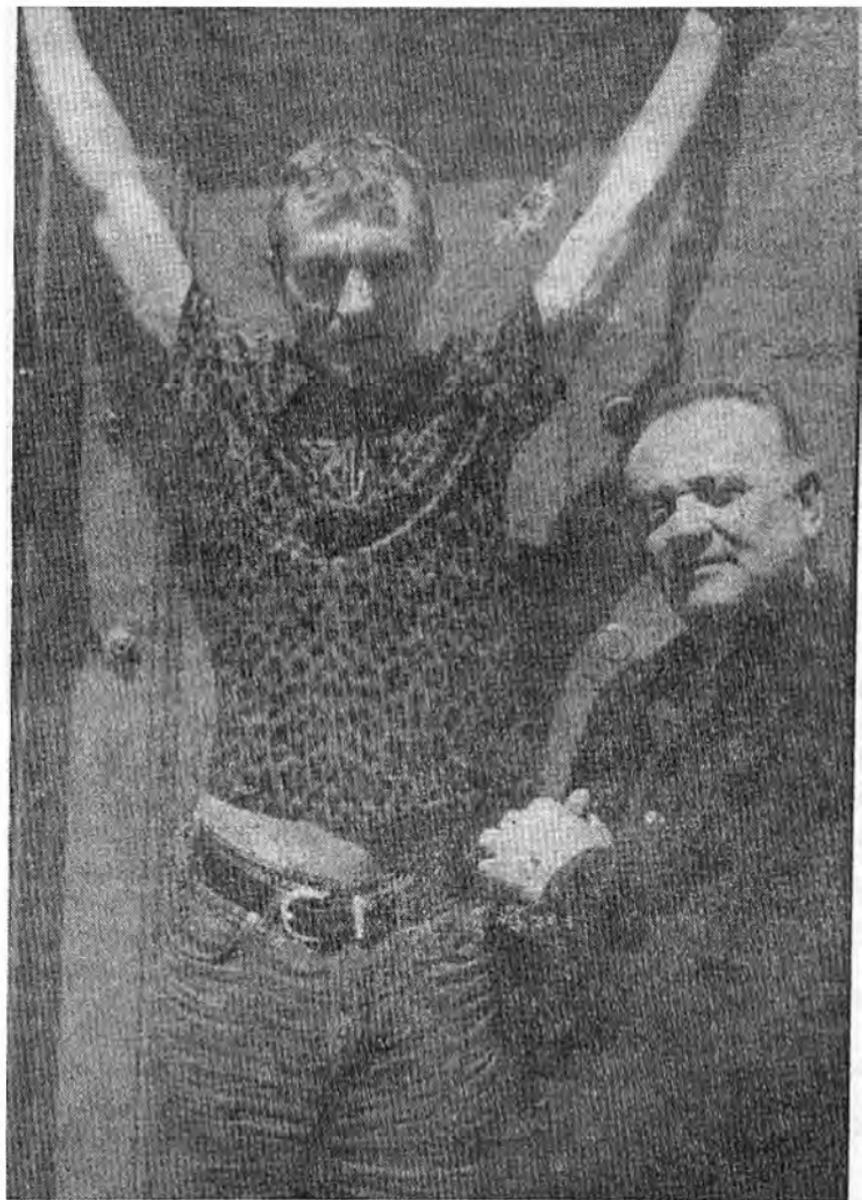
вышеназванным псевдонимом) создал музыку к двум опять-таки ничем не примечательным фильмам «Война Гордона» (1973) и «Закон и разруха» (1974); не принесшим ему никакой известности, но позволившим завязать полезные знакомства, о которых речь еще пойдет.

Бадаламенти продолжал сочинять и в последующие годы, но мир мог так и не узнать его мрачного гения, когда бы культовый режиссер Дэвид Линч не пригласил его написать музыку к своему нашумевшему шедевру «Синий бархат». Их свел практически слепой случай: Анжело преподавал вокал будущей суперзвезде Изабелле Росселлини, сыгравшей в фильме главную роль, она их и познакомила. Линч всегда славился своим умением распознавать таланты и любил снимать совсем неизвестных актеров, так что, недолго думая, пошел на риск, доверив столь важный компонент фильма, как саундтрек, безвестному немолодому джазмену. «Мне нужна музыка абстрактная, эксцентричная, горькая, приятная и полная трагической красоты» – такую задачу Линч поставил перед Анжело. Для записи музыки Бадаламенти и Линч (принимавший в создании саундтрека самое непосредственное участие) избрали

место вполне в духе своего творчества: Прагу. 1985 год. Торжественный и мрачный готический город, не освещенный еще огнями ночных клубов и рекламой «кока-колы», город Франца Кафки (кстати, Линч давно хочет, но никак не соберется снять фильм по его «Превращению»).

«Из отеля мы шли по мокрому узким улочкам, проходили через нависающие арки, обходили кучи мусора, наваленные прямо перед величественными зданиями, – вспоминает Анжело. – Дойдя в конце концов до студии, сначала мы долго не могли прийти в себя и молчали. Студия попала соответствующая. Никогда не забуду, как контрабас одного из наших музыкантов провалился под пол прямо во время записи».

Созданная в результате музыка обладала тем самым свойством, которое отличает Анжело от его коллег, и которое так привлекло к нему Линча: она вполне жизнеспособна и в отрыве от фильма. Не то чтобы она вписывалась в картину или картина в нее – просто в какой-то точке эти два мира пересекались, и получался фильм. В «Синем бархате» Линч впервые использовал прием, ставший позже его визитной карточкой: с виду нормальная и размеренная жизнь вдруг начинается

Анжело Бадаламенти и солист группы «Jager» Тим Бут

трещать по всем швам, а в образовавшиеся щели лезет что-то невообразимо ужасное, и ужасное тем более, что слишком многое Линч предоставляет домыслить самому зрителю. Воздушная и мрачная, трагическая и щемяще-красивая музыка Бадаламенти до того удачно соединилась с причудливыми хитроплетениями подсознания Линча, что с тех пор они неразлучны – все последующие фильмы американского авангардиста озвучивал уже только Анжело.

Участие в этом проекте и грандиозный успех у критики внезапно вознесли практически уже пятидесятилетнего Бадаламенти на гребень успеха – в узких кругах богемы пока что. Ему предлагает сотрудничество Лайза Минелли, записывавшая тогда и без того нехарактерный для нее альбом с «Pet Shop Boys». Его оркестровые аранжировки поразительным образом гармонировали с гипнотическими ритмами «Pet Shop Boys» и необычным голосом Лайзы: первый, но далеко не последний экскурс Анжело в поп-музыку увенчался безусловным успехом.

Но гораздо более интересным оказалось его сотрудничество с другой певицей. Пусть Джули Круз не может похвастаться огромными тиражами и безумной популярностью (как,

собственно, и Бадаламенти с Линчем), но раз услышав ее неземной голос, забыть его уже невозможно. Да что там, она и выглядела как непонятно зачем залетевший к нам ангел – помните певицу из кафе в «Твин Пиксе»?

Джули, как и Анжело, играла на валторне, так что у них нашлось немало общего. Первая ее песня, сочиненная Линчем и Бадаламенти, «Mysteries Of Love», появилась еще в «Синем бархате», но полноценный альбом «The Voice Of Love» троица выпустила только в 1989 году. Стиль Джули определить невозможно, но в случае с Бадаламенти это обычное дело, так что гораздо важнее другое: если фильмы Линча – идеальный видеоряд для музыки Бадаламенти, то Джули Круз – идеальный голос для нее. Потому что он как раз абстрактен, эксцентричен, горек, приятен, а уж трагической красоты ему не занимать. Анжело работал с множеством талантливейших исполнительниц, но «The Voice Of Love» так и остался непревзойденным: пластинка лишена каких-либо изъянов, чтобы не сказать совершенна. Ни на что не похожая музыка, архаичная, модная, величественная и стильная одновременно, и как будто для нее специально созданный голос, ангельски-прозрачный, невесомый (это

при том, что в то время Джули высаживала три пачки сигарет в день). Весь конец восьмидесятых они работали как единый творческий коллектив: концертное видео Джули делал лично Линч, и можете себе представить, что из этого получилось. Появившееся в 1990 году, оно получило название «Индустриальная симфония номер один» и представляло собой запись весьма экстравагантного представления, которое троица учинила на фестивале «Next Wave», проходившем в Бруклинской Академии музыки. Загримированная до неузнаваемости, Джули парила (в буквальном смысле) над сценой в ослепительно белом парике и столь же белоснежном платье. В эпизодах, помимо других, был задействован Николас Кейдж. Побывавшие на Каннском кинофестивале в 1992 году никогда, наверное, не забудут, как Джули исполняла «The Questions In A World of Blue» (та самая песня из «Твин Пикс») ночью, на пляже Французской Ривьеры, под полной луной. Ее же голос звучал на открытии Олимпийских игр в Барселоне, в постановке которого Бадалamenti опять-таки принимал деятельное участие. Но Джули – вовсе не дурочка, которой повезло родиться с уникальным голосом, а самоценная творческая единица. Доста-

точно сказать, что непосредственно после работы над «Твин Пикс» Джули присоединилась к такой развеселой группе, как «The B-52's».

Параллельно Бадалamenti продолжает писать музыку для кино, и теперь не только для Линча. Некоторые из этих фильмов вполне неплохи, такие, как «Крутые парни не танцуют» (1987), но Линч тем не менее остается идеальным режиссером для Анжело. И следующая их совместная работа, фильм «Дикие сердцем» с Николасом Кейджем в главной роли, удостоивается Золотой пальмовой ветви. Он стал отходом от собственных традиций не только для Линча, ударившегося вдруг в страннейшее «роуд-муви». Анжело также ненадолго отвлекся от трагической красоты черных вигвамов и отрезанных ушей: музыка к «Диким Сердцем» – кондовый нью-орлеанский джаз.

И вот наконец, «Совы не то, чем они кажутся». Лучший сериал всех времен и народов. Майки с надписью «Я убью Дэвида Линча» поступают в продажу на следующий день после выхода последней серии. «Твин Пикс». Объект преклонения всех эстетов и просто снобов. Удивительный фильм, на самом деле. Как и всегда с Линчем, чувствуешь, что столкнулся с чем-то боль-

шим, чем просто кино. И большим, чем просто саундтрек? О да. Невозможно представить себе завораживающий танец карлика в Красной комнате без музыки Бадаламенти: это были бы корчи калеки в паршивом чулане. А пение Джули Круз? Это работа стала на тот момент вершиной карьеры Бадаламенти. Его узнали и полюбили и вне узкого круга поклонников Линча. С музыкой к фильму вышло целых два компакт-диска: к сериалу и к снятой два года спустя короткой версии, показываемой в кино-театрах. Оба стали очень и очень популярны, хотя до пика моды на саундтреки, грянувшей после «Pulp Fiction», оставался еще не один год. Бадаламенти тут как никогда вкрадчив, зловещ и местами очень чувственен. А инструментальная «Twin Peaks Theme» стала настоящим хитом как сама по себе, так и в ремиксе знаменитого технохулигана Моби несколько лет спустя (этот трек вошел в музыку к фильму «Hackers 2»).

Последующие годы стали для Бадаламенти еще более успешными. В 1993 году выходит второй альбом Джули Круз «The Voice Of Love», выдержанный в прежней эротично-погробальной манере, но несколько более джазовый. После этого диска, правда, плодотворное и успешное сотруд-

ничество Джули с Линчем и Бадаламенти прервалось. Это с тех пор сладкоголосого ангелочка не слышать.

В 1994 году Анжело записывает музыку к очередному саундтреку («Naked In New York»), но долго, коротко ли, его опять тянет в поп-музыку.

На этот раз для сотрудничества он избрал девушку сложной судьбы Мариан Фэйтфул. Поневоле напрашивается мысль, что выбор пал на нее как на полную противоположность Джули Круз.

Ржавый, пробирающий до костей голос. Бурное прошлое, неприменные наркотики и оргии. Живое воплощение европейского декаданса. Английская аристократка по отцу, внучка Леопольда Захера-Мазоха по матушке. Бывшая любовница Мика Джеккера, десять лет проторчавшая на героине, близкая подруга Дэвида Боуи. В конце семидесятых ее уже похоронили, но она сумела вынырнуть и записать еще несколько пластинок. Прославившаяся исполнением чужих песен, большую часть своего репертуара Мариан написала сама. И именно она – автор текста к «Sister Morphine» «Rolling Stones». Шоу-бизнес не смог переварить ее, как тех же Роллингов и Боуи, и спустя годы Мариан, всего на десять лет моложе Анжело, оставалась все такой же самобытной и

Джули Круз

непонятной. Так хорошо знакомая Бадаламенти черная энергия медитаций на темах секса и смерти, боли и любви, одиночества и неприятия мира всегда была ее топливом, она безбожно использовала педаль газа, но теперь знала, где руль и тормоз. С годами она становилась все менее рок-певицей и все более драматической актрисой. К моменту встречи с Анжело она уже семь лет не записывала пластинок – работала над книгой. И вот их сотрудничество, парадоксальное на первый взгляд, да и на все последующие тоже, вылилось в изумительный альбом «Secret Life». Мариан написала стихи, Бадаламенти музыку, и он же лично сделал все аранжировки.

Диск честно начинается с зачитывания отрывка из «Божественной комедии» Данте, так что слушатель с самого начала предупрежден о том, что его ждет. А ждет его вся, без купюр, многотрудная судьба Мариан, чей мир оказался удивительно близок «трагической красоте» Бадаламенти. Правда, и тут Анжело оказался несколько в тени: такова мощь и выразительность голоса певицы. Но его филигранные аранжировки и обволакивающе-губительные мелодии многократно усилили таланты Мариан.

Благожелательные рецензии на диск прошли практически по всем соответствующим изданиям, но Бадаламенти в них упоминали через раз: ред-

ко кто находил время прочитать что-нибудь помимо обложки диска. Анжело еще раз сотрудничал с Мариан при записи очередного саундтрека – к французскому фильму «Город потерянных детей» (1995). Очень необычное кино: причудливый мир детских фантазий, последние достижения в области спецэффектов, костюмы Жана-Поля Готье, сюрреализм и мрак. Где-то фильм совершенно справедливо определили как «Чарльз Диккенс под ЛСД». Определенно, это лучший нелинейный саундтрек Бадаламенти. Анжело написал всю музыку, Мариан исполнила одну песню собственного сочинения под названием «Who Will Take Your Dream Away». Фильм выдвигался на премию «Сезар», французский аналог «Оскара».

А истинное признание, на сей раз в мире альтернативной музыки, пришло к Бадаламенти на следующий год. Когда появился альбом «Booth And the Bad Angel».

На этот раз судьба свела Бадаламенти с самыми сливками альтернативной культуры Британии: солистом последней истинно манчестерской группы «James» Тимом Бутом, экс-гитаристом суперполярных «Suede» Бернардом Батлером и живущем сейчас в Петербурге Брайаном Ино, без

которого вот уже лет двадцать не обходится ни один интересный проект. Инициатором выступил Тим Бут, давно восхищавшийся альбомами Джули Круз. Заручившись поддержкой «Mercury Records», он предлагает Бадаламенти сотрудничество.

«После «Wah-Wah» (последний на тот момент альбом «James», записанный с Брайаном Ино) мне захотелось попробовать что-то новенькое, – вспоминает Бут. – И Анжело с его не рок-, не поп- и не альтернативной музыкой подходил как нельзя лучше». Анжело, в свою очередь, всегда был открыт для экспериментов: «Я хотел бы поработать и с Леонардом Коэном, и с Тори Эймос – но где взять время»? К тому же он знал о «James» не понаслышке и даже бывал на их концертах. Проект мог бы стартовать еще в 1993 году, но тогда Анжело пригласил Пол Маккартни – сделать пару аранжировок, и он не смог отказать одному из кумиров своей молодости. А так – запись началась летом 1994-го в Нью-Джерси. Несколько недель музыканты притирались друг к другу, импровизируя целыми сутками.

Фирма была готова к тому, что Бут и Бадаламенти запишут совершенно непродажный альбом, но всемерно поддержала идею: в конце именно на

Мариан Фэйтфул

«Fontana» (подразделение «Mercury») выходят альбомы Скотта Уокера. К записи альбома подключились упомянутый уже Бернард Батлер, ставший соавтором нескольких песен, и знаменитый продюсер Тим Сайменон.

Вышедший в конце концов летом 1996 года диск оказался вовсе не авангардным, хотя, как обычно, не укладывается в жесткие жанровые рамки. Музыка на этот раз получилась совсем не отстра-

ненная и холодная, как прежде у Анжело, равно как в ней совершенно не углядывался цинизм и индивидуализм, так характерные для «James» и всего «Манчестера» впридачу. Напротив, «Booth And The bad Angel» – настолько задушевный альбом, что даже непонятно, как это он мог появиться в наше время. Чуть ли не первый раз – интереснейшие тексты, с религиозной окраской иллюстрирующие борьбу доброго и злого в человеческой

душе. «Booth And The bad Angel» был признан одним из лучших альбомов года альтернативным журналом «Vox», равно как и кучей других изданий. Тим и Анжело даже хотели выступить с концертами, но как-то не сложилось. На сегодняшний момент это самое удачное коммерчески и наиболее захваленное критикой детище Анжело, созданное в отрыве от Линча. «Booth And the bad Angel» официально не прекратили существования, и появление новых альбомов вполне вероятно.

А потом... Снова Дэвид Линч, снова Прага, снова пришло время отбросить смешки и нырнуть в мутные глубины подсознания. «Lost Highway», «Шоссе в никуда» – последний шедевр Линча, сложнее, мрачнее и вдесятеро сильнее всех предыдущих его фильмов. В работе над музыкой к ленте принимали участие множество интереснейших музыкантов: уже мелькавший в «Твин Пикс» Дэвид Боуи, Трент Резнор из «Nine Inch Nails», новомодные «Marilyn Manson» с «Rammstein» и оказавшийся неожиданно похожим на Бадаламенти (по настроению, во всяком случае) Барри Адамсон, когда-то игравший у Ника Кейва. Смерть и порнография, секс и переселение душ, дьявольщина и насилие – никогда еще Линч не делал столь мрачного и

завернутого кино. И никогда еще Бадаламенти не писал более напряженной и зловещей музыки – видать, дело все-таки не в Праге. Саундтрек «Lost Highway» стал идеальным дополнением к фильму, но и, как это водится у Бадаламенти, самостоятельным произведением тоже. Сам Анжело признавал, что «Lost Highway» – лучшее из созданного им на сегодняшний день. И действительно, его балансирующие на грани моднейшего трип-хопа и вечно живого джаза «Red Bats With Teeth», «Fred's World» – это даже не музыка, а наваждение какое-то.

Недавно Анжело написал несколько тем для телевизионных шоу «Inside The Actor's Studio» и «Invasion Of Privacy», а также музыку для шоу американской телекомпании NBC «Profiler». Сейчас он живет в Нью-Джерси и работает в небольшой студии в Манхэттене. Судя по всему, одним из самых новых его проектов была песня «And Still», записанная с шотландским скрипачом Жоселином Уэстом, которая еще нигде не выходила. Так что Бадаламенти по-прежнему на пике творческой активности – у некоторых и в шестьдесят лет жизнь только начинается.

Дмитрий ВЕБЕР

Лена ЗОСИМОВА:

«Хочу изобразжать саму себя»

Как порой интересно узнать, что на самом деле скрывается за словами — известная певица. Чем живет этот человек, как одевается, какие у него интересы и насколько они схожи с твоими? Наверно, большой неожиданностью станет это интервью с певицей Леной Зосимовой. Она довольно скрытный человек и неохотно говорит о себе. Да, мы знаем — вышел новый альбом «Не виновата я». Значит, ее творчество перешло в новую стадию. А что же сама Лена? Как она изменилась с возрастом, какие проблемы и мысли будоражат ее творческую натуру?

Я решила с ней поболтать обо всем и ни о чем конкретном — просто задавать вопросы. Быть может, невпопад, но зато совсем как в жизни. Во время легкой, дружеской беседы, когда наши мысли порой сами собой несутся вскачь и слова за ними едва поспевают. Так собеседница неожиданно раскрылась и удивила меня своей неординарностью, о которой я и не догадывалась. А теперь, читатель, твоя очередь познакомиться с Леной поближе...

— Лена, можно предположить, что твой рабочий график очень насыщенный — записи, гастроли, репетиции... При таком режиме непременно где-то и как-то хочется рассла-

биться. Наверно, как и всем звездам, тебе нравится уехать куда-нибудь за границу и там отдохнуть?

— Нет, полностью расслабиться я могу только в одном

месте — дома у мамы. Вообще-то я живу попеременно то с мамой, то с бабушкой. Но у мамы какая-то особая атмосфера в доме. И особенно на кухне. Это даже не внешний уют, там все довольно просто — шкафы, стол, стулья. Но самое важное в том, что все пропитано маминной добротой и любовью. Часто мы просто сидим и болтаем — я и мама. Кошечка Лора рядом свернется. Она такая же мягкая снаружи, как моя мама внутри. Обычно за два-три дня у нее я отдыхаю так хорошо, как не отдохнула бы за месяц на курорте...

— Наверно, за все это время ты отъедаешься, уплетая какую-нибудь вкуснятину, приготовленную мамой...

— ...В плане еды у бабушки все вкуснее получается. Торт «Наполеон» — м-м-м... пальчики оближешь! А фрикадельки и голубцы она делает так быстро и вкусно, что просто удивительно. Я и сама очень люблю готовить. Но у меня всегда не хватает времени. Поэтому, когда нужно побыстрее перекусить, то я обычно готовлю салат. Нарезаю туда все что есть — помидоры, огурцы, редиску, зелень, — заливаю все сметаной, перемешиваю и готово! Я в еде неприхотлива. Ем все, кроме рассольника, потому что в нем плавают соленые огурцы. Не понимаю, как может быть в супе огурец, да еще соленый?

— Обычно, когда человек равнодушен к еде, он заикливается на одежде...

— И тут я совсем не такая, как можно подумать. Я спокойно отношусь к тряпкам. И прежде чем одеться, прислушиваюсь к своему настроению. В повседневной жизни предпочитаю полуспортивный стиль. Кроссовки, казачки, сапожки, джинсы, комбинезоны, брюки в обтяжку. Иногда, когда хочется одеться женственно и стильно, начинаю думать — «Ну куда я такая пойду?» На шпильках, в обтягивающем платье... Буду выглядеть непонятно как или шпильки сломаю. Ну уж нет, лучше всего надевать то, что удобно.

— А ты знаешь забавную историю, которая случилась однажды с секс-символом Америки Мэрилин Монро. Она уже тогда была известной, и ее все узнавали в лицо. Мэрилин решила поэкспериментировать. И вышла на улицу одетая как обычно, только в обуви на низком каблучке. Представь себе — ее никто не узнал! Шла маленькая пухленькая дамочка, лишенная знаменитой раскачивающейся, сексуальной походки звезды. И она стала такой, как все! Ты понимаешь, о чем я?

— Конечно, шпильки придавали ее походке некую гипнотичность. Поэтому она умела ходить завораживающе именно в туфлях на шпильках... Но, честное слово, это не для меня. В таких туфлях я не очень хорошо себя чувствую. Ты правильно отметила, что они придают женственность походке, но удовольствия от

такой ходьбы мало. Я люблю идти быстро — плечи расслаблены, руки болтаются, можно пробежать или подпрыгнуть. А идти на каблуках нужно строго — выровняв плечи, подтянув живот, сутулиться ни в коем случае нельзя. Манекенщица, да и только! Это же сплошная мука. Хотя у меня есть туфли на каблуке. Правда, всего одни, да и те сломаны, нужно отнести в ремонт, как только время выберу. Это единственные туфли на каблуке, которые действительно удобны и красивы. Может быть, когда буду ходить почаще на светские приемы, тогда научусь на шпильках вышагивать, как настоящая манекенщица.

— *Даже странно слышать, что сейчас тебе редко представляется такая возможность. Ты ведь вращаешься в мире шоу-бизнеса?*

— У меня всегда много гастролей и выступлений. Я быстро устаю. Может быть, это связано с погодой, может быть, еще с чем-то, но я так выматываюсь на репетициях, не говоря уже о концертах. Утром езжу на занятия по вокалу или на танцкласс.

— *В каких танцах ты настояще выражаешь себя? Свой темперамент, свой характер...*

— Я еще не профессиональный танцор, чтобы говорить о танцевальных стилях, но мне нравится, как танцует Джанет Джексон. Что-то резкое, рит-

мичное. Хотя у меня совершенно отсутствует точность в движениях и я понимаю, что ее надо нарабатывать. Мои руки все время виснут, и движение размазывается. Не могу их ровно и четко держать. Мой постановщик в таких случаях советует представить, что кому-то надо вмазать в рожу. Тому, кто меня очень сильно достал...

— *А что, есть такие люди в твоей жизни?*

— Да в том-то и дело, что пока нет. Правда, иногда достают стилисты по костюмам. Но в таких случаях с ними легче расстаться.

— *Чем же они тебя достают?*

— Тем, что совершенно не соответствуют своей профессии. Только зря слишком громко себя называют. Я уже со столькими стилистами рассталась — вы не поверите. Они мне советовали, в каких магазинах и какие костюмы покупать. Мы так и делали. В результате образ, создаваемый в песне, абсолютно не подходил под выбранный костюм. Пришлось полностью отказаться от их услуг и надеяться только на свой вкус и выбор.

— *А где ты была в последний раз, чтобы подобрать себе подходящий гардероб?*

— В Нью-Йорке, в магазине «Мэйсис». Я — Дева по знаку зодиака и долго думаю, прежде чем решиться на выбор. Нужно мне купить эту вещь или нет? Что в моем гар-

деробе подходит для нее, стоит ли она такой цены? А в этом магазине взяла и купила несколько вещей, абсолютно не задумываясь.

— *И что же ты купила, если не секрет?*

— Нет никакой тайны. Приобрела длинную капроновую юбку и такую же рубашку к ней. Чтобы можно было надеть туфли — и с каблуком, и на низкой подошве.

— *Ты обращаешь внимание на то, кем вещь произведена?*

— Мне все равно, какой фирмы и от какого кутюрье будет вещь, до тех пор пока ее цена не выходит за разумные пределы. Покупать костюм за пять тысяч долларов — для меня это нереально. Ведь такую бешеную сумму можно потратить с гораздо большим толком. Вложить в дело или купить несколько вещей не худшего качества, но за меньшую цену. А что касается кутюрье, то платить только за одно имя — это самая величайшая глупость, на которую только способны пафосные люди. Хорошо, что я не такая!

— *Недавно я с удовольствием посмотрела клип на новую песню из твоего последнего альбома. Она называется «Обними меня». Ты там как раз здорово танцуешь. И одета в спортивном, молодежном духе. Тут ты тоже обоилась без стилистов, сама выбирала?*

— Джинсы ядовито-зеленого цвета куплены в магазине «Дизель». Черный пиджак из

Америки привезла. А вообще-то футуристические кислотные цвета я совершенно не люблю и не понимаю, как можно в них себя уютно чувствовать. Идешь по московским улицам как инопланетянин какой-то. Хорошо, что они уже из моды выходят. Мне больше нравятся мягкие, нежные и неяркие цвета. Даже вещей ярко-белого цвета в моем гардеробе нет. Обязательно что-нибудь приглушенное и спокойное.

— *Наверно, такие цвета просто выражают твой добрый, покладистый, спокойный и уравновешенный характер. Интересно, какая вещь у тебя самая любимая?*

— Мое самое любимое платье выглядит проще простого. Оно сшито из хлопка. Бежевое, и на нем вышиты вручную цветы. Оно приталенное, но носить его можно как с каблуком, так и с кроссовками. Как за город на пикник (что я уже много раз делала), так и на презентацию.

— *Наверняка с таким платьем ты носишь определенную сумочку?*

— Ой, сумочки — это моя самая большая проблема. У меня нет подходящей сумочки. Люблю везде ходить с рюкзаком, который однажды привезла из Польши. Вечерняя сумочка — ее еще предстоит найти.

— *Значит, рюкзак пока служит и походной сумой, и вечерней сумочкой. А что обычно ты носишь с собой в рюкзаке? Или*

его содержимое всегда меняется в зависимости от цели твоего путешествия?

— Особо не меняется. Там всегда все вперемешку. Как в помойке. Только хорошо пахнущей. Там — витамины, духи, дезодорант, паспорт. Всегда ношу его с собой — мало ли какие случаи бывают. Записная книжка, которую я никогда не использую по назначению. Всегда записываю все на клочках бумаги. А ее использую как кошелек, кладу туда деньги. А клочки, наоборот, засовываю в кошелек, поэтому там всегда не хватает места. Еще там линейка. Ножницы. Клей.

— Ты что, занимаешься аппликацией на досуге?

— У меня есть такая чудная страсть, еще с детства. Я склеиваю домики из картона, когда есть время. Например, во время поездки на гастроли.

— Похоже, это твоя медитация или ты в детстве не наигралась?

— Нет, у меня было достаточно игрушек. Просто я иногда думаю, что впала в детство. Иногда такие мысли в голову лезут, что не только я сама, но и друзья удивляются. Такая путаница в голове. Такая каша, что иногда хочется просверлить дырочку, чтобы все это оттуда выпустить поскорее. Говорят, некоторые женщины в восточных странах так делают, и легче жить становится (смеется).

— А тебе нелегко живется?

— Иногда мне кажется, что я морально не готова к такому количеству концертов. К тому, что режиссеры во время съемки клипов слишком строго требуют от меня каких-то перевоплощений. Вместо того чтобы я изображала саму себя. А я настолько серьезно к их требованиям отношусь, что у меня явно наступают моральные перегрузки.

— Значит, пение — это твоя работа? Не самая легкая, но любимая, если ты так старательно преодолеваешь все сложности, связанные с ней. А есть ли в твоей жизни такой род занятий, который ничего, кроме радости, у тебя не вызывает? Никаких негативных эмоций?

— Да. Это занятия живописью. Рисуя, я себя чувствую очень хорошо, расслабляюсь и наслаждаюсь моментом. У дедушки висит моя любимая акварель — там нарисована часовня Даниловского монастыря. Я люблю церкви рисовать — они такие красивые. Их так приятно рисовать, что я абсолютно обо всем в это время забываю. Последний мой рисунок — это карандашный набросок куполов церкви в Новом Иерусалиме. Так хочется его закончить, но нет времени. Однажды я устрою презентацию своего альбома в комнате, где на всех стенах будут висеть мои акварели.

— Если нет тебе наскучит, то ты займешься живописью всерьез?

— Скорее только ради удовольствия. Гораздо очевиднее, что в будущем буду заниматься бизнесом. Может быть, шоу-бизнесом. Он уже самый привычный для меня. Я ведь сейчас учусь в Плехановском. На факультете «Бизнес и деловое администрирование». Правда, первый курс прошел не совсем так, как хотелось бы, — из-за постоянных гастролов. Но в этом году мы планируем составить график таким образом, чтобы я успевала ходить на занятия.

— Ты очень привлекательная, юная, цветущая. И при этом ни грамма косметики на лице. Ты вообще ею пользуешься?

— Только во время съемок клипов и концертов. Как-то год назад одна девушка раскритиковала меня на покупку косметики фирмы «Мэри Кэй». Но мне эта косметика абсолютно не подошла. Мне больше по душе все естественное. Даже цвет волос. Если он неестественный, то это меня раздражает. Наверное, поэтому я всегда в школе красила волосы хной. И до сих пор не использую химические краски. Это помогает мне выглядеть более юной.

— А тебе никогда не хотелось кардинально изменить свой облик? Например, из брюнетки стать ярко-рыжей или блондинкой. Многие современные девушки всю экспериментируют над собой.

— Нет, нет, нет. Мне по душе те цвета, которые можно

достичь с помощью натуральных красителей. Например, коры дуба, когда волосы так необыкновенно отливают медью. Нравится каштановый оттенок или черный как смола, который получается, если краситься басмой.

— Есть ли среди твоих друзей люди, с которыми ты себя чувствуешь наиболее комфортно?

— Скорее среди старых друзей, с которыми я общаюсь уже лет семь-восемь. С которыми выросла в одном дворе. Они не способны завидовать, злиться. Могут даже подколоть, съязвить или выдать правду в лицо, но по делу. На них нет желания обижаться. Мы практически как родные. Наше общение приносит только радость.

— Лена, ты довольна своим вторым альбомом «Не виновата я»?

— Мне нравится и не нравится одновременно, что он получился слишком разноплановым. То есть он не выдержан в едином духе. С одной стороны — какое-то разнообразие. А с другой — нет одного узнаваемого стиля. На первый альбом, кстати, реакция была более бурная. А этот приняли спокойно. Хотя в нем достаточно много музыки именно для молодежи — веселых танцевальных мелодий. Мне, например, очень нравится из этого альбома песенка «Не ревнуй». Наверно, потому, что я ее воспринимаю на уровне личных ощущений. Сейчас я готовлю

третий альбом к выпуску — он выйдет в сентябре. И все недочеты второго буду иметь в виду. Музыка в третьем альбоме будет совершенно иная.

— *Что-нибудь изменилось в твоей творческой жизни?*

— Да. Сейчас я полностью погрузилась в поиск нового стиля. Общаюсь с композиторами, занимаюсь вокалом, танцами. Купила себе синтезатор, пытаюсь делать сама аранжировки. У меня сейчас такой свободный период, больше воздуха, что ли. Я рассталась со своим директором. И теперь сама себе директор, сама себе режиссер. Я ведь очень люблю принимать решения самостоятельно. Наконец-то я эту возможность получила!

— *Где-то в разговоре я слышала, что ты водитель с очень давним стажем. Тебе не страшно на наших дорогах?*

— Нет, я ведь с пятнадцати лет просила всех научить меня водить. Добилась своего — получила права, отучилась на курсах и в шестнадцать стала водить автомобиль.

— *Считается, что гаишники очень лояльно относятся к нашим звездам. Даже если те нарушают правила.*

— Ко мне гаишники относятся хорошо. Только однажды столкнулась с неприязнью в свой адрес. Дело в том, что у меня украли машину и там же были права. Машину я купила новую, а чтобы восстановить права, нужно было время, и я начала ездить без

прав. Но тому гаишнику, даже с помощью соответствующих документов, не смогла доказать, что я их восстанавливаю. Видимо, у него ко мне была личная неприязнь. Он молча и настойчиво отправил мою машину на эвакуаторе. В ГАИ она простояла ночь. И только с помощью знакомых мне ее удалось выволить достаточно безболезненно.

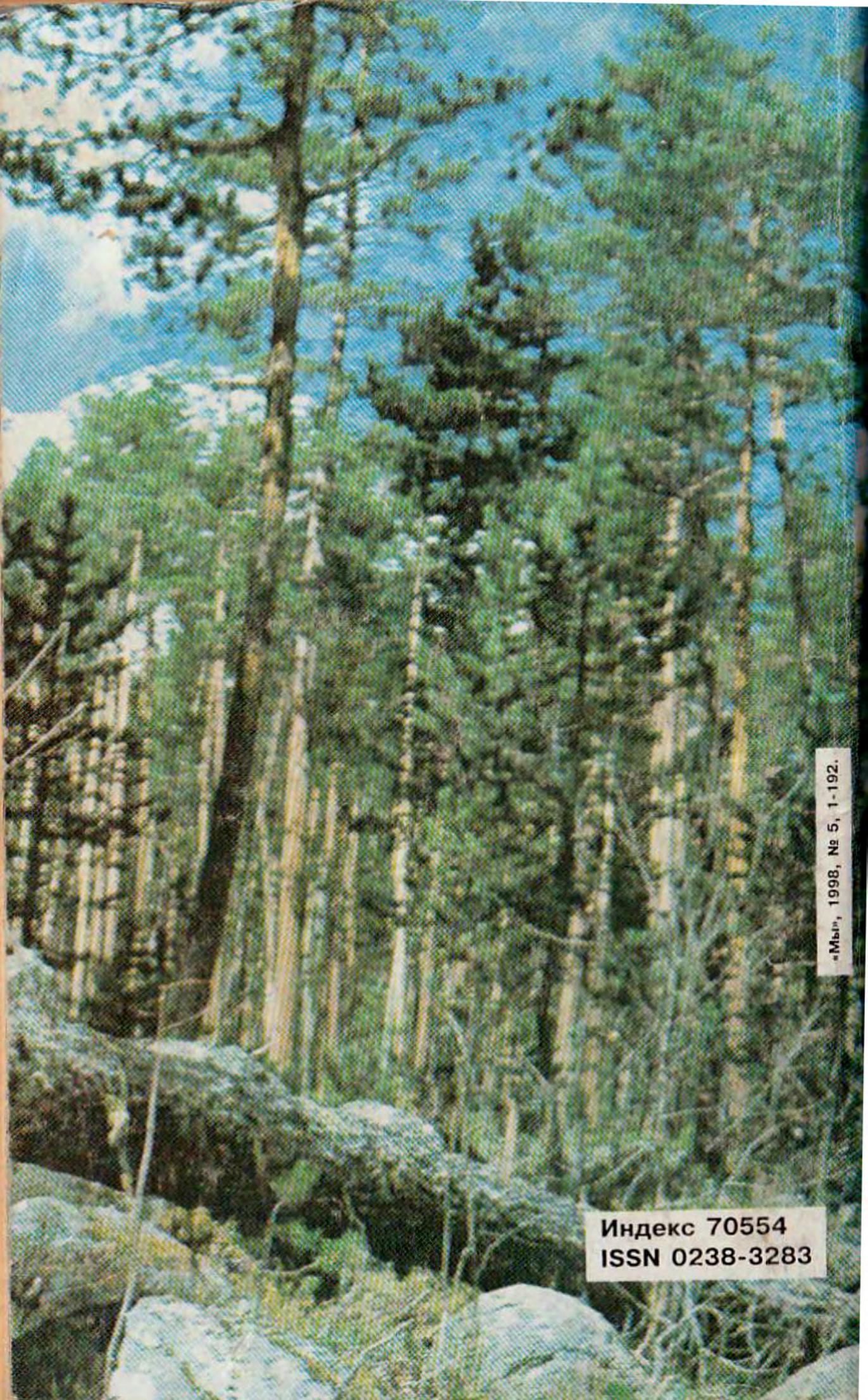
— *Лена, ты удивительный человек. То ты даришь своему старенькому дедушке собственные акварели, то говоришь, что займешь свое достойное место в сфере бизнеса, в мире, где нет места людям сентиментальным, то гоняешь на своей машине без прав, рискуя быть остановленной гаишниками, которых боятся даже взрослые мужчины. Выходит, ты совершенно непредсказуема?*

— Совсем наоборот. Например, однажды я влюбилась довольно сильно. Но это было в семнадцать лет, и при этом моя голова не потерялась, во всяком случае настолько, чтобы броситься на шею первой. Нет, я подождала недельку, до тех пор, когда он уже не смог терпеть и сам признался в любви. Тогда ему ответила «и я тоже». Я могу оценить ситуацию и выжать из нее максимум пользы для себя. Но при этом я действительно очень сентиментальна и чувствительна. А иначе я не стала бы певицей.

Беседу вела
Лена КАРЧЕВСКАЯ

Лена ЗОСИМОВА

«МЫ», 1998, № 5, 1-192.

Индекс 70554
ISSN 0238-3283